

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2023

Том 23

Выпуск 1

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

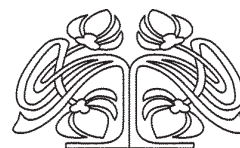

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия
Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2023 Том 23

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

Волкова В. А. Этика буддизма в свете западных нормативных этических теорий: деонтология 4

Гапоненков А. А. Библия в религиозно-философском творчестве Н. С. Арсеньева: мистический опыт 9

Крайнов А. Л. От гуманизма к постгуманизму: трансформация представлений о человеке в философской мысли 15

Лузина И. И. Здоровый образ жизни: философское измерение 20

Маслов В. М. Практическая философия: современные основы и необходимость 25

Михель Д. В., Резник О. Н. Редактирование генома и вопрос о статусе человеческого эмбриона *in vitro* 30

Цельковский А. А. Ностальгия по СССР: образы советской эпохи в медийной и политической практике современной России 35

Шаткин М. А. Диалектика платформизации 40

Шугуров М. В., Мозжиллин С. И. Религиозно-мистический опыт и психоаналитическая традиция 45

Психология

Духновский С. В., Заикин А. В. Рефлективное представление о родительских отношениях как детерминанта темпоральности взрослого 50

Нещадим Д. В. Проективные рисуночные тесты в оценке эмоциональной привязанности женщин, больных шизофренией, к членам своей семьи 56

Руденко С. Л. Взаимосвязь отношения к болезни и социального восприятия у лиц с истерическим неврозом 62

Рядинская Е. Н., Волобуев В. В. Социально-психологические и личностные особенности проявления трудоголизма 67

Сучков Е. Д. О некоторых факторах субъективного экономического благополучия 74

Толстиков В. В. Психологическая готовность оперативной смены АЭС к работе в нестандартных ситуациях как условие ее групповой надежности 79

Южанинова А. Л. Родоначальник саратовской университетской психологической школы С. Л. Франк (к 145-летию ученого) 85

Педагогика

Иванова В. А. Юмор как эффективный инструмент преподавания иностранного языка в вузе 94

Малкова М. В. Формирование коммуникативной компетенции российских и иностранных студентов-электриков в рамках социокультурного проекта 99

Михеев С. А. Дискуссионная компетенция в структуре подготовки современного инженера 104

Озерова О. А. Гуманизация преемственности социального переустройства современного общества на основе идеи воссоздания СССР в представлениях студенчества 111

Семенов И. А. Концепция педагогики Э. Демолена в контексте реформаторского течения «Новое воспитание» 116

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.3.1; 5.3.4; 5.3.5; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.4; 5.7.5; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8; 5.7.9; 5.8.1; 5.8.2; 5.8.7)

Подписной индекс издания 36014. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (phpp.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Батищева Татьяна Федоровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.03.2023
Подписано в свет 31.03.2023
Формат 60 × 84 1/8.
Усл. печ. л. 13,95 (15,0).
Тираж 100 экз. Заказ 10-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

– на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегию серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

– аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

– в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: aroria@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Volkova V. A.** Buddhist ethics in the context of western normative ethical theories: Deontology 4
- Gaponenkov A. A.** The Bible in the religious and philosophical works of N. S. Arseniev: Mystical experience 9
- Kraynov A. L.** From humanism to post-humanism: Transformation of ideas of a man in philosophical thought 15
- Luzina I. I.** Healthy lifestyle: Philosophical dimension 20
- Maslov V. M.** Practical philosophy: Modern foundations and necessity 25
- Mikhel D. V., Reznik O. N.** Genome editing and the status of the human embryo *in vitro* 30
- Tselykovsky A. A.** Nostalgia for the USSR: Images of the Soviet era in the media and political practice of modern Russia 35
- Shatkin M. A.** The dialectics of platformization 40
- Shugurov M. V., Mozhilin S. I.** Religious-mystical experience and the psychoanalytic tradition 45

Psychology

- Dukhnovsky S. V., Zaikin A. V.** Reflexive representation of parental relationships as a determinant of adult temporality 50
- Neshchadim D. V.** Projective drawing tests in assessing the emotional attachment of women with schizophrenia to their family members 56
- Rudenko S. L.** The relationship between the attitude to the disease and social perception in persons with hysterical neurosis 62
- Ryadinskaya E. N., Volobuev V. V.** Socio-psychological and personal characteristics of the manifestation of workaholism 67
- Suchkov E. D.** Some factors of subjective economic well-being 74
- Tolstikov V. V.** Psychological readiness of the NPP operational shift to work in emergency situations as a condition of its group reliability 79
- Yuzhaninova A. L.** The founder of the Saratov University psychological school S. L. Frank (on the occasion of 145th anniversary of the scientist) 85

Pedagogy

- Ivanova V. A.** Humor as an effective tool for teaching a foreign language at the university 94
- Malkova M. V.** Formation of the communicative competence of Russian and foreign electrical students during the socio-cultural project 99
- Mikheev S. A.** Discussion competence in the structure of modern engineer training 104
- Ozerova O. A.** Humanization of the continuity of modern society social reorganization on the basis of the idea of recreating the USSR in the students' mind 111
- Semenov I. A. E.** Demolins' concept of pedagogy in the context of the reform movement "New Education" 116

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Антипова Екатерина Алексеевна, кандидат филос. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Жуковский Владимир Петрович, доктор пед. наук, профессор (Москва, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризое Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Михайловна, доктор филос. наук, доцент (Москва, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY”**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

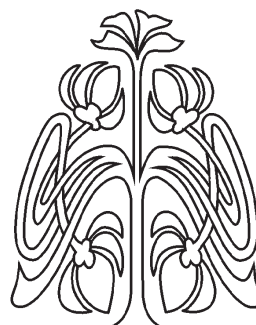
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Ekaterina A. Antipova (Saratov, Russia)

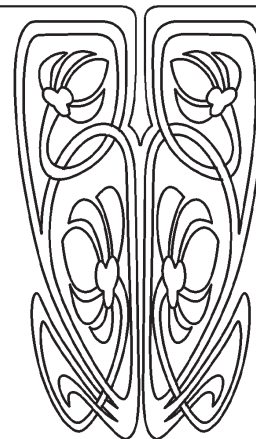
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)
Vladimir P. Zhukovsky (Saratov, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)

Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Svetlana M. Frolova (Moscow, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

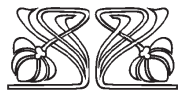
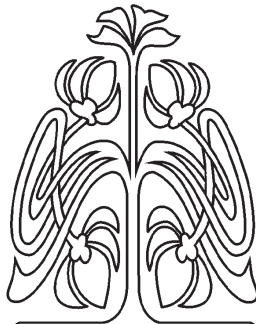

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

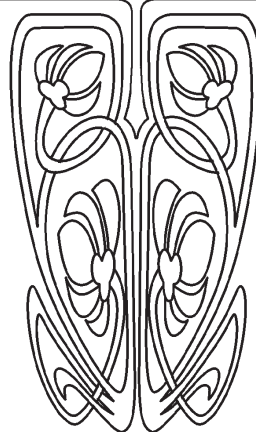

ФИЛОСОФИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–8

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–8
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-4-8>

EDN: ZXCFL

Научная статья
УДК 1(091)+17.0

Этика буддизма в свете западных нормативных этических теорий: деонтология

В. А. Волкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Волкова Влада Алексеевна, аспирант кафедры истории зарубежной философии, aleksa-vlada@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7840-6842>

Аннотация. Введение. Компаративистские исследования, проводимые внутри молодой дисциплины буддийской этики, оформились вокруг полемики между теми, кто усматривает в буддийской этике консеквенциалистский характер моральной мотивации, и теми, кто отстаивает схожесть этики буддизма с этикой добродетели. Несмотря на то, что такие магистральные исследователи, как Дамьен Кеонун или Чарльз Гудман, не придают деонтологическим чертам в этике буддизма значимой роли, существует немногочисленный лагерь исследователей, защищающих сходство буддийского учения и деонтологии. **Теоретический анализ.** Цель данной статьи – рассмотреть основания, на которых возможно выстраивать защиту сопоставления этики буддизма с деонтологией Канта. Этот анализ должен дать ответ на вопрос, почему деонтологическое прочтение буддийской этики на данный момент имеет наименьшее число сторонников. **Заключение и выводы.** Буддийская этика исходит из иных метафизических предпосылок, нежели этика Канта, и по своему характеру не принимает абсолютизации моральных правил, из-за чего ее проблематично рассматривать в качестве разновидности деонтологической этической теории. Тем не менее подобные компаративистские исследования способствуют лучшему пониманию как буддийского учения, так и, возможно, этической теории Канта.

Ключевые слова: буддийская этика, нормативные этические теории, деонтология, Кант

Для цитирования: Волкова В. А. Этика буддизма в свете западных нормативных этических теорий: деонтология // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–8. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-4-8>, EDN: ZXCFL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Buddhist ethics in the context of western normative ethical theories: Deontology

V. A. Volkova

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Vlada A. Volkova, aleksa-vlada@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7840-6842>

Abstract. Introduction. Comparative studies conducted within the young discipline of Buddhist ethics have taken shape around the controversy between those researchers who see the conse-

quentialist character of moral motivation in it and those who defend the similarity between Buddhist ethics and virtue ethics. Despite the fact that such major scholars as Damien Keown or Charles Goodman do not attach much importance to deontological features in Buddhist ethics, there is a small camp of researchers who defend the similarity between Buddhist teaching and deontology. *Theoretical analysis.* The purpose of this article is to critically examine the grounds on which it is possible to build a defense of comparing the ethics of Buddhism with Kant's deontology. This analysis should answer the question why the deontological interpretation of Buddhist ethics currently has the least number of supporters. *Conclusion.* The conclusion is that Buddhist ethics proceeds from other metaphysical premises than Kant's ethics, and by its nature does not accept the absolutization of moral rules, which is why it is problematic to consider it as a kind of deontological ethical theory. Nevertheless, such comparative studies contribute to a better understanding of both Buddhist teaching and, possibly, Kant's ethical theory.

Keywords: Buddhist ethics, normative ethical theories, deontology, Kant

For citation: Volkova V. A. Buddhist ethics in the context of western normative ethical theories: Deontology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–8 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-4-8>, EDN: ZXCFL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Деонтология (букв. – учение о должном) – одна из основных западных этических нормативных теорий. Ее сторонники придерживаются взгляда, согласно которому «определенные действия могут быть правильными, даже если они не максимизируют хорошие последствия, поскольку правильность таких действий заключается в том, что они воплощают определенные нормы» [1]. Деонтологические этические системы делают особый акцент на правилах и предписаниях, которые определяют и направляют должное поведение агента.

Деонтологию наиболее часто связывают со взглядами Канта, который сформулировал фундаментальные положения данной этической теории. По Канту действие не обладает моральной ценностью, если оно не происходит из чувства долга и уважения перед моральным законом. Цель этического поведения для Канта заключается в единении морально равных в царстве целей. Под царством он понимает «систематическую связь между различными разумными существами через общие им законы» [2, с. 210]. Понятие цели раскрывается во второй из трех формулировок кантовского категорического императива – объективной и обязательной для исполнения нравственной нормы, играющей важную роль в этике Канта, которая призывает согласовывать поступки с представлением о любом человеке как о цели и никогда как о средстве [2, с. 205].

Теоретический анализ

Среди немногочисленных работ, посвященных рассмотрению структурных параллелей между деонтологией Канта и этикой буддизма, стоит отметить диссертацию Джастина Уитакера, являющуюся, как замечает сам автор, наиболее полным исследованием вопроса на

данный момент [3, р. 5], работу Филиппа Олсона, который сосредоточился на практике медитации в дзен-буддизме и сопоставил кантовское ноуменальное с буддийской пустотностью или свободой от неведения, а мир явлений Канта – с буддийским понятием формы [4], а также статью Майкла Бермана, сравнивающего рациональный элемент мотивации бодхисаттв с категорическим императивом Канта [5].

В буддизме присутствует нечто, напоминающее абсолютизацию моральных правил. Например, фундаментальные этические предписания буддийской этики для мирян – это 5 священных заповедей (райса-śīla), принимающий которые берет на себя обязательство воздерживаться от убийства живых существ; взятия того, что не было дано; прелюбодеяния; неправдивых слов; напитков и средств, вызывающих помутнение сознания. Для монахов количество заповедей больше.

Однако, как подчеркивает Гудман (опираясь на работы Шантидевы, т. е. рассуждая преимущественно об этике махаяны), хотя в буддизме и присутствуют деонтологические черты, они скорее являются частью *утилитаристского образа мышления*: нам может казаться, что определенный поступок, такой как убийство или воровство, в результате может принести большее благо, но мы знаем, что обычно такие поступки приводят к худшим последствиям для всех. Именно поэтому человек, «учитывая свое собственное невежество, эмоциональную растерянность и восприимчивость к различным иррациональным предубеждениям и когнитивным искажениям, может предпочесть следовать скорее регулирующему принципу, такому как “не воруй” или “честность – лучшая стратегия”, чем собственному глубоко ошибочному суждению» [6, с. 213]. Тем не менее Шантидева отмечает, что «Всевидящие Милосердные позволяли совершать даже то, что запрещено» [7, с. 83] – бодхисаттва, обладающий высоким

уровнем мудрости и знающий, а не просто догадывающийся, какое благо и зло принесет нарушение правила, может его нарушить, если тех, кто пострадает, в долгосрочной перспективе ждут лучшие последствия.

Стоит отметить, что сама формулировка буддийских правил звучит не как «я не должен», а как «я принимаю правило учения воздерживаться от». «Абсолютные ценности противоречили бы центральной буддийской доктрине взаимозависимого возникновения (*pratītya samutpāda*), которая подразумевает, что все, включая этические нормы, существует только по отношению к чему-то другому, и поэтому не может быть никаких абсолютов» [8, р. 331–332]. Кроме того, буддийские заповеди коренятся в представлении о благом (*kuśala*) или неблагом (*akuśala*) действию, что определяется наличием или отсутствием у человека омрачений злобы, жадности и неведения, т. е. в первую очередь *намерением* во время совершения действия, что возвращает нас к характерным чертам этики добродетели [9, р. 177].

Несмотря на эти различия, исследователи буддизма отмечали следующие сходства буддийской этики и деонтологии: в обоих этических учениях за добродетелью следует отсутствие страданий и счастье, если не в этой жизни, то после нее [10, р. 126]; в обоих учениях метафизика вторична по отношению к практике (которая понимается как область этического), тем не менее и деонтология и буддизм выдвигают метафизические утверждения, фундирующие их этические представления: у Канта – различие между обусловленным феноменальным миром и высшим ноуменальным миром свободы, в буддизме – различие между реальностью, обусловленной законом кармы, и реальностью нирваны, открывающейся следующему дхарме человеку, в которой преодолена кармическая обусловленность и открыто понимание высших истин [3, р. 125].

Уитакер и Берман выдвигают аргумент в пользу близости кантовской деонтологии и этики буддизма на основании сходства буддийских понятий *kuśala* (благое; присущая действию добродетельность) и *akuśala* (неблагое; присущая действию недобродетельность) с кантовскими понятиями автономии и гетерономии [3, 5].

По Канту для рационального существа быть автономным означает искать основания действовать, выходя из-под влияния эмпирических (т. е. «основывающихся на принципе счастья» [2, с. 220]) и (или) эмоциональных склонностей и желаний [5, р. 63]. Только когда

рациональные существа действуют свободно и автономно, они порождают в себе предписания должного, т. е. моральный закон.

Под гетерономией Кант понимает качество воли, характеризующееся неспособностью использовать интеллект без внешнего руководства: положение, в котором практическую норму определяет не сама воля, а свойство объекта воли. Автономная, по-настоящему нравственная воля руководствуется лишь принципом разума.

В буддизме достижение чистоты сознания (состояния, подобного кантовской автономии) достигается через устранение желания и вместе с ним ложного представления о самости [5, р. 75]. С кантовским пониманием гетерономии Уитакер сравнивает три омрачения (*kleśa*): жадность, ненависть и неведение, как бы извне контролирующих человека [3, р. 147].

Действительно, рациональный аспект буддийской этики – идея работы над разумом для постижения конечной истины, задающей моральную мотивацию, – есть нечто похожее на идею движения к кантовскому идеалу царства целей. Вопрос в том, насколько эти черты являются схожими на более глубоком уровне. Бодхисаттва, который смотрит на мир через сострадание и правильное понимание, осознает пустотность дхарм и истину взаимозависимого возникновения. Пользуясь языком Канта, он познает, что нет ничего, кроме лишенной собственной природы (*nisvabhāva*) гетерономных элементов опыта. Однако тот факт, что все элементы опыта лишены самосуществования, не согласуется с кантовским понятием автономии, которое требует существования у агента умпостигаемого характера и существования самого агента как личности. В то время как бодхисаттва действует с точки зрения понимания условности анатмана и из сострадания, кантианский агент действует с позиции чистого практического разума [5, р. 73]. Кажется, что кантовское понятие разума также не совсем соответствует буддийскому правильному пониманию. Техника, предлагаемая учителями махаяны и Шантидевой, состоит в интуитивном прозрении и *усмирении* ума, достигаемых посредством медитации: «Отбросив все прочие заботы и сосредоточив свой ум на единственном помысле, должен я усердствовать в достижении самадхи и в усмирении ума» [7, с. 125].

Несмотря на некоторые удачные аргументы в пользу схожести двух теорий, различий между буддийской этикой и деонтологией Канта, кажется, намного больше. Их лаконично изло-

жил Гудман: буддисты решительно отрицают трансцендентальное я, чье существование Кант полагал необходимым постулатом практической жизни. Буддисты не выработали понятия свободы воли, которое для Канта играет существенную роль в обосновании возможности морального закона. Буддисты считают, что знание о том, как поступать наилучшим образом, требует *развития* выдающегося уровня мудрости, Кант же настаивал на том, что люди изначально обладают знанием о том, что нужно делать [11, р. 61]. При этом Кант, по-видимому, не считал возможным достижение этического совершенства для человека в этом мире [12, с. 519]. Буддизм предполагает, что оно возможно, хотя может потребовать несколько жизней. По Канту только существа, обладающие рациональной способностью выбирать и преследовать определенные цели, имеют абсолютную ценность. Позиция буддизма более всеобъемлющая, расширяющая обязанности человека до всех чувствующих существ.

На данный момент, как кажется, кроме Уитакера и Андрея-Валентина Бакрау, написавшего магистерскую диссертацию о кантианских чертах этики Шантидевы [13], никто больше в англоязычном исследовательском пространстве не утверждает о преобладании или хотя бы *значимом* наличии в этике буддизма деонтологических черт. Хочется выразить надежду на то, что в будущем появятся новые исследования, глубже развивающие эту тему и выявляющие новые точки схождения и расхождения этих двух учений.

Заключение

Позиция, согласно которой буддистская этика обладает достаточным количеством деонтологических черт, уязвима для критики, но не обосновательна. Исследователи, заявляющие о подобном сходстве, отталкиваются от той значимости, которую буддистские тексты придают работе с омрачающими сознание факторами для *устранения внешнего руководства* и жизни в согласии с моральным законом или дхармой. Также они обращают внимание на наличие в буддизме *конкретных моральных норм и запретов* и тот факт, что оба учения отводят большую роль *общезначимости моральных требований*, выраженных в представлении о равенности всех рациональных существ (у Канта) или всех чувствующих существ (в буддизме).

С нашей точки зрения, в буддизме более выражены характерные черты как этики добро-

детели, так и консеквенциализма. Схожести с деонтологией кантовского типа имеют место, но кажутся менее соответствующими духу буддизма, в первую очередь из-за того, что буддизм не склонен к абсолютизации моральных императивов и не придает *рациональному* руководству такой значимости.

Интересно, что сами буддийские монахи, не принадлежащие напрямую европейской традиции, вовлекаясь в компаративистский диалог, считают, что буддийскую этику бесполезно сравнивать с западными теориями, потому что это самостоятельный феномен: «Чтобы понять природу буддийской этики, буддизм следует исследовать без его сопоставления с западными этическими теориями, поскольку согласно буддийской этике в абсолютном состоянии (paramatman) все пустотно (sūnyata)» [14, р. 10].

Васен также считает, что буддизм не принадлежит к какой-либо семье этических теорий, но что интерпретация буддизма с той или иной позиции может быть более или менее плодотворной для интеграции различных аспектов буддийского учения в единое целое, а также для повышения мотивации выстраивать свою жизнь в соответствии с этим пониманием [8, р. 317].

Закончить данную статью хочется изложением мысли Уитакера: «Хотя такие категории, как этика добродетели, консеквенциализм и деонтология, и развиты на Западе, они не являются единственными для Запада. ... Исследователь может начать с вопроса, может ли буддийская этика быть деонтологической. Изучив аналогичные особенности буддийской или других форм этики, он может выбрать незападное обозначение, например, «дхармический», а затем спросить: не является ли, например, кантовская этика дхармической? Это тот сдвиг в перспективе, которому способствует компаративистская этика. Теперь мы можем читать западную философию и находить созвучные ей положения в философии Востока» [3, р. 209].

Список литературы

1. Alexander L., Moore M. Deontological Ethics // Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2021 Edition) / ed. by E. N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2021/entries/ethics-deontological> (дата обращения: 16.09.2022)
2. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 153–246.
3. Whitaker J. Ethics as a Path: Kantian Dimensions of Early Buddhist Ethics : Diss. Dr. Sci. (Philos.). Goldsmiths, University of London, 2017. 241 p.

4. Olson P. *The Discipline of Freedom: A Kantian View of the Role of Moral Precepts in Zen Practice*. New York : SUNY Press, 1993. 246 p.
5. Berman M. A Metaphysics of Morality: Kant and Buddhism // *Canadian Journal of Buddhist Studies*. 2006. № 2. P. 61–81.
6. Goodman C. Śāntideva's Ethics of Impartial Compassion // *Readings of Śāntideva's Guide to Bodhisattva Practice (Bodhicaryāvatāra)* / ed. by J. C. Gold, D. S. Duckworth. New York : Columbia University Press, 2019. P. 209–220. <https://doi.org/10.7312/gold19266-015>
7. Шантидева. Путь Бодхисаттвы (Бодхичарья-аватара) / пер. с тиб. Ю. Жиронкиной. СПб. : Карма Йеше Палдрон ; Уддияна, 2000. 232 с.
8. Vasen S. M. Buddhist Ethics Compared to Western Ethics // *The Oxford Handbook of Buddhist Ethics* / ed. by D. Cozort, J. M. Shields. Oxford : Oxford University Press, 2018. P. 317–333.
9. Harvey P. An analysis of factors related to the kusala/ akusala quality of actions in the Pāli tradition // *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. 2010. Vol. 33, № 1–2. P. 175–209.
10. Keown D. *The Nature of Buddhist Ethics*. New York : St. Martin's Press, 1992. xi+269 p.
11. Goodman C. *Consequences of Compassion: An Interpretation and Defense of Buddhist Ethics*. Oxford : Oxford University Press, 2009. 264 p.
12. Кант И. Критика практического разума // *Кант И. Собрание сочинений* : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 373–479.
13. Bacrau A.-V. *Śāntideva and Kant: An East-West Comparative Study in Ethics* : Diss. Master of arts Buddhist Studies (Philos.). Nalanda University, 2019. 44 p.
14. Chandaratana D. Is Buddhist ethics Deontological or Teleological? (A Review on the Interpretations of the Selected Modern Scholars) // *Pravacana Reviewed Academic Journal*. 2018. Vol. 9, № 1. P. 84–103.
2. Kant I. Groundwork of the Metaphysics of Morals. In: Kant I. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Kant I. Collected Works: in 8 vols.]. Moscow, Choro Publ., 1994, vol. 4, pp. 153–246 (in Russian)
3. Whitaker J. *Ethics as a Path: Kantian Dimensions of Early Buddhist Ethics*. Diss. Dr. Sci. (Philos.). Goldsmiths, University of London, 2017. 241 p.
4. Olson P. *The Discipline of Freedom: A Kantian View of the Role of Moral Precepts in Zen Practice*. New York, SUNY Press, 1993. 246 p.
5. Berman M. A Metaphysics of Morality: Kant and Buddhism. *Canadian Journal of Buddhist Studies*, 2006, no. 2, pp. 61–81.
6. Goodman C. Śāntideva's Ethics of Impartial Compassion. In: Gold J. C., Duckworth D. S., eds. *Readings of Śāntideva's Guide to Bodhisattva Practice (Bodhicaryāvatāra)*. New York, Columbia University Press, 2019, pp. 209–220. <https://doi.org/10.7312/gold19266-015>
7. Śāntideva. *Put' Bodkhisattvy (Bodkhar'ya-avatara)* [The Path of the Bodhisattva (Bodhicharya Avatara)]. St. Petersburg, Karma Yeshe Paldron Publ. ; Uddiyana Publ., 2000. 232 p. (in Russian).
8. Vasen S. M. Buddhist Ethics Compared to Western Ethics. In: Cozort D., Shields J. M., eds. *The Oxford Handbook of Buddhist Ethics*. Oxford, Oxford University Press, 2018, pp. 317–333.
9. Harvey P. An analysis of factors related to the kusala/ akusala quality of actions in the Pāli tradition. *Journal of the International Association of Buddhist Studies*, 2010, vol. 33, no. 1-2, pp. 175–209.
10. Keown D. *The Nature of Buddhist Ethics*. New York, St. Martin's Press, 1992, xi+269 p.
11. Goodman C. *Consequences of Compassion: An Interpretation and Defense of Buddhist Ethics*. Oxford, Oxford University Press, 2009. 264 p.
12. Kant I. Critique of Practical Reason. In: Kant I. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Kant I. Collected Works: in 8 vols.]. Moscow, Choro Publ., 1994, vol. 4, pp. 373–479 (in Russian).
13. Bacrau A.-V. *Śāntideva and Kant: An East-West Comparative Study in Ethics*. Diss. Master of arts Buddhist Studies (Philos.). Nalanda University, 2019. 44 p.
14. Chandaratana D. Is Buddhist ethics Deontological or Teleological? (A Review on the Interpretations of the Selected Modern Scholars). *Pravacana Reviewed Academic Journal*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 84–103.

References

1. Alexander L., Moore M. Deontological Ethics. In: Zalta E. N., ed. *Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2021 Edition)*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2021/entries/ethics-deontological> (accessed 16 September 2022).

Поступила в редакцию 02.11.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 02.11.2022; approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 11.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 9–14
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 9–14
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-9-14>, EDN: ZAYHIS

Научная статья
УДК [2:1](470+571)+929[Арсеньев]

Библия в религиозно-философском творчестве Н. С. Арсеньева: мистический опыт

А. А. Гапоненков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, gaponenkova@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Аннотация. В статье прослежены становление мистического опыта Николая Сергеевича Арсеньева (1888–1977) на основании мемуарной книги «Дары и встречи жизненного пути» (1974), этапы его занятий библеистикой. Предложен анализ экзегетической работы Арсеньева «Религиозный опыт апостола Павла» (1935). Он был одним из русских мыслителей, в трудах которого Священное Писание занимало центральное место, и почти все его религиозные идеи выросли из новозаветных книг, библейских концептов. В качестве экзегета он исследовал проблему Логоса в Евангелии от Иоанна Богослова и мистический опыт Посланий апостола Павла. Сквозной темой трудов Арсеньева была мистика в древних культах, поэзии Средних веков, творениях отцов-пустынников, текстах русских и западноевропейских подвижников благочестия, религиозных философов (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, С. Н. Трубецкой, С. Л. Франк), библеистов. Философ опирался на мистический опыт Церкви, единства христиан. В Посланиях святого апостола Павла он акцентировал мистику жизни во Христе, христианский реализм, реализм Креста Господня, реализм Воскресения. В целом мистический опыт Павла – его проповеди и деятельность – по Арсеньеву отличается от «нашего обычного опыта» и более реален, так как апостол «покорен», «захвачен» Христом, Его полнотой, благодатью Божией.

Ключевые слова: Библия, библеистика, Н. С. Арсеньев, Послания апостола Павла, экзегеза, мистический опыт

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44221 Теология.

Для цитирования: Гапоненков А. А. Библия в религиозно-философском творчестве Н. С. Арсеньева: мистический опыт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 9–14. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-9-14>, EDN: ZAYHIS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Bible in the religious and philosophical works of N. S. Arseniev: Mystical experience

A. A. Gaponenkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexey A. Gaponenkov, gaponenkova@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Abstract. The article traces the formation of the mystical experience of Nikolai Sergeevich Arseniev (1888–1977) on the basis of the memoir book “Gifts and Encounters of the Life Path” (1974), and the stages of his consideration of biblical studies. The analysis of Arseniev’s exegetical work “The Religious Experience of the Apostle Paul” (1935) is proposed. He was one of the Russian thinkers in whose writings the Holy Scripture occupied a central place, and almost all of his religious ideas grew out of New Testament books, and biblical concepts. As an exegete, he studied the problem of the Logos in the Gospel of John the Evangelist and the mystical experience of the Epistles of the Apostle Paul. The cross-cutting theme of Arseniev’s works was mysticism in ancient cults, the poetry of the Middle Ages, the works of the desert fathers, the texts of Russian and Western European ascetics of piety, religious philosophers (A. S. Khomyakov, I. V. Kireevsky, S. N. Trubetskoy, S. L. Frank) and biblical scholars. He relied on the mystical experience of the Church, the unity of Christians. In the Epistles of the Holy Apostle Paul, Arseniev emphasized the mysticism of life in Christ, Christian realism, the realism of the Cross of the Lord, and the realism of Resurrection. In general, the mystical experience of Paul, his preaching and activity, according to Arseniev, differs from “our usual experience” and is more real, since the apostle is “subdued”, “captured” by Christ, His fullness, and the grace of God.

Keywords: Bible, biblical studies, N. S. Arseniev, Epistles of the Apostle Paul, exegesis, mystical experience

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 21-011-44221 Theology.

For citation: Gaponenkov A. A. The Bible in the religious and philosophical works of N. S. Arseniev: Mystical experience. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 9–14 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-9-14>, EDN: ZAYHIS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Из всех русских религиозных мыслителей и историков церкви первой половины XX в. библистикой как таковой занимались немногие, почти все они были эмигрантами из России, прежде всего это профессора Свято-Сергиевского Богословского института в Париже – протоиерей С. Н. Булгаков, А. В. Карташов, С. С. Безобразов (архимандрит Кассиан), Б. И. Сове. В межвоенные годы в Варшаве и Кенигсберге библистом, историком теологии был профессор Николай Сергеевич Арсеньев, филолог, культуролог, религиозный философ, работы которого еще мало изучены в их отношении к Священному Писанию. Арсеньев творчески использовал идеи восточного и западного христианства. В этой связи стоит обратить внимание на его мемуарную книгу «Дары и встречи жизненного пути» (Франкфурт на Майне: Посев, 1974) и проследить основные вехи его занятий библейским текстом. Цель настоящей работы – выявить, как автор понимал мистическую природу Священного Писания, и прежде всего в Посланиях апостола Павла.

Во Вступлении Арсеньев посвятил свое сочинение брату Юрию и молодежи, которая «радуется многообразным искрам света, свежести, бодрости, и радостного подъема, пронизывающим жизнь как излучения из одного Источника света» [1, с. 10]. О Божественном свете писал евангелист Иоанн: «...Свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1:9). Арсеньев – мистик, каждое Библейское Слово для него наполнено прикровенным смыслом и есть дар Божий.

«Картины прошлой Москвы», его детства и юности непредставимы без жизни Церкви, бытового православия: атмосфера Великого Поста, службы Страстной недели, «пение умиленных слов 118 псалма: “Блаженни непорочнии в пути ходящи в законе Господнем”» [1, с. 39], крестный ход вокруг церкви, пасхальное чувство в торжественную ночь – все приносило умиротворение душе.

Мать Екатерина Васильевна Арсеньева заронила в отроке глубокую религиозность, познакомила со Священным Писанием: «Помню, как в дни нашего детства и отрочества – и юношеские тоже, когда мы бывали дома, она каждое утро читала вслух главу из Евангелия и главу из какого-нибудь послания апостольского и часто еще один псалом (в русском переводе)» [1, с. 72]. Упоминание 118 псалма возникнет у Арсеньева во многих его сочинениях. Это – от матери: «Ее любимой книгой была Библия. Много также читала она “Добротолюбие”, творения Аввы Дорофея, Исаака Сирина, Макария Египетского

и очень любила книги епископа Феофана Затворника (особенно его Толкование на 118-й псалом – ее любимый). Любила она очень “Отечник” (изречения египетских отцов-пустынников), творения св. Дмитрия Ростовского, “Fioretti” св. Франциска Ассизского, творения великого испанского мистика Иоанна Св. Креста (Juan de la Cruz), которые читала во французском переводе» [1, с. 76].

Из русских поэтов выделялся А. С. Хомяков, которого Арсеньев читал уже в 7–8 лет, на стихах его морально воспитывался: «Бог выше народа, выше государства, выше моей родины. Родина, народ – суть огромные, святые ценности; нужно быть готовым жизнь свою отдать за них. Это своей жизнью – не только своими словами – постоянно подтверждал Хомяков» [1, с. 214]. Поэт звал к Высшей Правде, к вере в Бога, и мальчик ощущал *мистическое присутствие* Христа, Его царское величие и смирение, бедность. В университетские годы Арсеньев познакомился с богословскими трудами Хомякова «Письма православного христианина»¹, «Церковь одна». Юношу вдохновило то, как автор писал о *мистическом опыте Церкви* и о *критериях религиозной Истины*, которая дается человеку в живом соборном общении, в жизни Духа Божия [1, с. 222]. Миросозерцание Хомякова Арсеньев выводит из послания апостола Павла к Ефесянам: «Молюсь, чтобы вы, *укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть вместе со всеми святыми, что есть широта и долготы, и глубина и высота (Божия. – Н. Арсеньев), и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею*» (Ефес. 3:18–19) [1, с. 224]. Этот апостольский опыт свидетельствует о том, что без любви и духовной свободы невозможно познание Бога.

Христианское воспитание легло на благодатную почву. Услышанные когда-то библейские тексты актуализировались в памяти Николая Сергеевича много раз, им перечитывались, исследовались. Сын читал матери то, что слышал от нее когда-то, пораженный: «Для меня было большим наслаждением читать ей вслух отрывки из Библии (особенно из книги пророка Исаи, 118-й псалом, из посланий апостола Павла, из 1-го послания апостола Иоанна), а также – для внутренней проверки – то, что я писал на религиозные темы» [1, с. 76]. Домашние чтения привели его впоследствии к утверждению понятия «домашняя церковь», введенного им в культурологический оборот.

¹ Арсеньев, видимо, имел в виду заглавие «Несколько слов православного христианина о западных исповеданиях».

Из родительского дома Арсеньев вынес основы своего мировоззрения, замешанного на евангельских истинах, понимания смысла истории как воплощенного Слова [2]. На первое место для него вышла проблема религиозного преображения Красоты. Он изучал ее в платонизме эпохи Возрождения, в творчестве Данте, у христианских мистиков, в церковных песнопениях – гимнах: «Я стал воспринимать Воплощение, Самоотдание и Воскресение Сына Божия, как основу и закваску реабилитации твари, возведения ее в высшее достоинство и залог ее преображения» [1, с.113]. Но все же главными темами жизни Арсеньева стали история раннего христианства и благовестие Нового Завета. Особое значение для него имели древнегреческая религия, пессимизм в Древней Греции, мистические культы. На историко-филологическом факультете Московского университета он занимался мистической поэзией Средних веков, различными подходами к мистике.

В Саратове в годы Гражданской войны Арсеньев, будучи профессором Саратовского университета, написал книгу «Жажда подлинного Бытия (Пессимизм и мистика)», изданную в Берлине после его эмиграции [3, с. 29–33]. Проблемы мистики волновали его всю жизнь. Он исследовал мистический опыт многих великих мистиков прошлого, в том числе с точки зрения сравнительной истории религий и сравнительной психологии: «Мистики говорят о *Реальности Божией*, превосходящей все прочие реальности, как единой подлинно и истинно существующей и *покоряющей*, захватывающе покоряющей нас. И умирающей, утоляющей жажду нашего сердца» [1, с. 124].

Апостол Павел был для Арсеньева воплощением мистического опыта: «Апостол Павел говорит о радостном, неизреченном, всепревозмогающем избытке новой жизни», о «преизбыточествующей славе» (2 Кор. 3:10) и силе. Новозаветный эпитет «преизбыточествующий» глубоко и надолго вошел в духовную жизнь Арсеньева, послужил заглавием одной из его книг. Он цитирует Второе послание Коринфянам: «Любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так: если Один умер, то все умерли, а умер Он за всех, чтобы живущие не для себя жили, а для Умершего за них и Воскресшего» (2 Кор. 5:14). На основе анализа мистики различных народов Арсеньев пришел к выводу о том, что специфическая черта христианской мистики заключена в ее *христоцентричности*. Она в особой «захваченности» любовью Спасителя. Арсеньев прикасался как подлинный мистик к Преизбыточествующей

Реальности. «Избыток новой жизни», которую принес Новый Завет, он видел в богатстве славы Иисуса Христа: «Полнота Божия раскрылась нам в явлении, в безмерном снисхождении, в смерти и воскресении “Сына Любви Его” (Колосс. 1, 13), в *смирненном снисхождении Любви Божественной*» [1, с. 126].

Еще одна идея была определяющей в деятельности Арсеньева – это единение христиан, которое возможно только *на глубине*. Как религиозный мыслитель он стремился выйти за рамки конфессиональной принадлежности и пришел к межконфессиональному сотрудничеству с католиками и протестантами, в «экуменическом движении»², принимая участие в различных христианских форумах. Христианское единство по Арсеньеву коренится «скрытой основоположной близостью» [1, с. 128], в ощущении высшей жизни. Как заново осознать *первоначальное благовестие*? Мир, испытывая бесконечные страдания, созерцает и бесконечное милосердие Божие. Арсеньев говорит о «прорыве Божиим в мир» в определенное историческое время, Сына Божия «в унижении, смирении – и Славе» [1, с. 129]. Особенно это стало заметно, пробудилось в людях в эпоху двух мировых войн и русской революции. Это и есть «мистическая захваченность» людей «божественным Присутствием» [1, с. 129]. Свою мысль о том, что «по мере роста испытаний растет иногда и сила, совершаемая в немощи» [1, с. 129], Арсеньев подкрепляет духовным опытом апостола Павла: «Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше» (2 Кор. 1:5). Перед нами лично и глубоко переживаемые слова из Второго послания Коринфянам, которые Арсеньев очень любил повторять, относя их к своим современникам, людям, пережившим войны, революцию, тяжесть эмиграции.

Каждую духовную встречу, новое вдохновение для творчества, «горение перед Богом» [1, с. 130] Арсеньев называет *дарами на жизненном пути*, используя евангельский образ «даров» Господних, которые получает человек, устремленный к Христу. К ним он относил примеры христианской праведности, и не только в

² Об «экуменизме» есть у Арсеньева отдельное замечание: «Оставим, впрочем, это слово ввиду его непопулярности среди ряда серьезно верующих людей – непопулярности, вызванной промахами и ошибками, а также тенденцией к обмирщению, секуляризации и “политизации” веры, обнаруживавшейся в последнее время у многих деятелей этого нынешнего “экуменического движения”» [1, с. 129].

«нашей Церкви», но и в других христианских исповеданиях. Арсеньев горячо и вдохновенно работал во исполнение идеи единства христиан, когда-то утраченного.

Мыслитель приводит много имен толкователей Священного Писания в их старинных переизданиях. Масон Н. И. Новиков издавал в век Просвещения Иоанна Златоуста, «Шестоднев» Василия Великого, поучение Макария Египетского, сочинения Филофея Синайского, Григория Паламы, Дионисия Ареопагита, проповеди патриарха Хрисанфа Иерусалимского, архиепископа Платона Московского и Гавриила Петербургского. Словно подчеркивая широту читательских духовных предпочтений «благочестивых русских людей» Екатерининской и Александровской эпохи, Арсеньев припоминает, что на полках их библиотек наряду со святоотеческими писаниями встречались произведения блаженного Августина, Бернарда Клервоского, немецкого мистика Таулера XIV в., Терезы Испанской и Иоанна св. Креста XVI в., Екатерины Генуэзской и др.

На Лозаннской конференции христианских церквей в августе 1927 г. состоялась встреча Арсеньева со знаменитым немецким ученым-богословом Адольфом Дейссманом – специалистом по новозаветному греческому языку и эллинистическим папирусам, а также по благовестию апостола Павла. Дейссман был основным автором заключительной Лозаннской декларации, которую обсуждал и Арсеньев. Близкий к протестантскому богословскому либерализму, немецкий ученый согласился на подлинно христианские святоотеческие положения этой декларации в духе Евангелия от Иоанна и посланий апостола Павла.

Будучи частью русской эмиграции, Арсеньев видел смысл ее в *служении*, в сохранении *духовной традиции* русского народа, причем он особенно выделял *семейную* (религиозную и культурную) традицию. Свой путь на чужбину Арсеньев начал в 1920 г., перебравшись нелегально из России советской в Восточную Пруссию. В Кёнигсбергском университете он преподавал в должности лектора на философском факультете, затем стал доцентом и «сверхштатным профессором». Арсеньев читал лекции по русской культуре и истории русской духовной жизни (*Russische Geistesgeschichte*), истории религии. Во все эти курсы он включал элементы истории мистики, что явилось своеобразным кредо его подхода к изучению русской религиозной философии и романской филологии, специалистом по которой он прежде всего был. Кёнигсбергский

университет Арсеньев покинул в ноябре 1944 г. Неизбежное сотрудничество с немецкими властями в годы войны вносит в его биографию темные и очень нелицеприятные страницы. Однако следует признать, что только на этом основании нельзя вычеркнуть Арсеньева из истории русской мысли XX в. После Второй мировой войны ему пришлось уехать в Нью-Йорк. Он продолжил преподавание в Свято-Владимирской православной духовной семинарии и был организатором Русской академической группы в США.

Для темы настоящей статьи важна еще одна сфера преподавательской деятельности Арсеньева в эмиграции: «Одновременно, но в течение лишь 12 лет (с 1926 по 1938 гг.) я был профессором по Новому Завету и по истории религий и сравнительному богословию на православном богословском факультете Польского Государственного Университета в Варшаве (основанном Польским правительством для православного меньшинства, которое было довольно многочисленно – 4,5 миллиона)» [1, с. 189]. Ему приходилось 3-4 раза в месяц ездить в Варшаву из Кёнигсберга и обратно, читать лекции по-русски и по-польски, на государственном языке (14 ч в неделю). На православном богословском факультете обучались те, кто хорошо знал русский язык – от 130 до 170 чел.

Из лекций в Варшаве родилась маленькая, но очень насыщенная новозаветным текстом книга Арсеньева «Религиозный опыт Апостола Павла» (Варшава, 1935; 2 изд. – Мюнхен, 1960), в которой акценты сделаны на мистике жизни во Христе и христианском реализме апостола Павла, реализме Креста Господня, реализме Воскресения.

Автор доказывает, что Павел – типический и классический мистик: «Он захвачен и покорен, – и при этом раз навсегда, – открывшимся ему неожиданно, там у ворот Дамаска, преизбыточествующим присутствием, и он с тех пор живет Им и из Него. Это есть принцип и стержень всего его нового бытия, основа и стихия» [4]. Это подтверждается кратким и полновесным зачином Послания к Галатам: «Павел Апостол, избранный не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мертвых...» (Гал. 1,1). Арсеньев приводит повторяющееся в Посланиях к Римлянам (Рим. 1,1) и Филиппийцам (Флп. 1,1) самопризнание апостола: «Павел – раб Иисуса Христа».

Основная философская мысль книги мистическая – человек погружается в Преизбыточествующую реальность, которая в своем избытке создается славой Господа нашего Иисуса Христа, и Павел переживает ее, ощущает очень конкрет-

но, зримо, с покоряющей силой любви к Богу. Апостол чувствует эту всеобъемлющую связь и полноту: «Любовь Христова объемлет нас» (2 Кор. 5, 14). Арсеньев обращает внимание на языковой дар Павла, его лексику: «Павел ищет все новых и новых слов, чтобы намекнуть на величие, на преизбыток, на все превосходящую славу этой нашей жизни со Христом и во Христе» [4]. «Выражения» Павла становятся для автора книги концептами его мистической экзегезы: преизбыточествующий, превосходящий, избранный, покоряющий, преизбыток, полнота. Он приводит и слова Иоанна Златоуста о духовном богатстве, преизбытке, полноте, «не человеческом богатстве, а Божественном» [4]. Павел пишет об обитающей во Христе «полноте Божества». Рождается еще один концепт «преизбыточествующего богатства»: «это охватывающая, покоряющая нас любовь Христова, есть вместе с тем и Полнота, Полнота Божия. – Она дана во Христе, она обитала во Христе телесно» (Кол. 1, 19; 2, 9) [4]. Это есть «преизбыточествующая... благодать Божия» (2 Кор. 9,14).

Еще одна отличительная черта «преизбытка» и «полноты» – центральная роль Креста в жизни людей, наше участие в страданиях Господа. Участие это для Павла «радостное», «ликующее», но и «тяжелое», исполненное муками: «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток страданий <скорбей> Христовых во плоти моей за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол. 1, 24). Мысль Арсеньева о мистике Креста в жизни человека вдохновлена Павловым признанием: «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2,19–20). Экзегет выделяет «параллельные ряды» из Второго послания к Коринфянам, свидетельствующие о тайне Креста: страдание – утешение, смерть – жизнь, нищета – богатство, огорчение – радость, буква – дух, осуждение – оправдание, видимое – невидимое, избыток – недостаток.

Послания апостола Павла, по мнению автора книги, отличаются *конкретным христианским реализмом*. И этот реализм не чужд мистике. В еще большей и решающей степени, чем в тайне Креста, Арсеньев находит ее в евангельской проповеди Воскресения. В ней философ и богослов видит тот самый «реализм воскресения», из которого «вытекает вообще весь мистический реализм Ап. Павла: его отношение к творению и миру, его отношение к телу, его отношение к человеку во всей полноте его состава, его эсхатологические чаяния, чаяния окончательной победы Жизни – жизни вечной, жизни Христовой, жизни воскресения – над смертью» [4].

Арсеньев упоминает «гимн радости» в конце «знаменитой» главы 8 Послания к Римлянам: «Ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, 38–39).

Нашим «первоевангелием» экзегет называет Первое послание к Коринфянам, вероятно, написанное Павлом раньше, чем тексты четырех евангелистов. «Славу воскресения» Апостол Павел провозглашает в главе 15: «Сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное» (1 Кор. 15, 42–44).

Развивает Арсеньев в «Религиозном опыте Апостола Павла» тему даров. Речь идет о Дарах Духа. Евангельское понимание «даров» предполагает то, что дается «даром», «незаслуженно, только из богатств милосердия Его!» [4]. В Послании к Римлянам Павел говорит: «Получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе» (Рим. 3, 24). Не по Закону! «Павел был спасен, помилован, возрожден, оправдан не по своим заслугам: он гнал Церковь Божию (будучи Савлом. – А. Г.) “Но благодатию Божией есмь то, что есмь” (1 Кор. 15, 10)» [4].

По Арсеньеву «Новый закон – закон духа жизни во Христе Иисусе – обладает безмерным радикализмом. Он означает смерть – длительную, мучительную смерть: “Я сораспялся Христу” (Гал. 2, 19) – и новую жизнь: обновление духа» [4]. От человека требуется активное участие в страстях Христовых.

Спасение возможно только «совместно», «не единично», в соборной жизни. И Церковь представляет собой «совместную действительность во Христе, новую плоскость бытия, новую реальность» [4]. Арсеньев особо выделяет христоцентрическое учение апостола Павла о Церкви. «Послание к Ефессянам особенно подробно рисует нам этот духовный поток великой соборной жизни» [4].

В целом мистический опыт Павла – его проповеди и деятельность – по Арсеньеву отличается от «нашего обычного опыта» и более реален, так как апостол «покорен», «захвачен» Христом, Его полнотой, благодатью Божией.

Список литературы

1. Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. Frankfurt / Main : Посев, 1974. 342 с.

2. Арсеньев Н. О Логосе Божиим // Вестник Русского студенческого христианского движения. Париж ; Нью-Йорк, 1956. № 41. С. 22–27.
3. Литературоведы Саратовского университета. 1917–2017 : материалы к биографическому словарю / сост. В. В. Прозоров, А. А. Гапоненков ; под ред. В. В. Прозорова. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2018. 340 с.
4. Арсеньев Н. С. Религиозный опыт апостола Павла // Арсеньев Н. С. О Жизни Преизбыточествующей. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. URL: <http://predanie.ru/book/196985-o-zhizni-preizbytochestvuyushey/> (дата обращения: 25.10.2022).
2. Arseniev N. On the Logos of God. *Vestnik Russkogo studencheskogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Student Christian Movement]. Paris, New York, 1956, no. 41, pp. 22–27 (in Russian).
3. *Literaturovedy Saratovskogo universiteta. 1917–2017: materialy k biograficheskomu slovaryu* Sost. V. V. Prozorov, A. A. Gaponenkov; ed. by V. V. Prozorov [Prozorov V. V., Gaponenkov A. A., compl.; Prozorov V. V., ed. Literary critics of the Saratov University. 1917–2017: Materials for a Biographical Dictionary]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2018. 340 p. (in Russian).
4. Arseniev N. S. Religious experience of Apostle Paul. In: Arseniev N. S. *O Zhizni Preizbytochestvuyushey* (About an Abundant Life). Brussels, Life with God Publ., 1966. Available at: <https://predanie.ru/book/196985-o-zhizni-preizbytochestvuyushey/> (accessed 25 October 2022) (in Russian).

References

1. Arseniev N. S. *Dary i vstrechi zhiznennogo puti* [Gifts and meetings of the life path]. Frankfurt / Main, Posev Publ., 1974. 342 p. (in Russian).

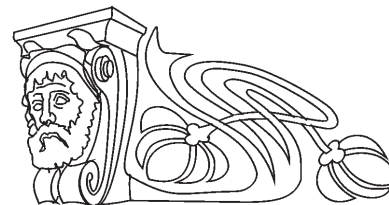
Поступила в редакцию 02.11.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 02.11.2022; approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 11.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 15–19
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 15–19
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-15-19>, EDN: WEWZAM

Научная статья
УДК 101.1:316

От гуманизма к постгуманизму: трансформация представлений о человеке в философской мысли

А. Л. Крайнов

Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, Россия, 410012, г. Саратов, Театральная пл., д. 1

Крайнов Андрей Леонидович, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, kraival@sgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065>

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу представлений о человеке в современных философских течениях трансгуманизма и постгуманизма. Некогда высшая ценность и царь природы, человек-творец и повелитель мира превратился в многоликое и бесполое существо, утратившее пассионарность и претензии на лидерство. **Теоретический анализ.** Процесс дегуманизации, глобально заявивший о себе в информационном обществе, сформировал новую систему ценностей, в которой человек перестал восприниматься с позиций антропоцентризма и гуманизма как венец творения. В системе ценностей постгуманизма постулируется незавершенность человеческой эволюции. В современных реалиях этот трансгуманистический посыл реализуется в виде утраты человеком гендерной идентификации, стремления к слиянию в своем теле с нанобиотехнологиями и превращению в киборга, созданию своего цифрового двойника. **Заключение.** Система ценностей постчеловека совершенно отлична от традиционной человеческой ценностной системы. Ей чужды ценности семьи, материнства и детства, продолжения рода, она базируется на ценностях техногенной цивилизации и цифровой культуры. Постчеловек обеспокоен лишь своим собственным существованием и качеством технологий, с помощью которых оно поддерживается. Человек, воспетый гуманистами, постепенно уходит со сцены истории.

Ключевые слова: трансгуманизм, дегуманизация, постгуманизм, постчеловек, цифровизация, киборгизация

Для цитирования: Крайнов А. Л. От гуманизма к постгуманизму: трансформация представлений о человеке в философской мысли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 15–19. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-15-19>, EDN: WEWZAM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

From humanism to post-humanism: Transformation of ideas of a man in philosophical thought

A. L. Kraynov

Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov, 1 Theatre Sq., Saratov 410012, Russia

Andrey L. Kraynov, kraival@sgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of ideas about a human in modern philosophical movements of transhumanism and posthumanism. Once the highest value and the king of nature, the man-creator and the ruler of the world has turned into a many-sided and sexless creature that has lost passionarity and claims to leadership. **Theoretical analysis.** The process of dehumanization, which has globally declared itself in the information society, has formed a new system of values in which a person has ceased to be the center of the Universe, the image and likeness of God, on the contrary, his evolution has not been completed yet, and what he will become is still unknown. In modern realities, this transhumanistic message is realized in the form of a person losing his or her gender identity, striving to merge with nano-biotechnologies in their bodies and turning into a cyborg, creating their own digital twin. **Conclusion.** The posthuman value system is completely different from the traditional human value system. It is alien to the values of the family, motherhood and childhood, procreation. It is based on the values of technogenic civilization and digital culture. The posthuman is concerned only with his own existence and the quality of the technologies that support it. The man sung by the humanists is gradually leaving the stage of history.

Keywords: transhumanism, dehumanization, posthumanism, posthuman, digitalization, cyborgization

For citation: Kraynov A. L. From humanism to post-humanism: Transformation of ideas of a man in philosophical thought. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 15–19 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-15-19>, EDN: WEWZAM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальность исследования обусловлена трансформацией человека вследствие огромного влияния техносферы, особенно информационных и цифровых технологий. Вовлеченный в процессы цифровизации, сдобренные мировоззренческими концепциями постмодернизма, трансгуманизма и постгуманизма, он растворяется в них, постепенно утрачивая свою идентичность. На смену человеку-творцу эпохи Возрождения приходит человек-аватар, человек-киборг, человек-симулякр без пола, без рода, без племени.

Цель исследования – проанализировать причины дегуманизации и определить условия ее нивелирования.

Новизна работы обусловлена изучением новейшей литературы по обозначенной проблеме, а также трансформацией человека как потребителя цифровой культуры.

Материалы, представленные в статье, могут быть использованы при подготовке курсов по социальной философии.

Теоретический анализ

Понятие «гуманизм» означает такую систему построения человеческого общества, высшей ценностью которого является жизнь человека. В широком смысле это особый тип философского мировоззрения, сосредоточенный на человеке как самостоятельной независимой творческой силе. В узком смысле гуманизм – это сложившееся в эпоху Ренессанса движение образованных людей, занятых изучением гуманитарных наук Античности (*studia humanitatis*) с целью дальнейшего совершенствования человека. И в первом, и во втором определениях высшей ценностью выступает человек. Гуманизм как идейное социокультурное течение формировался постепенно. Следует отметить, что, по мнению Н. С. Шиловской, он всегда и везде неизбежно граничит с антропоцентризмом и, несмотря на различия между ними, зачастую является его разновидностью [1, с. 11]. Рассмотрим предшествующие гуманизму мировоззренческие позиции в историко-философском контексте.

Начиная с Античности, человек прославляется как наиболее чудесное и могущественное из всего, что есть на свете. Об этом, например, поет знаменитый хор в «Антигоне» Софокла [2, с. 129–173]. Еврипид в своем творчестве устремлен к личности, к ее проблемам и волеизъявлениям. Волевой независимый человек-герой, бросающий вызов судьбе, – вот объект восхваления древних

греков [3]. Герои, бросающие вызов античным богам и всему миру, такие как Одиссей и Ахилл, символизируют торжество человеческого начала как целостного и самостоятельного. Начало античному антропоцентризму было положено софистами и Сократом. Знаменитое высказывание Протагора «Человек – мера всех вещей» и сократовская высшая задача воспитания – возвращать души людей – свидетельствуют о том, что человек воспринимался как высшая ценность. Крылатая фраза Архимеда Сиракузского «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир» не только говорит об открытии рычага известным ученым, но и подчеркивает творческую экспериментальную направленность деятельности человека.

В эпоху Средневековья, несмотря на господствующий теоцентризм, отношение к человеку было как к носителю божественной искры. Согласно Святому Писанию он был создан по образу и подобию Бога, следовательно, являлся вышей ценностью после Бога. Мир был создан для человека, как и все живые существа, его населяющие. Человек воспринимался венцом божественного творения. Антропоцентрические мотивы в равной степени встречаются в Средние века у представителей патристики и схоластики и связаны они, главным образом, с вопросом дарованной Богом свободы воли и практической ее реализацией индивидом [4, с. 8].

В Позднем Средневековье, или эпохе Возрождения, прославление человека достигает своего апогея в мировоззрении антропоцентризма и движении гуманизма. Идея Бога остается, но уходит на второй план, служа лишь объяснению первоначала мира и движения. Человек-творец и художник, а также красота и совершенство человеческого тела являются объектом изучения и поклонения философов, скульпторов, живописцев эпохи Ренессанса: Витрувианский человек Леонардо да Винчи выступает образцом идеального человека в плане телесных пропорций; фреска Микеланджело «Сотворение Адама» показывает, как Творец передает божественный импульс Адаму, наделяя его творческой силой, в этой фреске воспеваются красота человеческого тела; Донателло одним из первых создал обнаженную скульптуру Возрождения, соединив в ней античную мужественность с христианской добродетелью. Именно в эпоху Ренессанса скульптура максимально открыто передает гендерную принадлежность воплощенных в мраморе и бронзе героев. Обнаженное человеческое тело, естественное и прекрасное, требует увековеченья в искусстве.

Философская мысль эпохи Возрождения также сконцентрирована на образе человека-творца,

которому подвластно все: Макиавелли обучает искусству управлять государством, показывая, что все в руках человека; Монтень призывает ни во что не верить и во всем сомневаться, чтобы не совершить ошибку; Николай Кузанский превозносит человеческую природу, считая, что она находится в иерархии над всеми творениями Бога, но чуть ниже ангелов. Таким образом, начиная с Античности и заканчивая Ренессансом, человек воспринимался как эталон творения и творец, гармонично вписанный в космоцентризм Птолемеевско-Аристотелевской картины мира.

Предпосылки современной дегуманизации, особенно остро проявляющейся в информационном обществе и цифровой культуре, берут начало с мировоззрения механицизма, у истоков которого стояли Галилей, Гассенди, Гоббс, Декарт, Ньютон (XVII в.), Ламетри, Гольбах (XVIII в.), Бюхнер, Фохт, Молешотт (XIX в.). Математика, выступающая мерилем всего, выражающаяся в современном процессе цифровизации в виде бесконечных комбинаций нуля и единицы, начиная с XVII в. становится краеугольным камнем естествознания наряду с физическими понятиями движения и материи.

Уверенность основоположников механицизма в том, что алгеброй можно гармонию измерить, окончательно нанесла удар по античному космоцентризму, понимающему мир как гармоничное единство природы и человека, демиурга и космоса, где нет пустоты, но все заполнено живительным всепроникающим эфиром. Идеи Демокрита, книги которого сжигал Аристотель, о пустоте и дискретности атомарного мира восторжествовали в эпоху Нового времени в виде механистического мировоззрения. Основной методологический принцип сторонников механицизма заключался в их убежденности в том, что поведение материи задано соответствующими математическими законами [5, с. 258]. Достаточно их знать, чтобы управлять миром. Согласно Гоббсу тело делимо, подвижно и ведет себя математически [5, с. 257]. Именно поэтому государство Левиафан представлено Гоббсом как социальный механизм или машина власти, который дискретен, иерархичен, изменяем, ремонтируем, подчинен законам механики.

Апогеем механицизма можно считать сформировавшееся в XVIII в. благодаря идеям Ламетри, атеизма и либертинизма представление о человеке как машине. Если Декарт веком ранее полагал наличие у человека духовной субстанции, а бездушными механизмами считал только животных, то согласно взглядам Ламетри человек ничем от животных не отличается и нет надобности допускать наличия у него особого немате-

риального тела – души. Таким образом, сделав человека бездушной и бездуховной машиной, представители механицизма XVIII в. подобно Декарту, давшему импульс к началу бесчеловечных опытов над животными, сформировали мировоззренческое основание для проведения всяческих экспериментов с человеческим телом. Так же как совершенствуют и модифицируют механизмы, можно изменять и улучшать тело человека. В частности, именно в этот период зарождается идея использования человеческого тела для наслаждения и трансформации садистскими методами, представленная в романах маркиза де Сада, вдохновленного философией Ламетри [6, с. 52].

Несмотря на то, что со второй половины XIX в. механистические идеи стали непопулярными в связи с открытием радиоактивности и квантовой механики, которые поколебали основание Ньютонской картины мира, они продолжили свое существование в вульгарном материализме, а также легли в основание зарождающегося в рамках неклассической философской мысли мировоззрения трансгуманизма. Н. С. Шиловская считает, что истоки трансгуманизма лежат в механицизме Нового времени, в частности в концепции человека-машины Ламетри [7, с. 144].

Современная постнеклассическая философия рассматривает человека не как творца и хозяина Вселенной, а как материал для экспериментов и различных трансформаций (трансгуманизм) либо переходный эволюционный вид, который стремится к постчеловеку (постгуманизм). В основе этой дегуманизации лежат ницшеанские идеи «смерти Бога» и создания сверхчеловека, а также идеи философии постмодернизма.

Ницшеанский нигилизм подобно атеизму французских просветителей устраняет все моральные принципы касательно проведения экспериментов по превращению человека в «белокурую бестию», т. е. выступает этическим основанием трансгуманизма. Философия трансгуманизма развивает идею трансформации человеческого тела с помощью НБИК-технологий с целью его улучшения вплоть до обретения бессмертия (философский иммортализм). В качестве методов допускаются генная инженерия, крионика, чипирование мозга, создание искусственных тел и органов, цифровое бессмертие.

Философия постмодернизма, устранив логоцентризм (Ж. Деррида) и структурированное иерархичное понимание мира, сформировала представление о человеке как симулякре-копии-фигурии, подготовив фундамент для философии постгуманизма. Ж. Делез внес в философский

дискурс понятие «ризома», что переводится как «корневище» (понимается как децентрализация) и противопоставляется классической корневой системе с единым центром и иерархично отходящими от него периферийными корнями. Вместе с Ж. Бодрийяром он развил платоновское представление о симулякрах в мощную мировоззренческую систему, понимающую мир как симуляцию. Постмодернистская децентрализация восприятия сущего оформилась в так называемую «смерть автора» – представление, согласно которому первоначальный смысл-центр не нужен, а важно лишь бесконечное число интерпретаций. В цифровом обществе это актуально при создании цифровых двойников людей (аватаров), клонов и киборгов, роботов с искусственным интеллектом, т. е. постлюдей.

Постчеловек не нуждается ни в Боге, ни в семье, ни в продолжении рода, ни в гендерной принадлежности. На данный момент нет единой точки зрения о том, каким он будет. Социальная сеть Facebook (запрещена в России) предложила для американцев при регистрации выбрать гендерную принадлежность из 58 полов [8]. Большинство исследователей философии постгуманизма склонны видеть в постчеловеке киборга (представители американского киберфеминизма: Донна Харауэй, Роза Брайдотти), существующего одновременно в обыкновенном мире и цифровой Метавселенной посредством дополненной реальности, мозг которого подключен к искусственному нейро-сетевому интеллекту с помощью нейронета [9, с. 95] – четвертого поколения сети Интернет (это поколение должно появиться в 2030–2040-х гг.). Речь идет о создании гибридного киберфизического интеллекта человек – компьютер, управляемого с помощью нейронета [10, с. 26].

Заключение

Таким образом, постчеловек теряет самость, индивидуальность, обезличивается, сливаясь с искусственным интеллектом нейронета в единое целое. Сознания всех людей цифровой постэпохи будут подконтрольны и управляемы Метасознанием компьютерной сети. Постчеловек не сможет заявить о своей индивидуальности и уникальности, так как он будет являться продуктом крупных корпораций, снабдивших его тело специальными устройствами для подключения к нейронету. Механицизм Декарта–Ламетри проявит себя в этом дивном цифровом мире в новом качестве, сведя всю когнитивную деятельность человека к механическому выполнению заложенных в его сознание программ.

Сегодня сложно делать прогноз о том, появится ли нейронет и управляемый интеллект человек – компьютер или нет, но современные социальные тенденции, такие как создание тотального цифрового контроля за человеком (биометрия, камеры распознавания лиц, прослушивание и подглядывание смартфонами своих владельцев), утрата гендерной идентичности (главным образом, на Западе и в США), повышенная инфантильность подростков, распространение цифрового рабства, свидетельствуют об утрате человеком пассионарности Античности и Ренессанса. Человек больше не творец, а винтик социальной и цифровой Мегамшины, полностью зависимый от транснациональных сетевых корпораций и цифровых гаджетов. На смену гармоничному космосу Аристотеля пришел эйнштейновский вакуум, который человечество до сих пор не знает, как и чем заполнить, изменяя при этом себя до потери самости.

Список литературы

1. Шиловская Н. С. Гуманизм антропоцентризма и антропоцентризм без гуманизма // Вестник Мининского университета. 2014. № 1 (5). С. 11.
2. Софокл. Трагедии. М. ; Л. : Academia, 1936. 231 с.
3. Герои древнегреческих трагедий. URL: <http://www.culturemass.ru/lemas-439-3.html> (дата обращения: 14.07.2022).
4. Чистякова О. В. Свобода воли и божественное предопределение в восточной и западной патристике в контексте ортодоксальных (сотериологических) и философских различий // Logos et Praxis. 2018. Т. 17, № 2. С. 6–15.
5. Клайн М. Математика. Поиск истины. М. : Мир, 1988. 295 с.
6. Энаф М. Маркиз де Сад: Изобретение тела либертена. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. 448 с.
7. Шиловская Н. С. От общества гуманизма к обществу трансгуманизма // Философия и общество. 2013. № 3 (71). С. 141–150.
8. Многообразие полов. Зачем вводить 58 вариантов гендерной принадлежности. URL: https://aif.ru/society/people/mnogoobrazie_polov_zachem_vvodit_58_variantov_gendernoy_prinadlezhnosti (дата обращения: 14.07.2022).
9. Горюнов И. А. Постмодерн: от интернета вещей к нейронету людей? // Философия хозяйства. 2018. № 3 (117). С. 92–103.
10. Дятлов С. А. Искусственный интеллект как институт развития цифровой нейро-сетевой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 2 (128). С. 25–29.

References

1. Shilovskaya N. S. Humanism of anthropocentrism and anthropocentrism without humanism. *Vestnik Minin-skogo universiteta* [Bulletin of Minin University], 2014, no. 1 (5), pp. 11 (in Russian).
2. Sophocles. *Tragedii* [Tragedies]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1936. 231 p. (in Russian).
3. *Geroi drevnegrecheskikh tragediy* (Heroes of ancient Greek tragedies). Available at: <http://www.culture-mass.ru/lemas-439-3.html> (accessed 14 July 2022) (in Russian).
4. Chistyakova O. V. Free will and Divine Predestination in Eastern and Western Patristics in the context of orthodox (soteriological) and philosophical differences. *Logos et Praxis*, 2018, vol. 17, no. 2, pp. 6–15 (in Russian).
5. Kline M. *Mathematics and the Search for Knowledge*. Reprint edition. Oxford University Press, November 20, 1986. 263 p. (Russ. ed.: Kline M. *Matematika. Poisk istiny*. Moscow, Mir Publ., 1988. 295 p.).
6. Hénaff M. *Sad, l'invention du corps libertin*. Paris, PUF, 1978. 336 p. (Russ. ed.: Enaf M. *Markiz de Sad: Izobreteniyete tela libertena*. St. Petersburg, ITs "Gumantarnaya Akademiya" Publ., 2005. 448 p.).
7. Shilovskaya N. S. From humanist society to transhumanist society. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2013, no. 3 (71), pp. 141–150 (in Russian).
8. *Mnogoobraziye polov. Zachem vvodit' 58 variantov gendernoy prinadlezhnosti* (Variety of Sexes. Why Introduce 58 Gender Options). Available at: https://aif.ru/society/people/mnogoobrazie_polov_zachem_vvodit_58_variantov_gendernoy_prinadlezhnosti (accessed 14 July 2022) (in Russian).
9. Goryunov I. A. Postmodern: From the Internet of things to the Neuronet of people? *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economy], 2018, no. 3 (117), pp. 92–103 (in Russian).
10. Dyatlov S. A. Artificial intelligence as an institution for the development of the digital neural network economy. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics], 2021, no. 2 (128), pp. 25–29 (in Russian).

Поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 26.08.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 26.08.2022; accepted for publication 11.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 20–24

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 20–24

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-20-24>, EDN: VFYFLV

Научная статья

УДК 172.16

Здоровый образ жизни: философское измерение

И. И. Лузина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лузина Ирина Ивановна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой этики и эстетики, doctor.luzina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4670-3150>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается проблематика «здорового образа жизни» как многомерного явления, требующего комплексности в исследовании; обосновывается необходимость преодоления ограниченности частно-научной методологии. Философское осмысление проблемы здоровья и феномена здорового образа жизни проведено в современном контексте развития знания. **Теоретический анализ.** Для обоснования целостности исследуемой проблемы привлекается интеллектуальный потенциал философской традиции, осуществляется критический анализ одномерности естественнонаучных представлений о телесности человека. Проанализированы многофункциональность здорового образа жизни и его интегрированность в культурно-ментальную основу современной цивилизации. Выявлен потенциал теорий идеализма, реализма, прагматизма и экзистенциализма в исследовании проблемы образования и развития человека. Раскрыта валеологическая составляющая жизни и здоровья населения страны. Предложено авторское видение феномена здорового образа жизни как одного из измерений социального бытия. Определена роль образования в формировании здорового образа жизни подрастающего поколения. Показаны последствия применения телесно ориентированных практик как нового направления культуры. **Заключение.** Формулируется вывод, согласно которому здоровый образ жизни представляет собой безопасное состояние человеческого бытия. Обоснована необходимость создания философии здорового образа жизни.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, человек, ценности, жизнь, тело, телесность, этика

Для цитирования: Лузина И. И. Здоровый образ жизни: философское измерение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 20–24. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-20-24>, EDN: VFYFLV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Healthy lifestyle: Philosophical dimension

I. I. Luzina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina I. Luzina, doctor.luzina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4670-3150>

Abstract. Introduction. The article deals with the issue of “healthy lifestyle” as a multidimensional phenomenon that requires complexity in the research process, and also substantiates the need to overcome the limitations of private scientific methodology. Philosophical understanding of the problem of health and the phenomenon of a healthy lifestyle is carried out in the modern context of the development of knowledge. **Theoretical analysis.** To substantiate the integrity, the intellectual potential of the philosophical tradition is involved, a critical analysis of the one-dimensionality of natural-scientific ideas about the corporeality of a person is carried out. The multifunctionality of a healthy lifestyle and its integration into the cultural and mental basis of modern civilization are analyzed. The potential of the ideas of idealism, realism, pragmatism and existentialism for the study of the problem of education and human development is revealed. The valedological component of life and health of the population of the country is indicated. The author’s vision of the phenomenon of a healthy lifestyle, as one of the phenomena of social life, is proposed. The role of education in the formation of a healthy lifestyle of the younger generation is determined. The consequences of the application of body-oriented practices as a new direction of culture are shown. **Conclusion.** It is generalized that a healthy lifestyle is a safe state of human existence. The necessity of creating a philosophy of a healthy lifestyle is substantiated.

Keywords: healthy lifestyle, human, values, life, body, physicality, ethics

For citation: Luzina I. I. Healthy lifestyle: Philosophical dimension. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 20–24 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-20-24>, EDN: VFYFLV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальность философского познания здорового образа жизни обусловлена его значением для сохранения и развития человечества и в целом жизни на Земле. Теоретическое и методологическое осмысление здорового образа жизни значительно расширит возможности для конструктивных решений разнообразных проблем человеческого бытия в пространственно-временном континууме жизни. «Здоровый образ жизни» – комплексная категория, которая синтезирует фундаментальные биопсихосоциальные аспекты бытия человека в мире. Поэтому частно-научный подход исследования данного феномена в рамках конкретной науки является недостаточно полным.

Теоретический анализ

В естественнонаучном рассмотрении здоровый образ жизни определяется как образ жизни человека, который направлен на предупреждение возникновения различных заболеваний и их развития, а также на профилактику поведенческих факторов риска. Человек в естественнонаучном подходе изучается с позиции биологического объекта природы, обладающего наследственными свойствами и приобретенными признаками, обменом веществ и способностью воспроизводить себе подобных при размножении. Такого рода естественнонаучное представление о человеке пренебрегает тем, что делает телесность человека собственно человеческой и не проводит различия между телесностью человека и телесностью другого живого организма биосферы шире анатомического ракурса.

Однако проблема здорового образа жизни связана с целостностью человека, она прямо адресуется к философии, потому что вопрос человеческой целостности – философский. Известно, что в Древней Греции и Китае, а также Древней Индии на философских представлениях о здоровом образе жизни были построены многие медицинские практики, где телесность человека не столько рассматривалась с позиции анатомии и физиологии физического тела, сколько изучалась в аспекте человека в целом в структуре его бытия-в-мире, которое предстает телесно. Посредством органов чувств и различных коммуникаций телесность многосторонне и целостно взаимодействует с феноменами окружающего мира, частью которой является сам человек.

Сегодня философское рассмотрение здорового образа жизни в ракурсе телесности опирается на научные труды, связанные с из-

учением «тела», «телесности» (Ф. Гваттари и Ж. Делёз [1], М. Фуко [2] и др.), и работы ряда представителей современной российской науки (И. М. Быховская [3], В. А. Подорога [4] и др.). Представляют интерес труды по экзистенциальной терапии в учении о так называемом экзистенциале телесности, концепцию которого развили ученик Хайдеггера М. Босс [5], а также Дюркгейм и Лэнг. Телесность человека предстает как телесная сфера реализации человеческого существования, которая распространяется в границах его индивидуальной жизнедеятельности.

Тело – это способ, в котором человек является видимым и осязаемым, в нем проецируется его отношение к окружающему миру. И здесь важное значение приобретает соответствие своей сути способу (образу) своего существования – здорового образа жизни, обеспечивающего биопсихосоциальное благополучие, или нездорового образа жизни, ведущего к патологиям, болезням и в конечном счете к смерти. Поэтому вопрос о природе здорового образа жизни не носит чисто теоретический характер, он прежде всего является жизненно-практическим.

Здоровый образ жизни многофункционален. Мотивационно-побудительная и регулятивная функции формируют человека как активного создателя индивидуальной жизни, внося ценностный смысл в сохранение и приумножение здоровья. Формирующая и смыслообразующая функции «определяют главные и относительно постоянные отношения человека к основным сферам жизни – к миру, к другим людям, к самому себе» [6, с. 46]. Адаптационная функция обеспечивает самоопределение личности в ситуации жизнеспасающего выбора и адаптирует ее к изменениям в окружающем мире. А в результате реализации функции целеполагания создается план витального жизненного пути: «Я есть жизнь, желающая жить среди жизни, которая хочет жить» (А. Швейцер).

Здоровый образ жизни как жизненная позиция, поведение или деятельность человека, направленные на укрепление своего здоровья, составляют культурно-ментальную основу современной цивилизации (это цивилизация, в которой глобальную роль играет наука, стимулирующая развитие новых биомедицинских технологий, воздействующих на тело человека). Жизнедеятельность людей разворачивается в созданном ими мире культуры, и нельзя не учитывать кризисных тенденций развития культуры нашего времени. Есть все основания охарактеризовать современную культуру как находящуюся в кризисе. В условиях общества риска здоровый образ жизни является «валеологической состав-

ляющей жизни и здоровья населения страны, представленной совокупностью типичных видов человеческой жизнедеятельности в единстве с определяющими ее условиями общественной жизни и другими сферами жизненного пространства» [7, с. 49].

В последние десятилетия отмечается стремительное развитие телесно ориентированных практик. Это новые направления физической культуры, внешнее изменение тела посредством пластических операций, смены пола, достижение бессмертия и т. д. Данная тенденция приобретает массовый характер и становится проблемой осознания тела и формирования, определенного его понимания. «Тело-без-органов – это не тело-объект, если оно и существует, то по другую сторону от общепринятого представления о телесной реальности, вне собственного образа и телесной схемы (пространственно-временных и топологических координат), вне анатомии и психосоматического единства» [8, с. 23].

В современном мире используется множество различных практик, которые изменяют телесность человека. Посредством этих практик человек властвует над своим телом, изменяя его вплоть до смены пола. Внося красители при татуировках, содержащие токсические вещества, человек наносит вред своему телу. Применение унизительных рисунков – татуировок становится источником уничижительных сравнений и демонстрации ненависти к собственному телу. Это яркое проявление обесценивания творения природы – собственного тела. Поэтому важен анализ того, как человек становится заложником применения телесных практик и какие возникают осложнения их применения для его организма. Особого внимания заслуживает роль социальных институтов, пропагандирующих ценности здоровья и здорового образа жизни подрастающего поколения.

Конституирование действительности здорового образа жизни будет более успешным, если оно будет основываться на обучении молодежи. Образовательные программы должны содержать темы здоровья и здорового образа жизни, материал которых предполагает междисциплинарное освещение валеологических основ жизни.

Педагогические методы должны быть направлены на становление «духовно-экологического дискурса» (в соответствии с которым «человек здоров, если он правильно живет»), на поиск средств нейтрализации негативных последствий медицинских технологий и переориентацию молодого человека на правильную жизнь, доказав ему, что с ней связаны и его здоровье, и его жизнь.

Современные системы образования сочетают в себе, как правило, множество различных философских идей и направлений, которые входят в концепцию развития образования. В направлении «формирование здорового образа жизни» традиционно используются положения различных философских теорий.

Содержательный анализ идеализма, реализма, прагматизма и экзистенциализма с точки зрения их отношения к таким краеугольным мировоззренческим понятиям, как истина, ценность, свобода, любовь, счастье, культура, прогресс, раскрывают их воспитательную роль в построении моделей здорового образа жизни. В этой связи одним из важнейших является вопрос о природе человеческого существа. Идеализм рассматривает человека как творение высшей силы, подчиненное ей. Человек выступает как венец творения, он духовен по своей природе и является частью великого плана высшей силы, объектом ее воли, будучи сам в то же время пассивным. Идеалисты считают человеческую натуру статичной, доброй или злой по природе. Большинство западных религиозных идеалистов полагают, что человек плох или греховен всю жизнь вплоть до спасения или очищения высшей силой. Дети – это уменьшенная копия взрослых, поэтому они должны нести ответственность за свое поведение. Их следует заставлять поступать правильно. Человеческая натура может быть улучшена, но она никогда не может стать вполне совершенной, поскольку абсолютное совершенство присуще лишь высшей силе.

Для реалистов человек как биологический организм является частью природы и подчиняется биологическим законам. Заняв в эволюционной иерархии главенствующее положение, человек остается разумным животным. Разум представляется в виде некоей пустой или неразвитой сущности, которая должна быть наполнена и приведена в действие посредством опыта. Дети – это маленькие животные, которые могут быть приручены. Их натура изначально добра, но отсутствуют опыт и воспитание. Общество способно развить природные добродетели.

Праведный образ жизни для реалиста заключается в достижении гармонии с природой и ее законами, он в основном ментален и требует максимально возможного развития интеллекта, знания – это могущество. Свобода для реалиста – это осуществление свободного выбора в рамках ограничений, накладываемых природой и естественными законами. Мораль также выводится из природы и естественного закона. Человеческое общество как часть природы должно изучаться и классифицироваться.

Моральные нормы, основанные на изученных образцах, считаются оправданными. Привычки, нравы, этические принципы выводятся из общественных норм, а также из естественных закономерностей, обеспечивающих гармонию между обществом и природой.

Прагматики в отличие от идеалистов и реалистов являются релятивистами. Истина для них есть функция взаимосвязи человеческого интеллекта и окружающей среды. Человек есть организм, в котором динамично взаимодействуют биопсихосоциальные составляющие. Человек – приспособляющийся организм, активно преобразующий внешнюю среду к условиям своего существования. Посредством обучения он воспринимает добро и зло. Одобряемый обществом практический образ жизни – это образ, приносящий пользу обществу и развивающий индивидуальность человека.

Наконец, для экзистенциалистов истинная ценность образа жизни определяется лично и основывается на выборе и соответствующих ему действиях. Ценно то, что приближает человека к его индивидуальному «подлинному» бытию и способствует его неповторимости и свободе. Выбор и действие как основа образа жизни определяют динамичное развитие человека.

Возникает вопрос: как же изложенные выше философские концепции работают в области специфических проблем образования, таких как учебная программа здорового образа жизни, методика обучения здоровому образу жизни, дисциплина и пр.?

Обращение к истории философии показывает, что каждая философская система имела собственный метод и собственный взгляд на проблемы образования и развития человека. Задачи формирования здорового образа жизни подрастающего поколения взаимосвязаны с сущностью культуры, в которой «разворачивается» биологическая сущность человека. Согласно эмпиристским или культуралистским доктринам, отбрасывавшим представление о человеческой природе, ребенок воспитывается для общества, усваивая присущие ему ценности. Их противники, напротив, считали, что ребенок воспитывается ради самого себя, ради расцвета своих природных задатков. Первая точка зрения сильна своим реализмом. Можно сказать, что адаптация ребенка и его интеграция в общество нужны для его же собственной пользы. Сторонники «собственной природы» могут, однако, возразить, что отказ от признания каких бы то ни было «трансцендирующих» ценностей вредит самому обществу, так как замораживает, ослепляет его, уничтожая все, что обеспечивает его открытость.

Выход видится в осознании того, что между индивидом и обществом (т.е. конкретным обществом, в котором он живет) существует третий термин – человечество. Задача воспитания здорового образа жизни состоит не в том, чтобы ребенок остался самим собой, т.е. человеком как биологическим видом, не в том, чтобы он стал «гражданином» и «тружеником» как социальным существом, а в том, чтобы на основе толерантности каждый ребенок мог быть частью общности, именуемой человечеством, самореализоваться посредством созидательной жизнедеятельности, сберечь жизнь, в результате – здоровье сохранного поведения.

Заключение

Здоровый образ жизни представляет собой безопасное состояние человеческого бытия, в котором многообразные факторы по-разному оказывают воздействие на человека в связи с его системой ценностей. Являясь одним из центральных личностных качеств человека, сформированная ценность жизни определяет его потребность в здоровом образе жизни, открывающем ему новый мир, воспринимаемый как подлинный. Человек, благодаря биологической сущности, универсален, что обеспечивает его природное существование как вида *Homo sapiens* в биосфере Земли. Социальная сущность человека формирует специфическое, обусловленное индивидуальным жизненным опытом, систему жизненных ценностей, среди которых здоровый образ жизни, обеспечивающий безопасность в рамках системы «природа – человек – общество».

Анализ обозначенной проблематики приводит к мысли о необходимости создания философии здорового образа жизни, которая расширит изучение онтологических и аксиологических аспектов жизни человека в открытой целостной системе «природа – человек – общество», станет основой сохранения жизни человечества и предопределит бесконечность человеческого бытия.

Список литературы

1. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2009. 261 с.
2. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.
3. Быховская И. М. «Homo somatikos»: аксиология человеческого тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 208 с.

4. Подорога В. А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992–1994 годов. М. : Ad Marginem, 1995. 341 с.
5. Boss M. *Existential Foundations of Medicine and Psychology*. London ; New York : Aronson, 1979. 303 p.
6. Братусь Б. С. К изучению смысловой сферы личности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1981. № 2. С. 46–56.
7. Колисник И. И. Биогеофилософское осмысление жизни / под ред. В. Б. Самсонова. Саратов : НПЦ ЭМОС, 2006. 187 с.
8. Подорога В. А. Тело-без-органов // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2001. Т. 4. 341 с.
3. Bykhovskaya I. M. «*Homo somatikos*»: *aksiologiya chelovecheskogo tela* [«Homo Somatikos»: The Axiology of a Human Body]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 208 p. (in Russian).
4. Podoroga V. A. *Fenomenologija tela. Vvedenie v filosofskuju antropologiju. Materialy lektcionnykh kursov 1992–1994 godov* [Phenomenology of the Body. Introduction to Philosophical Anthropology. Materials of Lecture Courses 1992–1994]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1995. 341 p. (in Russian).
5. Boss M. *Existential Foundations of Medicine and Psychology*. London, New York, Aronson Publ., 1979. 303 p.
6. Bratus' B. S. To the study of the semantic sphere of personality. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologija* [Moscow University Bulletin. Series 14. Psychology], 1981, no. 2, pp 46–56 (in Russian).
7. Kolisnik I. I. *Biogeofilosofskoe osmyslenie zhizni*. Pod red. V. B. Samsonova [Biophilosophical Understanding of Life. Samsonov V. B., ed.]. Saratov, "NPTs JeMOS" Publ., 2006. 187 p. (in Russian).
8. Podoroga V. A. Body-without-organs. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical encyclopedia: in 4 vols.]. Moscow, Mysl Publ., 2001, vol. 4. 341 p. (in Russian).

References

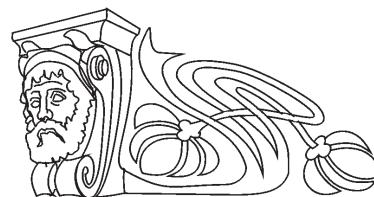
Поступила в редакцию 06.11.2022; одобрена после рецензирования 10.11.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 06.11.2022; approved after reviewing 10.11.2022; accepted for publication 11.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 25–29
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 25–29
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-25-29>, EDN: SNZERP

Научная статья
УДК 101.1

Практическая философия: современные основы и необходимость

В. М. Маслов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Маслов Вадим Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, maslov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1043-9431>

Аннотация. Введение. Сложность, быстрота изменений и значительная неопределенность дальнейшего общественного развития усиливают требования к действительному положительному влиянию философии на происходящее. В общем плане речь идет о современной конкретизации на основе метода диалектического единства исторического и логического фундаментальной проблемы связи философии и науки с жизнью и практикой. **Теоретический анализ.** В истории философии формируются две противоположные традиции решения проблемы связи философии с жизнью. Практико-теоретическая нацелена на помощь в решении всеобщих проблем реальной жизни (философия приобретает политическое значение), теоретико-практическая – на чистоту философского поиска, который обеспечивает всеобщей истиной практику. **Заключение.** Перманентность изменений и реальные опасности общественного развития (угроза становления пост-внечеловеческой реальности) актуализируют практико-теоретическую позицию – практическую философию. Практическая философия должна всемерно учитывать критические аргументы противоположной стороны (опасность политической деформации истины). В целом требуется объединение и активизация работы всех практико-ориентированных сил философии и науки (гуманитарная экспертиза, полевая философия и др.). Важным направлением практической философии видится профессиональный, педагогический выход в Интернет для критики постправды и значимого присутствия на публичной арене.

Ключевые слова: философия, теория, практика, практическая философия, историко-логический метод, человеческое, пост-внечеловеческое, постправда, концепция публичных арен

Для цитирования: Маслов В. М. Практическая философия: современные основы и необходимость // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 25–29. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-25-29>, EDN: SNZERP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Practical philosophy: Modern foundations and necessity

V. M. Maslov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

Vadim M. Maslov, maslov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1043-9431>

Abstract. Introduction. The complexity, the rapidity of changes and considerable uncertainty of further social development reinforce the requirements for an effective positive influence of philosophy on what is happening. In general, we are talking about the modern concretization – based on the method of dialectical unity of historical and logical – of the fundamental problem of the connection of philosophy and science with life and practice. **Theoretical analysis.** In the history of philosophy, two opposing traditions of solving the problem of the connection of philosophy with life are being formed. Practical-theoretical one is aimed at helping to solve the universal problems of real life (philosophy acquires political significance). Theoretical-practical tradition is focused on the purity of philosophical search, which provides universal truth practice. **Conclusion.** The permanence of changes and the real dangers of social development (the threat of becoming a post-outside-human reality) actualize the practical-theoretical position – practical philosophy. Practical philosophy should fully take into account the critical arguments of the opposite side (the danger of political distortion of the truth). In general, it is necessary to unite and activate the work of all practice-oriented forces of philosophy and science (humanitarian expertise, field philosophy, etc.). Professional, pedagogical access to the Internet for criticising post-truth and meaningful presence in the public arena is seen as an important direction of practical philosophy.

Keywords: philosophy, theory, practice, practical philosophy, historical and logical method, human, post-outside-human, post-truth, concept of public arenas

For citation: Maslov V. M. Practical philosophy: Modern foundations and necessity. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 25–29 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-25-29>, EDN: SNZERP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Общественная жизнь становится все более сложным системным образованием. Существенный вклад в это состояние вносит высокий темп научно-технического развития, который, приводя к очевидным прогрессивным улучшениям жизни, обостряет имеющиеся и порождает новые проблемы. Последнее необходимо учитывать в плане приближения к точке технологической сингулярности, где график экспоненциального развития науки и техники будет стремиться к становлению вертикальной линии. Это ведет к неопределенности будущего. В таких условиях ожидается, что философия должна оказывать непосредственное положительное влияние на происходящее в мире здесь и сейчас. Подобная задача может быть идентифицирована как необходимость формирования практической (прикладной) философии [1, 2]. Качественное, полноценное, перспективное выполнение указанного требования берет за основу общие разработки темы связи философии, науки с жизнью, практикой.

Связь с практикой – фундаментальная, обосновывающая социальную осмысленность философии проблема. Практика должна пониматься предельно конкретно. В качестве примера можно взять известную марксистскую трактовку практики или прямое указание К. Вайцеккера на необходимость философии для непосредственной деятельности физика [3, с. 116]. Отсюда вытекает простое указание на то, что философия, например, «выполняет функции всеобщего (универсального) метода», автоматически не делает современную философию «прикладной философией» [4, с. 4–5], поскольку философская методология вполне может быть неизвестна, не очень понимаема или даже игнорироваться в реальной деятельности определенных субъектов. Общую проблемность в этой области отражает факт постоянного воспроизводства представлений о том, что «философия – внеутилитарная область занятий, некая интеллектуальная праздная игра, никак не связанная с практической деятельностью человека» [5, с. 13]. Всегда нужно подчеркивать, что, например, философская самокритика, скептицизм не ослабляют и отдаляют философию от жизни, а усиливают и приближают к ней [6].

На сегодняшний день нет уверенности в том, что все сделано в плане общего понимания специфики взаимосвязи теоретической философии и жизни. Соответственно, актуализируется необходимость последовательного исследования, началом которого является нацеленность на принципиальное решение общих теоретических

проблем взаимосвязи философской теории и практики, а в завершающей части требуется выйти на современную форму взаимосвязи философской теории и практики или дать общее определение практической философии. Базовым методом изучения данной проблематики служит метод диалектического единства исторического и логического, который в логической составляющей задействует методологию «идеальных типов» М. Вебера.

Теоретический анализ

Проблематика связи философии с жизнью вплетена в сам процесс становления древневосточной и древнегреческой философии. Конкретная жизнь человека определяет смысл философии Будды. На это указывает отказ Будды обсуждать многие метафизические «умствования», которые не помогают решению главной философской задачи – избавлению человека от конкретных страданий [7, с. 121]. Здесь же необходимо указать на предельно серьезное внимание древневосточной философии к духовно-телесным практикам (йога), которые должны были помочь людям жить по философской истине. Постановку и осмысление вопроса о связи философии с жизнью находим в следующих биографических свидетельствах о первом древнегреческом философе Фалесе. От лица культуры служанка спрашивает упавшего Фалеса о практической осмысленности философии: «думаешь познать небеса», «не видя под ногами»? Сущностный ответ и по философской истине, и по связи философии с жизнью дается в следующем конкретном ответе Фалеса, который, «предвидя будущий урожай маслин», «нанял в аренду маслодавильни и собрал огромные деньги» [8, с. 71, 73].

Историческое развитие философии показывает: обеспечение взаимосвязи теории и практики остается главной целью философии, но формируются два принципиально разных подхода к структуре, организации этой взаимосвязи. В одном случае первичной является практика, реальная окружающая жизнь, в другом – философская теория. Учитывая стратегическое родство, но тактическую разницу, эти философские подходы могут быть обозначены как практико-теоретический и теоретико-практический.

Точкой отсчета для практико-теоретической позиции является всеобщее, которое с очевидностью представлено в окружающем нас мире (наглядная всеобщность: человеческие страдания для Будды, эксплуатация труда капиталом для К. Маркса). Сама суть позиции ведет к политике,

заставляет стремиться к реальной власти: только так философская истина – самая точная и глубокая истина человечества – может максимально положительно влиять на общественную жизнь. В древнегреческой философии подобного пытался достичь уже Пифагор. Классическим примером является Платон, который не раз рисковал своей свободой, чтобы воплотить в жизнь проект идеального государства.

Точкой отсчета для теоретико-практической позиции служит общее понимание того, что философское приближение к практике возможно только через определенное отдаление от нее. Излишняя близость к практике (как совокупности уникальной человеческой деятельности всех членов общества) затрудняет формирование всеобщих представлений; в случае с политической практикой – это может быть дополнено негативным властным влиянием на философию (можно отметить, что философия не в силах ответить на все индивидуальные запросы практики). Только самоценная философская работа (в частности, учитывающая все значимые исторические достижения философской мысли) обеспечивает получение собственно философской истины, которая именно в этом статусе должна служить руководством для практической деятельности ответственных членов общества. Органично для этой позиции акцентированное внимание к логико-методологической значимости философии, которая обеспечивает исходное приобщение к философской истине и соответствующей достойной практической деятельности: «Короли ... народы не должны допустить, чтобы ... умолк класс философов ... это необходимо ... для внесения ясности в их деятельность» [9, с. 289]. Общий анализ философии Аристотеля позволяет считать его одним из первых классических представителей теоретико-практической позиции. Отсюда известное противостояние Платона и Аристотеля дополняется еще одним важным пунктом.

В общеисторическом подходе выделяют специфику эволюционного и революционного состояний, древнего и современного обществ. Соответственно, ставится общая задача оценки специфики связи философской теории и практики применительно к этим случаям. Ниже следующее свидетельствует о том, что в общем итоге формируется антиномия в духе И. Канта: практико-теоретические и теоретико-практические позиции равно доказательны.

В революционные времена более привлекательной выглядит практико-теоретическая позиция, где философия становится «живой душой культуры», проникая «в салоны, в дом священни-

ка, в редакции газет, в королевские приёмные, в сердца современников». Здесь же находится достаточно поводов критически оценить теоретико-практическую позицию: «Философия, взятая в ее систематическом развитии, не популярна; ее таинственное самоуглубление является в глазах непосвященных ... чудаческим ... непрактичным занятием ... никто их не понимает» [10, с. 105]. В эволюционные времена большей поддержкой пользуется теоретико-практическая позиция. В плане критики оппонентов постепенно накапливаются аргументы за то, что близость к политике вообще, а особенно «когда власть благоволит к философам, “приближает их ко двору” ... для философии ... всегда чревато опасностью». «Происходит, как ... мы знаем по истории жизни Платона, Аристотеля или Хайдеггера, “обращивание”, когда не тиран выступает в качестве средства достижения целей для философа, а, напротив, философ помогает реализации целей тирана» [5, с. 16].

Формирование современного общества, техногенной цивилизации специфически поддерживает обе позиции. Современное общество можно идентифицировать как форму реализации проекта Ф. Бэкона, согласно которому наилучшее общественное устройство возможно только с опорой на приносящую пользу науку. Отсюда в его утопии «Новая Атлантида» реальная власть принадлежит ученым и инженерам (настоящим философам); вообще, философы несут ответственность за созданное на основе их идей специфическое общество. Все это способствует усилению позиции практико-теоретической философии. Однако в личностном плане развития современного общества подчеркивается человеческая уникальность, свобода, реализуемая в окружающем сложном мире. Последнее противостоит любому навязыванию чего-либо. Поэтому философия должна разрабатываться в форме принципиальной отдаленности от непосредственных практических рекомендаций, в форме «воздержания от оценок» [11, с. 714]. Все это способствует усилению позиции теоретико-практической философии.

Заключение

Равноценность теоретико-практического и практико-теоретического подходов обеспечивает надежную основу для объяснения конкретной истинности одного из них. Выбор современной актуальности практико-теоретического подхода прямо связан со сложностью, быстротой изменений и значительной неопределенностью дальнейшего общественного раз-

вития. Тем самым обозначаются объективная значимость и перспективность современных разработок в области практической философии: гуманитарная экспертиза; возникшее в 1970-х гг. движение прикладной философии (applied philosophy) и так или иначе связанные с ним концепции: публичной философии (public philosophy), экспериментальной философии (experimental philosophy), «публичного интеллектуала» (С. Фуллер), «полевой философии» (field philosophy); отечественный «научный активизм», включающий, в частности, сообщество «Диссернет» [12, с. 26]. Подчеркнем значимость интенсивного научно-технического развития, ставящего в реальную повестку дня пост-вне-человеческие реалии. Ключевым здесь является вывод последней большой работы В. А. Кутырева: «Развивать философскую мысль не “вообще”, а отвечая на самый фундаментальный вопрос современности: “Почему мы создаем будущее, которому не нужны” в связи с конкретными, острыми и злободневными проблемами, предлагая их решение»: «науку и технологии – под контроль общества» [13, с. 4].

Становление и развитие современной практической философии видятся в единстве двух направлений. В теоретическом направлении требуется, с одной стороны, обобщать и пропагандировать все родственные исторические примеры и достижения (живые диалоги Сократа, теория малых дел, социальная инженерия К. Поппера и др.); с другой стороны, всемерно учитывать силу критических аргументов, особенно опасность политической деформации философской истины. В собственно практическом направлении следует разрешать значимые общественные проблемы, примером чего может служить работа А. Бригглы над прояснением ситуации и последующим запретом применения технологии гидроразрывов пласта (взрывание горных пород песком, водой и химикатами с целью извлечения нефти и газа) в американском городе Дентон [14].

Сегодня все чаще обращают внимание на растущее значение и необходимость критики постправды (ложная, непроверенная информация). Феномен постправды становится все более нетерпимым, учитывая высокий темп и акцентированность современной жизни на настоящем (нет времени и общего интереса к тщательному разбору прошлой постправды, фейков) и «ограниченной емкости социальных арен» [15]. Критика постправды – важнейшая задача практической философии. Потребуется постоянное и полноценное присутствие практической философии в Интернете, например, через создание Telegram-каналов. В плане обогащения

преподавания практической философии укажем, что приобщение к подобной интернет-деятельности – суть перспективное направление получения важнейших актуальных компетенций современным студенчеством.

Список литературы

1. Осипов Ю. М. Философия на миру: абстракции и практика // Философия хозяйства. 2014. № 3. С. 9–14.
2. Society for Applied Philosophy. URL: <https://www.appliedphil.org> (дата обращения: 15.12.2022).
3. Вайцеккер К. Ф. Физика и философия // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 115–125.
4. Савкин Н. С. Прикладная философия: предмет, структура, функции // Гуманитарий: актуальная проблемы гуманитарной науки и образования. 2010. № 1. С. 2–8.
5. Миронов В. В. О роли философии в обществе: уроки К. Маркса // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2018. № 5. С. 12–19.
6. Маслов В. М. Скептицизм: историко-логические формы и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 257–261. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-257-261>
7. Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия. М. : Селена, 1994. 416 с.
8. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. : Мысль, 1979. 620 с.
9. Кант И. К вечному миру // Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 6. С. 257–310.
10. Маркс К. Передовица в «Kolnische Zeitung» (N 179) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 93–113.
11. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 880 с.
12. Бараш Р. Э., Антоновский А. Ю. Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест? // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 18–33. <https://doi.org/10.5840/eps201855223>
13. Кутырев В. А. Чело-век технологий, цивилизация фальшизма. СПб. : Алетейя, 2022. 288 с.
14. Briggles A. A Field Philosopher’s Guide to Fracking: How One Texas Town Stood Up to Big Oil and Gas. New York: Liveright Publishing Corp, W. W. Norton & Company, 2015. 352 p.
15. Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. 2008. № 2. С. 73–94.

References

1. Osipov Yu. M. Philosophy in the world: Abstractions and practice. *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of Economy], 2014, no. 3, pp. 9–14 (in Russian).
2. Society for Applied Philosophy. Available at: <https://www.appliedphil.org> (accessed 15 December 2022).

3. Vajtszekker K. F. Physics and Philosophy. *Voprosy filosofii* [Voprosy filosofii], 1993, no. 1, pp. 115–125 (in Russian).
4. Savkin N. S. Applied philosophy: Subject, structure, functions. *Gumanitariy: aktual'naya problema gumanitarnoy nauki i obrazovaniya* [Humanities: Actual Problems of Humanities and Education], 2010, no. 1, pp. 2–8 (in Russian).
5. Mironov V. V. On the role of philosophy in society: The lessons of K. Marks. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya* [The Moscow University Herald. Ser. 7. Philosophy], 2018, no. 5, pp. 12–19 (in Russian).
6. Maslov V. M. Skepticism: Historical and logical forms and prospects. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 257–261 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-257-261>
7. Chatterdzhi S., Datta D. *Indijskaya filosofiya* [Indian Philosophy]. Moscow, Selena Publ., 1994. 416 p. (in Russian).
8. Diogen Laertskij. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitnykh filosofov* [On the Life, Teachings and Sayings of Famous Philosophers]. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 620 p. (in Russian).
9. Kant I. To the eternal world. In: Kant I. *Sochineniya: v 6 t. T. 6* [Essays: in 6 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, vol. 6, pp. 257–310 (in Russian).
10. Marks K. Editorial in “Kolnische Zeitung” (N 179). In: Marks K., Engel's F. *Sochineniya*. 2-e izd. T. 1 [Marks K., Engels F. Essays]. Moscow, Gospolitizdat, 1955, vol. 1, pp. 93–113 (in Russian).
11. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p. (in Russian).
12. Barash R. E., Antonovskij A. Yu. Radical science. Are the students capable of public protest? *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2018, vol. 55, no. 3, pp. 18–33 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps201855223>
13. Kutyrev V. A. *Chelo-vek tekhnologij, tsivilizatsiya fal'shizma* [Man of Technology, Civilization of Falsehood]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2022. 288 p. (in Russian).
14. Briggie A. A. *Field Philosopher's Guide to Fracking: How One Texas Town Stood Up to Big Oil and Gas*. New York, Liveright Publishing Corp, W. W. Norton & Company, 2015. 352 p.
15. Hilgartner S., Bosk C. L. The growth and decline of social problems: The concept of public arenas. *Sotsial'naya real'nost'* [Social Reality], 2008, no. 2, pp. 73–94 (in Russian).

Поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 26.12.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 26.12.2022; accepted for publication 11.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 30–34

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 30–34

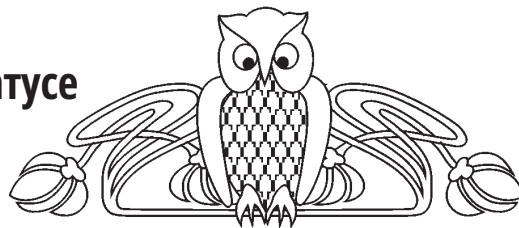
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-30-34>, EDN: QJOVWF

Научная статья

УДК 608.1

Редактирование генома и вопрос о статусе человеческого эмбриона *in vitro*

Д. В. Михель¹✉, О. Н. Резник²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 84

²Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова, Россия, 197022, г. Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, д. 6-8

Михель Дмитрий Викторович, доктор философских наук, профессор, dmitrymikhel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2250-1626>

Резник Олег Николаевич, доктор медицинских наук, профессор, onreznik@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2770-1432>

Аннотация. Введение. В статье обсуждается характер очередного вызова, с которым столкнулось российское общество в связи с развитием геномных технологий. Появление технологии редактирования генома эмбриона человека вызвало к жизни предложения о ее правовой регламентации, но недостаточное внимание все еще уделяется вопросу о статусе эмбриона. **Теоретический анализ.** Показано, что недавнее появление технологии редактирования генома человеческого эмбриона делает актуальным вопрос о статусе эмбриона *in vitro*. Сложность его решения обусловлена наследием советской эпохи, узаконившей право женщины на аборт и возможность беспрепятственного медицинского вмешательства в жизнь ребенка задолго до его рождения. Представляется, что со временем решение данного вопроса может быть найдено. Основанием для этого можно считать сближение позиций ученых и представителей православной церкви по вопросу о начале человеческой жизни, а также предложения со стороны юристов по реформированию системы законодательства в тех частях, которые касаются защиты прав ребенка до его рождения и определения статуса эмбриона как особого правового явления. **Заключение.** Решение вопроса о статусе эмбриона *in vitro* может быть достигнуто посредством сближения позиций всех групп экспертного сообщества.

Ключевые слова: биомедицинские технологии, редактирование генома, эмбрион *in vitro*, Россия, биомедицина

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44043.

Для цитирования: Михель Д. В., Резник О. Н. Редактирование генома и вопрос о статусе человеческого эмбриона *in vitro* // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 30–34. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-30-34>, EDN: QJOVWF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genome editing and the status of the human embryo *in vitro*

D. V. Mikhel¹✉, O. N. Reznik²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84 Vernadskogo Prospekt, Moscow 119571, Russia

²First Pavlov State Medical University of St. Petersburg, 6-8 Lev Tolstoy St., St. Petersburg 197022, Russia

Dmitry V. Mikhel, dmitrymikhel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2250-1626>

Oleg N. Reznik, onreznik@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2770-1432>

Abstract. Introduction. The article discusses the nature of the next challenge faced by Russian society in connection with the development of genomic technologies. It is noted that the emergence of human embryo genome editing technology has brought to life proposals for its legal regulation, but insufficient attention is still paid to the issue of the status of the embryo. **Theoretical analysis.** The recent emergence of the technology of human embryo genome editing makes the issue of the status of the embryo *in vitro* relevant. The complexity of its solution stems from the legacy of the Soviet era, which legalized a woman's right to abortion and the possibility of unimpeded medical intervention in the life of a child long before its birth. It appears that over time a solution to this issue could be found. The basis for this could be the convergence of the positions of scientists and representatives of the Orthodox Church on the issue of the beginning of human life, as well as proposals from lawyers to reform the system of legislation in those parts that relate to the protection of the rights of a child before its birth and the definition of the status of the embryo as a special legal phenomenon. **Conclusions.** A solution to the issue of *in vitro* embryo status can be achieved by bringing together all groups of the expert community.

Keywords: biomedical technology, genome editing, embryo *in vitro*, Russia, biomedicine

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project No. 21-011-44043.

For citation: Mikhel D. V., Reznik O. N. Genome editing and the status of the human embryo *in vitro*. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 30–34 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-30-34>, EDN: QJOVWF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Прогресс в сфере биомедицины сопровождается все новыми вызовами для российского общества. Появление технологий, позволяющих редактировать геном эмбриона человека, вызвало широкую дискуссию, в ходе которой все ее участники признали актуальность скорейшей разработки правовых оснований для их надлежащего регулирования. При этом без должного внимания все еще остается вопрос о статусе эмбрионов, используемых для геномного редактирования. Его решение представляется весьма непростым, поскольку предполагает согласование позиций различных групп российского экспертного сообщества – ученых, теологов, медиков и юристов. Предлагается краткая характеристика этих позиций и объясняются причины, затрудняющие простое решение вопроса о статусе эмбриона *in vitro*.

Теоретический анализ

Прогресс биомедицины обещает дать обществу новые возможности, но при этом ставит перед ним все новые вопросы. Появление технологий, позволяющих редактировать геном живых организмов, с неизбежностью открыло перед учеными возможности проведения редактирования генома человека, в том числе генома человеческого эмбриона. К концу 2010-х гг. на смену первым грубым и дорогостоящим технологиям редактирования пришла простая и дешевая технология CRISPR/Cas9. Сразу несколько групп ученых в США, Китае и России заявили о своей готовности воспользоваться ею и провести редактирование генома человеческого эмбриона. В 2017 г. Ш. Миталипов из Орегонского университета сообщил, что его группе удалось провести такое редактирование. В 2018 г. Хе Цзянькуй из Китая осуществил еще один эксперимент, по итогам которого родились девочки-близняшки с измененным геномом. В 2019 г. российский ученый Д. В. Ребриков также заявил о своей готовности провести редактирование, но затем отказался. Все это вызвало бурный резонанс в международном научном сообществе и получило широкое освещение в СМИ. Основное беспокойство общественности вызвал тот факт, что технологии редактирования генома могут быть использованы не только для лечения наследственных заболеваний, но и для улучшения человека.

Российская общественность также отреагировала на первые случаи геномного редактирования. При этом реакция всех групп экспертов была одинаковой. Ученые и представители православной церкви заявили о необходимости скорейшей разработки правовых оснований для надлежащего регулирования технологий редактирования. Так, например, учеными была высказана мысль о том, что дальнейший прогресс этих технологий сдерживают не только технические, но и этические проблемы, поэтому задача экспертного сообщества и государства – обеспечить плавную интеграцию методов геномного редактирования в жизнь, не допустив социальных потрясений [1]. Кроме того, предлагалось оказать содействие развитию технологий редактирования для сельского хозяйства и промышленности и одновременно разработать нормативную базу, ограничивающую распространение этих технологий на человека [2]. Эксперты-теологи в специальном заявлении «О редактировании генома человека» (2019) отметили важность правового регулирования экспериментов с использованием геномных технологий и при этом не исключили введения моратория на редактирование генома эмбриона человека [3]. Научная и церковная общественность сошлись во мнении, что прогресс новых технологий с целью лечения заболеваний полезен, но их использование для улучшения человека, способное привести к возникновению новых форм неравенства между людьми и трансформации человеческой природы, недопустимо.

Консолидированный призыв экспертов обеспечить правовую регламентацию применения технологий редактирования генома оказался закономерной реакцией, поскольку последние 30 лет всем стало ясно, что без принятия таких мер обойтись невозможно. За эти годы биомедицинские технологии стали не только изменять деятельность медицинских учреждений, но и влиять на характер общественных отношений, психологию, культуру. Правовая регламентация применения этих технологий нужна для их адаптации к привычному порядку вещей.

Проведенный анализ ситуации, связанной с появлением технологий редактирования генома и предложений экспертов об их правовой регуляции, позволяет утверждать, что в рамках развернувшейся дискуссии один важный вопрос все еще остается без внимания. Это вопрос об объекте применения технологий редактирования – о человеческом эмбрионе *in vitro* и его статусе. Он

является сложным, но ни научное сообщество, ни церковная общественность не могут решить его самостоятельно, поскольку для этого требуется участие медиков и юристов. Лишь после согласования всех позиций и устранения тактических разногласий данный вопрос может найти воплощение в правовой норме. В настоящее время в российском правовом поле он остается непроясненным. Медицинские учреждения, в которых осуществляются манипуляции с такими эмбрионами, в своей работе руководствуются отраслевыми нормативными документами, в которых вопрос о статусе эмбрионов *in vitro* не обсуждается, но даны указания, касающиеся использования эмбрионов. В частности, речь идет об их использовании в практике лечения с использованием вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Особенно важны указания, касающиеся того, как поступать с эмбрионами, оставшимися неиспользованными после переноса в материнское тело. Приказом Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» устанавливается, что неиспользованные эмбрионы могут быть использованы для донорства, криоконсервации и утилизации. Между тем положение о криоконсервации и утилизации неиспользованных эмбрионов является этически спорным, поскольку им допускается фактическое и намеренное уничтожение эмбрионов [4, с. 77].

Позиция церкви по вопросу о статусе эмбрионов *in vitro* более определена. Церковь не проводит различий между эмбрионами *in vitro* и эмбрионами *in vivo*. Вне зависимости от своего местоположения – в материнском теле или вне его – эмбрионы рассматриваются церковью не как объекты для манипуляций, а как человеческие существа, нуждающиеся в защите. В своем представлении об эмбрионе православная церковь руководствуется следующим библейским указанием: «Зарождение мое видели очи Твои; Имена всех внесены в книгу Твою; и никто даже во чреве матери не забыт Тобой» (Пс. 138:16–17). Несколько лет назад комиссией Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви разработан проект документа, в котором вопрос о статусе эмбриона рассматривался специально. Этот проект предназначен для широкого обсуждения. В частности, в нем утверждается, что эмбрион является человеком и обладает правами – на человеческую идентичность, на жизнь, на развитие. Позиция церкви состоит в том, что эти права должны быть закреплены в законодательстве [5].

Позиция научного сообщества по этому вопросу менее однозначна. Как правило, ученые в большинстве своем избегают высказываться о статусе эмбриона, но есть и те, кто склонен прибегать к четким формулировкам. В частности, некоторые российские эмбриологи утверждают, что человеческая жизнь начинается значительно раньше, чем формируются дыхательная, кровеносная или иные системы организма, раньше, чем образуется первичная полоска или происходит имплантация бластоцисты в стенку матки, – а именно с момента слияния родительских гамет и объединения заключенной в них генетической информации, т. е. с момента образования генома [6]. Очевидно, научная позиция по вопросу о статусе эмбриона не тождественна позиции церкви, но она все ближе и ближе к церковной. Кроме того, как и представители церкви, ученые обычно не проводят различий между эмбрионами *in vitro* и *in vivo*.

Довольно непросто будет охарактеризовать позицию юристов. С одной стороны, она определяется всей совокупностью уже существующих правовых норм, в той или иной мере затрагивающих этот вопрос, с другой стороны, она изменяется с течением времени. Между тем именно юридическая точка зрения, когда она будет окончательно сформирована, представит итоговую позицию общества по вопросу о статусе эмбриона *in vitro*.

В нынешней российской правовой системе места для человеческого эмбриона практически нет. В отличие от Ирландии, Франции, Германии и других стран, которые в своем законодательстве определили, что эмбрион находится под защитой права [7, с. 153], в России он такой защитой не обладает. Эмбрион трактуется как вещь, не имеющая признаков самостоятельности, как орган, сопоставимый с органами, подлежащими трансплантации (ст. 2 Закона о трансплантации органов и (или) тканей человека, 1992). Основы такого подхода определены Конституцией, согласно которой человек получает свои неотчуждаемые права и свободы с момента рождения (ст. 17 Конституции Российской Федерации), т. е. до рождения никакие права и свободы ему не принадлежат. Некоторых российских юристов такое положение дел уже не устраивает, поэтому выдвигаются предложения о необходимости защиты жизни человека еще до его рождения [8].

Отметим, что российское законодательство во многом является наследником советского законодательства, которое первым в мире легализовало аборт (1920, повторно 1955). За прошедшие десятилетия данная правовая норма прочно вошла не только в сознание нашего общества, но

и приобрела характер ценности, признаваемой значительной частью граждан. Эта норма также стала основанием для развития отдельных медицинских направлений, способных функционировать лишь постольку, поскольку они могут опираться на гарантированную законом возможность вмешательства в жизнь ребенка задолго до его рождения. С учетом этого факта ясно, почему в нынешнем российском законодательстве вопрос о статусе эмбрионов – как *in vitro*, так и *in vivo* – все еще не решен.

Вместе с тем следует допустить, что юридическая позиция по вопросу о статусе эмбрионов может измениться. Поводом для этого может стать усиление позиций сторонников защиты прав детей до их рождения в их противостоянии со сторонниками свободного репродуктивного выбора. Эти изменения также могут быть обусловлены фактом появления технологий ВРТ и CRISPR/Cas9, которые начинают ставить граждан в непростые ситуации, требующие принятия законных решений. Отсылая к таким ситуациям, один из авторов-юристов пришел к выводу о том, что вопрос о статусе эмбриона вне материнского тела уже стал актуальным для системы гражданского права. Действительно, участники гражданско-правовых отношений могут попадать в ситуации, когда им приходится решать судьбу эмбриона *in vitro* – дарить, передавать, завещать и т.д. Поэтому, утверждает автор, приравнивать эмбрионы к обычным вещам, на которые распространяются нормы гражданского права, нельзя. Если признать эмбрион личностью, как это уже произошло в некоторых системах права и как это имеет место в христианской традиции, то это приведет к большим потрясениям в современном российском здравоохранении, сделает недопустимым совершение любого действия, которое может причинить вред эмбриону. Поэтому в качестве компромисса автор предлагает признать за эмбрионом статус особого правового явления – самостоятельного объекта гражданских прав с особым правовым режимом, в основу которого должны быть положены принципы уважения и сохранения жизни на любом этапе ее развития [9, с. 129].

Заключение

Очевидно, что предложения о необходимости правовой регламентации технологий редактирования генома, высказываемые российскими экспертами, в будущем трансформируются в правовые нормы. Представляется важным, чтобы в этой связи получил соответствующее правовое решение и вопрос о статусе эмбриона *in vitro*. Для

того чтобы оно было достигнуто, необходимо согласование позиций всех групп российской общественности – теологов, ученых, медиков и юристов. Препятствием на этом пути остается наследие советской эпохи, легализовавшей аборт и лишившей человеческий эмбрион места в российской правовой системе. Однако происходящее в настоящий момент сближение позиций ученых и представителей церкви по вопросу о начале человеческой жизни и параллельное с этим стремление юристов трансформировать российское законодательство в части защиты прав детей и определения статуса эмбрионов позволяет надеяться, что вопрос о статусе эмбриона *in vitro* со временем будет решен.

Список литературы

1. Мохов А. А., Чапленко А. А., Яворский А. Н. Использование технологий геномного редактирования: достижения и перспективы // Биомедицина. 2019. Т. 15, № 2. С. 34–42. <https://doi.org/10.33647/2074-5982-15-2-34-42>
2. Гребенщикова Е. Г., Андреев Д. С., Волчков П. Ю., Воронцова М. В., Гинтер Е. К., Ижевская В. Л., Лагунин А. А., Поляков А. В., Попова О. В., Смирнихина С. А., Тищенко П. Д., Трофимов Д. Ю., Куцев С. И. Редактирование генома эмбрионов человека: междисциплинарный подход // Вестник Российской академии медицинских наук. 2021. Т. 76, № 1. С. 86–92. <https://doi.org/10.15690/vam1269>
3. Православие и проблемы биоэтики: сборник работ / отв. ред. И. В. Силюянова. М., 2020. 172 с.
4. Силюянова И. В. Проблема утилизации человеческой жизни и биомедицинские технологии // Церковь и медицина. 2022. № 1 (21) апрель. С. 75–79.
5. Проект документа «О неприкосновенности жизни человека с момента зачатия» // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5459449.html> (дата обращения: 25.12.2022).
6. Заключение заведующего кафедры эмбриологии биологического факультета МГУ доктора биологических наук В. А. Голиченкова // Пролайф Беларусь. URL: <https://www.pro-life.by/bioetika/zaklyuchenie-zaveduyushhego-kafedry-e-mbriologii-biologicheskogo-fakul-teta-mgu-doktora-biologicheskikh-nauk-v-a-golichenkova/> (дата обращения: 30.12.2022).
7. Силюянова И. В. Биомедицинская этика: учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2016. 312 с.
8. Белобрагина Н. А. Правовой статус эмбриона // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 1–2. С. 34–38.
9. Белова Д. А. Правовая природа эмбриона *in vitro* // Lex russica. 2019. № 6. С. 122–130. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.122-130>

References

1. Mokhov A. A., Chaplenko A. A., Yavorsky A. N. Use of genome editing technologies: Achievements and future prospects. *Biomeditsina* [Biomedicine], 2019, vol. 15, no. 2, pp. 34–42 (in Russian). <https://doi.org/10.33647/2074-5982-15-2-34-42>
2. Gebenshchikova E. G., Andreyuk D. S., Volchkov P. Yu., Vorontsova M. V., Ginter E. K., Izhevskaya V. L., Lagunin A. A., Polyakov A. V., Popova O. V., Smirnikhina S. A., Tishchenko P. D., Trofimov D. Yu., Kutsev S. I. Human embryo genome editing: An interdisciplinary approach. *Vestnik Rossiyskoi Akademii meditsinskikh nauk* [Annals of the Russian Academy of Medical Sciences], 2021, vol. 76, no. 1, pp. 86–92 (in Russian). <https://doi.org/10.15690/vramn1269>
3. Siluyanova I. V., ans. ed. *Pravoslaviye i problemy bio-etiki. Sbornik rabot* [Orthodoxy and the Problems of Bioethics. Collection of Works]. Moscow, 2020. 172 p. (in Russian).
4. Siluyanova I. V. The problem of human life disposal and biomedical technologies. *Tserkov i meditsina* [Church and Medicine], 2022, no. 1 (21) April, pp. 75–79 (in Russian).
5. *Projekt dokumenta "O neprikosnovennosti zhizni cheloveka s momenta zachatiya* (Draft Document "On the Inviolability of Human Life from the Moment of Conception"). *Ofitsialnyi sait Moskovskogo Patriarkhata* [Official Website of the Moscow Patriarchate]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5459449.html> (accessed 25 December 2022) (in Russian).
6. Conclusion of the Head of the Department of Embryology, Faculty of Biology, Moscow State University, Doctor of Biological Sciences V.A. Golichenkov. *Prolife Belarus* (Belarus ProLife). Available at: <https://www.pro-life.by/bioetika/zaklyuchenie-zaveduyushhego-kafedry-e-mbriologii-biologicheskogo-fakul-teta-mgu-doktora-biologicheskikh-nauk-v-a-golichenkova/> (accessed 30 December 2022) (in Russian).
7. Siluyanova I. V. *Biomeditsinskaya etika: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Biomedical Ethics: Textbook and Practice for the Academic Baccalaureate]. Moscow, Yurait Publ., 2016. 312 p. (in Russian).
8. Belobragina N. A. The legal status of the embryo. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences], 2013, no. 1–2, pp. 34–38 (in Russian).
9. Belova D. A. Legal nature of an embryo. *Lex russica* [Lex Russica], 2019, no. 6, pp. 122–130 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.122-130>

Поступила в редакцию 08.01.2023; одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 08.01.2023; approved after reviewing 09.01.2023; accepted for publication 11.01.2023

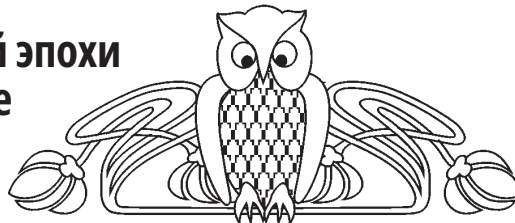

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 35–39
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 35–39
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-35-39>, EDN: RISFMI

Научная статья
УДК 101.1:316

Ностальгия по СССР: образы советской эпохи в медийной и политической практике современной России

А. А. Цельковский

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Цельковский Алексей Андреевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории «ЦИФРА», alts1085@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2442-5463>

Аннотация. Введение. Актуальность темы исследования обусловлена возросшей ролью советского исторического наследия в современной социально-политической практике. Образы, связанные с советским периодом отечественной истории, довольно активно эксплуатируются политическим и медийным дискурсом. **Теоретический анализ.** В основу исследования положена гипотеза о том, что механизм влияния советского прошлого на политическую и медийную практику раскрывается посредством социального феномена ностальгии. Феномен ностальгии рассматривается в двух своих типах: рефлексивном и реставрирующем. Предметом исследования становятся образы советской эпохи, продуцируемые мифотворческой практикой, а также значение данных ностальгических мифологических образов. **Заключение.** Проведенный теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что рефлексивный тип ностальгии характерен для медийной практики, реставрирующий тип – для политической. Рефлексивная ностальгия проявляется не столько в переосмыслении прошлого, сколько в конструировании мифологических образов советской эпохи. Реставрирующая ностальгия пытается вернуть в политический дискурс наиболее значимые символы, адаптировав их под конъюнктурные политические цели. Поскольку данные мифологические образы занимают одно из центральных мест, они могут стать действенным способом преодоления различных кризисных явлений.

Ключевые слова: ностальгия, медиапрактика, мифотворчество, политический миф, СССР

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Для цитирования: Цельковский А. А. Ностальгия по СССР: образы советской эпохи в медийной и политической практике современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 35–39. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-35-39>, EDN: RISFMI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Nostalgia for the USSR: Images of the Soviet era in the media and political practice of modern Russia

A. A. Tselykovsky

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Aleksey A. Tselykovsky, alts1085@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2442-5463>

Abstract. Introduction. The relevance of the topic of research is due to the increased role of the Soviet historical legacy in modern socio-political practice. The images associated with the Soviet period of national history are quite actively exploited by modern political and media discourse. **Theoretical analysis.** The research is based on the hypothesis that the mechanism of influence of the Soviet past on political and media practice is revealed through the social phenomenon of nostalgia. At the same time, the phenomenon of nostalgia is considered in its two types: reflexive and restorative. The subject of the study is the images of the Soviet era, produced by the myth-making practice, as well as the role and meaning of these nostalgic mythological images. **Conclusion.** The carried out theoretical analysis leads to the conclusion that the reflexive type of nostalgia is characteristic for media practice, the restorative type – for political practice. Reflexive nostalgia manifests itself not so much in the reinterpretation of the past as in the construction of certain mythological images that contribute to a safer perception of the past. Restorative nostalgia attempts to return the most significant symbols to political discourse, adapting them to suit opportunistic political goals. Since these mythological images occupy a central place, they can become an effective way to overcome various crisis phenomena.

Keywords: nostalgia, mediapractice, myth-making, political myth, USSR

Acknowledgements: The reported study was funded by RSF, project No. 22-18-00153 “The Image of the USSR in Historical Memory: A Study of Media Strategies for Reproducing Representations of the Past in Russia and Foreign Countries”.

For citation: Tselykovsky A. A. Nostalgia for the USSR: Images of the Soviet era in the media and political practice of modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 35–39 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-35-39>, EDN: RISFMI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В условиях усиливающейся конфронтации России со странами Запада, сопровождающейся информационными войнами, проблема духовных и ценностных основ Российского государства приобретает особое значение. В этой связи довольно любопытным представляется факт обращения современной мифотворческой практики к советской эпохе. Пытаясь выстроить новый ценностный и идеологический фундамент Российского государства, политическая элита все активнее использует советское наследие. Образы советского прошлого приобретают все большее значение в политическом и медийном дискурсах. Необходимо отметить, что речь в данном случае идет не только о навязанных сверху идеологических трендах, но и о ностальгических настроениях по советскому прошлому со стороны значительной части общества. Понятие «ностальгия», на наш взгляд, довольно точно раскрывает специфику восприятия советской эпохи общественным сознанием, а также особенности ее репрезентации в медийной и политической практике. Таким образом, в число основных задач данного исследования входит анализ специфики образа СССР, создаваемого медийной и политической практикой, а также роли ностальгических мифов в современном российском общественном сознании.

Теоретический анализ

Природа современного мифа и его социальных функций довольно подробно изучена в трудах разных исследователей (Дж. Кэмпбелл, М. Элиаде, Э. Кассирер, Р. Барт, К. Хьюбнер, К. Флад и др.). Современное мифотворчество можно определить как конструирование социальных и политических мифов, т. е. как процесс интерпретации каких-либо явлений и событий в соответствии с устойчивыми мифологическими символами и образами. Главная функция современного мифа заключается в смыслообразовании, в трансляции социального опыта и исторической памяти. К примеру, Э. Я. Баталов так пишет о функциях мифа: «Он формирует у членов той или иной общности представление об общей исторической судьбе; сплачивает вокруг общих ценностей и целей – подлинных или мнимых» [1, с. 37]. Транслируемые современным

мифом смыслы и ценности становятся для общественного сознания ориентирами в пространстве социальной реальности.

Для дальнейшего исследования необходимо подробнее остановиться на том, что представляет собой ностальгия как социальный феномен. Русско-американская исследовательница С. Бойм относительно понятия «ностальгия» писала: «Понятие происходит от двух греческих корней, *nostos* и *algia*, буквально означая “тоску по дому”; часто это тоска по метафорическому дому» [2, с. 118]. Тенденция к пробуждению ностальгических настроений отчетливо проявляется в кризисные переходные периоды, когда процессы мифотворчества особенно сильны. Общественное сознание, продуцируя разного рода ностальгические мифы, пытается обрести опору в настоящем через переосмысление прошлого. Однако в данном случае под «переосмыслением» понимается не рациональная рефлексия, а конструирование идеализированных и мифологизированных образов прошлого, помогающих ориентироваться в настоящем. То есть социальный феномен ностальгии вполне можно рассматривать как одну из разновидностей мифотворчества.

С одной стороны, ностальгия присутствует в общественном сознании на повседневном уровне, с другой – в официальном политическом дискурсе как элемент идеологической практики. С. Бойм выделяла ностальгические мотивы двух типов: реставрирующую и рефлексивную ностальгии. Она отмечала, что реставрирующая ностальгия проявляется в реконструкции прошлого, рефлексивная реализуется в эмоциональном и мысленном возвращении к прошедшей эпохе.

Рефлексивная ностальгия не пытается восстановить утраченное мифологическое прошлое. По словам С. Бойм, она может проявляться в иронической, критической и даже осуждающей манере. Образ прошлого как объекта рефлексивной ностальгии становится материалом для переосмысления и может получать разнообразные трактовки.

Тенденцию к формированию рефлексивной ностальгии мы рассмотрим на примере различных телевизионных проектов, посвященных советской эпохе в целом и завершающему этапу существования СССР. Выбор был обусловлен разной идейной направленностью данных про-

ектов, позволяющей увидеть, что рефлексировавшей ностальгии может быть свойственна как позитивная (снижающая травматический исторический опыт) тональность, так и тональность, концентрирующая внимание на травматическом историческом опыте.

Типичным примером рефлексировавшей ностальгии является проект Л. Парфенова «Намедни. Наша эра». Прежде всего следует обратить внимание на выбранный Л. Парфеновым язык повествования. Материал излагается в легкой, иногда иронической манере. Необходимо отметить, что С. Бойм также называла рефлексировавший тип ностальгии ироническим. Ирония позволяет прорабатывать исторические травмы, снижая их негативное влияние в настоящем и способствуя тем самым более безопасному восприятию прошлого.

Представляет интерес и ракурс рассмотрения знаковых политических событий и персонажей советской эпохи. Взгляд направлен со стороны обывателя, обусловлен его повседневной жизнью. Как замечает по этому поводу Д. В. Блышко, «Каждая серия проекта рассказывает об одном из годов описываемой эпохи, о главных политических, экономических, спортивных событиях в жизни страны, тенденциях моды – всем том, что должно было попадать в поле зрения обывателей...» [3, с. 126]. Данные особенности создают эффект вовлеченности и причастности зрителя к описываемым событиям. Образ СССР в проектах Л. Парфенова сформирован с точки зрения «простого» советского человека. При этом подчеркивается влияние советской эпохи на современность. Об этом свидетельствует заглавный слоган проекта «События, люди, явления, определившие образ жизни. То, без чего нас невозможно представить, ещё труднее – понять».

В качестве еще одного примера можно привести цикл документальных передач «Исторические хроники с Николаем Сванидзе». В отличие от проекта Л. Парфенова, передачам Н. Сванидзе свойствен серьезный тон изложения материала. Каждая серия цикла посвящена событиям одного года и имеет главного героя – политика или общественного деятеля. Акцент делается на ключевых исторических событиях и персонажах. При этом советские обыватели смещены на периферию внимания. Подобная особенность подачи материала отвечает серьезному, не развлекательному тону проекта.

В данных проектах события советской эпохи рассматриваются под разными углами зрения, но тем не менее оба проекта можно отнести к рефлексировающему типу ностальгии. Рассматри-

вая советскую эпоху (на государственном или повседневном уровне), оба проекта пытаются выявить предпосылки формирования советской идентичности и степень ее проявленности в современном общественном сознании.

Важно отметить появление и активное распространение на российском телевидении темы распада СССР. В 2013 г. на телеканале Россия 24 вышел многосерийный документальный телепроект Д. Киселева «СССР. Крушение». Проект формирует образ СССР как сильного государства с мощной армией, развитой экономикой и огромным мировым влиянием. Его распад в проекте Д. Киселева трактуется как историческая катастрофа, произошедшая в результате деятельности враждебных внутренних и внешних сил.

В том же году на телеканале НТВ был реализован проект А. Пивоварова «Гибель империи. Почему развалился СССР». Тон проекта А. Пивоварова отличается от тона проекта Д. Киселева. Процесс распада СССР в трактовке А. Пивоварова стал следствием комплекса различных внутренних проблем, главная из которых заключалась в некомпетентности советской политической элиты.

Помимо упомянутых телепроектов, тема распада СССР поднималась в телепередачах В. Соловьева, А. Караулова, А. Пушкина и др. А. А. Линченко, анализируя массив телепередач, посвященных распаду СССР, приходит к выводу о наличии у них общей идейной направленности, которую он раскрывает с помощью понятия «культурная травма». Относительно смыслового наполнения телепроектов подобного рода исследователь отмечает, что «особенности интерпретации событий, связанных с распадом СССР, в данных проектах способствуют скорее воспроизводству травматического исторического опыта, чем его преодолению и рационализации» [4, с. 119–120]. Независимо от того, какие факторы приводятся в качестве причин крушения СССР, сам факт его крушения интерпретируется как катастрофическое событие, как утрата великой страны. Рефлектирующая ностальгия в данном случае проявляется в травмирующем восприятии распада СССР.

Таким образом, в современной России для медиапрактики характерен рефлексировавший тип ностальгии. Советская эпоха в телевизионных медиапроектах, несмотря на обозначенные выше различия, преподносится как период с неоднозначной и сложной, но, бесспорно, великой историей. При этом подчеркивается огромное влияние советской эпохи на современность.

Реставрирующая ностальгия пытается восстановить утраченное мифологическое про-

шное. Под мифологическим прошлым в данном случае подразумеваются мифологические и символические конструкты, репрезентующие образ прошлого в современных реалиях. Это идеализированный образ, чье смысловое наполнение зависит от современной конъюнктуры. Реставрирующий тип ностальгии характерен для политической практики.

Признаки реставрирующей ностальгии становятся заметны уже в середине 1990-х гг. Однако данный тип ностальгии характерен лишь для части общества, а не для новой политической элиты, проводившей политику десоветизации. Отказ от советского прошлого и установление символической преемственности с дореволюционной Россией для политической элиты 1990-х гг. стали важными элементами легитимации. Данная тенденция проявилась в идеализации и романтизации дореволюционной России и, наоборот, – критике советского социально-политического устройства. Однако в условиях утраты устоявшегося и привычного образа повседневной жизни, кардинальной смены духовно-нравственных ориентиров, экономической и политической нестабильности у значительной части населения усиливается рост ностальгии по советской эпохе.

С приходом к власти В. В. Путина российская мифотворческая практика начинает все активнее обращаться к советскому периоду истории. К примеру, Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнева выделяют три этапа в отношении к СССР. Первый этап – 1990-е гг. Как замечают исследователи, «в этот период не только представители власти и различных демократических партий и движений, но и обычные граждане с большим энтузиазмом стремились уничтожить все, напоминавшее об СССР...» [5, с. 28–29]. Второй этап связан с началом 2000-х гг. и характеризуется, по мысли авторов, «фрагментарным интересом» к советскому прошлому. В 2010-х гг. наступает третий этап, связанный с «системно-функциональной актуализацией» символов и образов советской истории.

Одним из первых шагов к включению советского наследия в социально-политическую и мифотворческую практику стало принятие в 2000 г. нового гимна России, сохранившего мелодию гимна СССР. То есть в начале 2000-х г. для новой властной элиты характерно стремление выстроить единую непрерывную линию исторического развития России. Как замечают по этому поводу российские исследователи, «смысловым стержнем нового официального нарратива стала проецируемая на всю “тысячелетнюю историю” России идея великодержавности» [6, с. 133].

В дальнейшем происходит еще более активное обращение к советскому периоду, особенно к Великой Отечественной войне, которая для современной России стала одним из самых значимых символов. Как замечает по этому поводу Н. Копосов, «миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России» [7, с. 163]. Идеологическим основанием современной России как великого государства становится именно Великая Отечественная война.

Посредством внедрения данного мифа политическая элита решает ряд практических задач. Помимо формирования чувства идентичности, этот ностальгический миф способствует сплоченности и социальной мобилизации. Р. Э. Бараш замечает, что в условиях возврата к политике изоляционизма и конфронтации со странами Запада ностальгический военный миф используется не только для легитимации нового политического курса, но «и для социально-политической “вертикализации” общества» [8, с. 137].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов. Прежде всего необходимо отметить, что в современной российской мифотворческой практике образы, связанные с советской эпохой, занимают одно из центральных мест. Специфику влияния образов советского прошлого можно раскрыть посредством социального феномена ностальгии.

Для политической практики характерен реставрирующий тип ностальгии (включение образов и символов советской истории в политический дискурс). Для политической практики реставрирующие ностальгические мифы являются одним из системообразующих элементов, выполняющих функции идеологической основы политической системы. Медийной практике в большей степени свойственен рефлексивный тип ностальгии. Советская эпоха предстает в медиасфере как неоднозначный, но великий период российской истории, во многом предопределивший современные российские реалии.

Описание современной мифотворческой практики с помощью концепта ностальгии позволяет по-новому взглянуть на политическую и медийную сферы и выявить свойственные им основные тренды. Актуализация и присутствие образов советского прошлого в политической и медийной практике свидетельствуют о наличии непроработанных исторических травм, связанных с распадом СССР и крушением всего проекта построения коммунистического государства.

Кроме того, активное обращение к образам советской эпохи свидетельствует о духовном кризисе, о попытке обрести духовную, идейную и ценностную опору в советском прошлом.

Практическая значимость изучения специфики мифотворческой практики заключается в получении действенного инструментария для преодоления исторических травм и кризисных явлений. Миф может выполнять как положительные функции (проработка исторических травм, формирование смысловых и ценностных ориентиров), так и негативные (воспроизводство и усиление травматического исторического опыта). В этой связи ностальгические мифы по советскому прошлому могут стать действенным способом проработки травмирующих исторических событий и их преодоления, а также воспроизводства и трансляции положительных мобилизирующих образов прошлого.

Список литературы

1. Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 348 с.
2. Бойм С. Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2013. № 3. С. 116–132.
3. Блышко Д. В. Социальная структура общества позднего социализма в российских документальных телепроектах: герои и обыватели // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 124–128.
4. Линченко А. А. «Распад СССР»: этапы и стратегии конструирования культурной травмы в медийном дискурсе современной России // Социодинамика. 2019. № 1. С. 108–121.
5. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 25–39.
6. Ефременко Д. В., Малинова О. Ю., Миллер А. И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140.
7. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
8. Бараш Р. Э. О некоторых причинах «советской» ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 4. С.124–151.

References

1. Batalov E. Ya. *Russkaya ideya i amerikanskaya mehta* [The Russian Idea and the American Dream]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2009. 348 p. (in Russian).
2. Boym S. The Future of nostalgia. *Neprikosnovennyuy zapas* [NZ: Debates on Politics and Culture], 2013, no. 3, pp. 116–132 (in Russian).
3. Blyshko D. V. The Social structure of late socialist society in Russian documentary television projects: Heroes and philistines. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 4, pp. 124–128 (in Russian).
4. Linchenko A. A. "The collapse of the USSR": Stages and strategies of constructing cultural trauma in the media discourse of modern Russia. *Sotsiodinamika* [Sotsiodynamics], 2019, no. 1, pp. 108–121 (in Russian).
5. Evgeneva T. V., Selezneva A. V. The soviet past in the value and image-symbolic space of Russian identity. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Policy Studies], 2016, no. 3, pp. 25–39 (in Russian).
6. Efremenko D. V., Malinova O. Yu., Miller A. I. The politics of memory and historical science. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 2018, no. 5, pp. 128–140 (in Russian).
7. Kuposov N. *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [Strict Regime Memory: History and Politics in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 320 p. (in Russian).
8. Barash R. E. On some causes of "Soviet" nostalgia and peculiarities of the historical memory of the Russians of the Soviet period. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 2017, no. 4, pp. 124–151 (in Russian).

Поступила в редакцию 28.09.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 28.09.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 11.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 40–44

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 40–44

<https://phpp.sgu.ru>

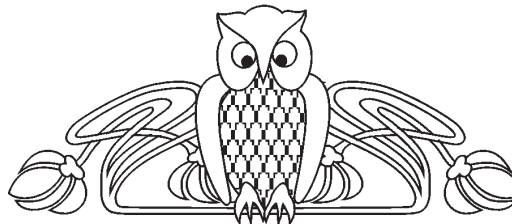
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-40-44>, EDN: RAMYMV

Научная статья

УДК 101.1:316

Диалектика платформизации

М. А. Шаткин

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Шаткин Максим Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальной политики, maximshatkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8138-6819>

Аннотация. Введение. В настоящей статье проведен анализ феномена платформизации с помощью диалектического метода. **Теоретический анализ.** Предпосылкой платформизации служит тождество идеи и бизнес-модели, а также ценности и стоимости. Исходной точкой движения идеи платформизации является запрос (субъекта к платформе и обратно), неразрывно связанный со своей противоположностью – доступом. Синтезом запроса и доступа выступает соблазн как призыв совершать запросы для получения доступа к благам, которые на деле оказываются мнимыми. Раскрытая реальность соблазна, стремящегося к гарантированности и предсказуемости результатов, охватывается понятием «надзор». Надзор реализуется в количественном анализе поведения субъекта для исчисления вероятности его поведения и увеличения желаемой вероятности через иммерсивность, позволяющую собирать максимальное количество данных, и обучение. Для субъекта обучение является требованием постоянного освоения новых моделей поведения и ценностью без стоимости, т. е. формой отчуждения субъекта от общественного блага. Для платформ обучение означает обретение данными в-себе-и-для-себя-бытия в машинном интеллекте. **Заключение.** Машинный интеллект сегодня является незавершенным этапом платформизации без выраженных внутренних моментов, поэтому диалектический анализ должен остановиться на этом этапе.

Ключевые слова: диалектический метод, субъект, запрос, соблазн, надзор, обучение, машинный интеллект

Для цитирования: Шаткин М. А. Диалектика платформизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 40–44. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-40-44>, EDN: RAMYMV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The dialectics of platformization

M. A. Shatkin

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Maxim A. Shatkin, maximshatkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8138-6819>

Abstract. Introduction. In the presented article the analysis of the phenomenon of platformization with the use of the dialectical method was carried out. **Theoretical analysis.** The premise of platformization is the identity of the idea and the business model, as well as value and cost. The starting point for the movement of the idea of platformization is the request (of the subject to the platform and back), inseparably connected with its opposite – the access. The synthesis of request and access is seduction as an appeal to make requests to gain access to benefits which in fact turn out to be imaginary. The revealed reality of seduction, which seeks guaranteed and predictable results, is grasped by the notion of surveillance. Surveillance is implemented in the quantitative analysis of the subject's behavior to calculate the probability of his behavior and to increase it through immersiveness, which allows to collect as much data as possible, and learning. For a subject, learning is a requirement for the constant acquisition of new behavior patterns and is a value without cost, i.e., a form of alienation of the subject from public good. For platforms, learning refers to the acquisition of data-in-themselves-and-for-themselves-being in machine intelligence. **Conclusion.** Machine intelligence today is an incomplete stage of platformization without pronounced internal moments, so the dialectical analysis should stop at this stage.

Keywords: dialectical method, subject, request, seduction, surveillance, learning, machine intelligence

For citation: Shatkin M. A. The dialectics of platformization. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 40–44 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-40-44>, EDN: RAMYMV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Динамический характер мира, выразившийся в состоянии крайней неустойчивости казавшихся еще в середине XX в. незыблемыми институтами – социального государства, традиционной семьи, академической науки – стал для человеческого духа вызовом, ответом на который явилась попытка скрепления разъединяющегося мира всепроникающими цифровыми платформами. Эта попытка, сравнимая со стремлением удержать облаками расходящиеся континенты, тем не менее обусловила трансформацию онтологических и эпистемологических оснований социальной реальности, а именно принятие в качестве исходной предпосылки тождества идеи (смысла) и бизнес-модели, а также ценности (value) и стоимости (value). Движение мысли, схватывающей идею в понятие, к устойчивому значению и знанию приняло форму движения вдоль цепочки создания ценности (стоимости), где начальным и конечным пунктом движения является бизнес-модель как положенная (в форме данных [1, р. 2]) идея. Во все возрастающем объеме эта реальность опосредуется реальностью абсолютной (т. е. включающей и снимающей другие) платформенной бизнес-модели, предлагающей вместе программные инструменты, цифровую инфраструктуру, разнообразные услуги по доступу к данным, делающим возможными иные бизнес-модели, и получение ренты с данных об активности пользователей. Соответственно, осмысление социальной реальности означает исследование логики платформизации, под которой понимается подчинение внутренней логики социальных феноменов логике цифровых платформ. В условиях расширяющейся вселенной образов жизни, социальных практик и конфликтующих взглядов платформизация стала обещанием интеграции социальной реальности в рамках идеальной Платформы как Единого, уравнивающего раздробляющуюся и неустойчивую социальную реальность.

Тождество идеи и бизнес-модели, требующее в качестве результата создание измеримой ценности (стоимости), вынуждает исследователей «платформенного общества» [2, р. 2–3, 8, 21] представлять «конкретные результаты» своих штудий, вследствие чего диалектический характер платформизации как развертывание лежащей в ее основе идеи остается непознанным. В связи с этим требуется обращение к диалектическому методу, в котором углубление исходной идеи платформизации и наполнение ее содержанием способны представить «результаты», текущие

которых может не удовлетворить неолиберальную науку, но сделает шаг к раскрытию явления платформизации мышлению.

Цель настоящей работы – познание этапов движения идеи платформизации с помощью диалектического метода, опирающегося на диалектику Г. В. Ф. Гегеля. В тексте индивидуальное человеческое сознание именуется «субъектом», когда оно рассматривается в-себе и для-себя, и «пользователем» (также и во множественном числе), когда оно рассматривается как существующее для платформы. Поскольку в тексте исследуются диалектически необходимые взаимодействия субъекта с цифровыми платформами, в ходе которых происходит движение идеи платформизации, термин «платформа», отражающий случайное воплощение идеи платформизации, может употребляться как в единственном, так и множественном числе без внутреннего различия.

Теоретический анализ

Чувственное сознание и непосредственная данность платформизации

Комплексный программно-физический характер платформ, их сложная феноменальность как экономических и социальных агентов и институтов, многообразное влияние на повседневный мир пользователей часто становятся камнем преткновения для определения исходной точки анализа платформизации. В итоге распутывание клубка внутренних противоречий платформизации превращается в поиск случайного конца нити, следование за которым приводит к столь же случайным результатам (могущим тем не менее обладать несомненной научной достоверностью). Такие исследования закономерно приводят к понятию платформизации как чего-то иного, нежели проявления человеческого духа, который в тождестве идеи и бизнес-модели противопоставил себя самому себе не только как бескорыстному познанию, но и бесцельной и неутомимой активности, характеризующей поведение современного пользователя медиа-платформ. Диалектическое рассмотрение необходимо опирается на чувственное сознание, или осмысленное непосредственное восприятие и взаимодействие субъективного духа с непосредственной чувственной данностью платформы, а именно ее интерфейса в том или ином цифровом устройстве. «Дух» означает в данном случае наличие желаний и устремлений, выходящих за пределы бессмысленного «тапанья» (tapping) по экрану устройства. Эти устремления приводят к вызову чувственной данности плат-

формы – ее интерфейса – по *запросу* субъекта-пользователя. Субъект запрашивает интерфейс платформы, чтобы сделать через этот интерфейс, открывающий некие возможности, свои последующие запросы, отвечающие им. Сами по себе интерфейс и возможности не даны постоянно и непосредственно, хотя могут периодически присылать уведомления, запрашивая тем самым внимание субъекта.

Понимание центральности *запроса* для платформизации отражено в идее и термине «экономика по запросу» (on-demand economy [3, р. 327]), при том, что сама по себе идея запроса не выражает какую-либо бизнес-идею, т. е. не имеет реальности. Запрос выступает наиболее абстрактным, бедным по своему содержанию действием, поэтому он может быть признан в качестве исходной точки движения идеи платформизации, содержанием которой является весь пройденный ею путь. Запросами охватывается вызов интерфейса, отдельных элементов и символов, отправка сообщений и оплата товаров. Запрос не является выражением сущностных потребностей субъекта и может одинаково служить их удовлетворению либо игнорированию. В то же время запрос делает необходимой платформу как инструмент ответа на него, а пустота запроса влечет за собой развертывание идеи платформизации, стремящейся заполнить эту пустоту все более усложняющимся содержанием.

Движение идеи платформизации

Первым различием запроса внутри себя является различие запроса субъекта к платформе и запроса платформы к субъекту. В первом случае запрос предстает программно-обязательным к исполнению платформой, во втором случае субъект свободен не только в своей реакции на запрос (ответ или игнорирование), но и в установлении ограничений доступа платформы к своему вниманию. Однако это различие при близком рассмотрении оказывается мнимым. Платформа делает возможным запрос субъекта только по отношению к тому, что положено в качестве доступного. Инструменты определения степеней доступности постоянно совершенствуются, а субъект, отказавшийся от уведомлений платформы, в конечном итоге либо соглашается с получением «важных» уведомлений (тем самым предоставляя платформе доступ к определению того, что является для него важным), либо становится рабом страха пропустить необходимое сообщение или новинку и вынужден увеличивать число своих запросов. Таким образом, *запрос* есть реализация предоставленных *доступом* возможностей, которые обратно становятся ре-

альными при осуществлении запроса. Субъект делает запрос, потому что у него есть возможность делать это.

Чтобы запрос осуществился, доступ должен быть предложен, притом как обладающий ценностью. Платформы обещают открыть доступ не только к внешним возможностям (выгодным покупкам, интересным знакомствам, новым впечатлениям, социальному признанию), но и к внутренним, в противном случае оставшимся бы нереализованными (художественные и танцевальные способности, таланты презентатора, бизнес-аналитика, толкователя карт Таро и т.д.). «Нереализованность» в условиях платформизации означает «немонетизированность», поскольку реальна только та идея, которая является бизнес-моделью. При этом гарантии реализации (монетизации) этих талантов не даются: платформы, как правило, дают только *возможности*. Призрачность открываемого в доступе ценного и зачастую недостижимость раскрываемых перспектив являются реальностью синтеза запроса и доступа. Понятие, которое схватывает эту реальность, выражается термином «соблазн».

Идея иллюзорности мира, общества и его отдельных фрагментов столь долго развивалась в философии (и других науках) и искусстве, что стала частью здравого смысла, т. е. *пустой* идеей. Последнее подтверждается в двояком смысле. Идеологии, религии, корпорации, политические силы попеременно соблазняют общество картинками несбывшегося прошлого, великого будущего и справедливого настоящего, а индустрия иллюзий и соблазнов стала одной из распространенных бизнес-моделей, укоренившихся в платформенной экономике. Однако соблазн как один из этапов движения идеи платформизации не сводится к идее соблазна в обыденном смысле. Содержащий в себе в качестве моментов запрос и доступ соблазн имеет две стороны. Для субъекта соблазн предстает как запрос на его согласие совершать запросы, а также предоставлять платформе доступ к данным об этих запросах, чтобы платформа могла соблазнять пользователя выбранным им способом [4, р. 11]. Таким образом, соблазн выводит субъекта и платформу за пределы замкнутого круга запроса и доступа, т. е. снимает их в качестве непосредственных. Через платформу все запросы субъекта приобретают ценность (стоимость) в качестве данных о его поведении. Монетизация этих данных является одним из столпов платформенной бизнес-модели, но валоризация (придание стоимости) запросам выходит за пределы монетизации. Ценность (стоимость) данных о запросах является един-

ственной ценностью, которую субъект обретает в платформе, хотя эта ценность на данном этапе остается для него нераскрытой, и субъект готов пожертвовать своей приватностью за чашку кофе [5, с. 20]. Совокупность данных о запросах, т. е. следов действий субъекта, формирует контур желаний и потребностей субъекта и тем самым его образ, доступный для разных бизнес-моделей, но не самого субъекта. Не видя свой образ в платформе, субъект начинает возмущаться эксплуатацией данных о себе и обманом со стороны платформ, которые предлагают ему ложный соблазн – реализацию желаний вместо узнавания себя в своих собственных следах.

Для платформы соблазн проявляется как возможность разными способами извлекать ренту (монетизировать) из данных о запросах пользователей. Однако абстрактность, случайность и пустота запросов самих по себе, не являющихся проявлением желаний и потребностей субъекта, в результате дает столь же случайную и пустую картину поведения субъекта. В ответ на доступ к инструментам и информации субъект дает свое *согласие* на доступ платформы к бесцельным блужданиям, праздным поискам и немонетизируемому интересу. История падения платформ и кладбища закрытых проектов и инструментов рассказывает о ставших губительными нереализованных соблазнах, основанных на стремлении увеличить запросы как таковые. Чтобы достичь реальности, соблазн должен снять запросы как нечто существенное, выражающее желания, потребности и интересы пользователей. Соблазн очищает себя от пустоты запросов, лишая с помощью алгоритмов поведение пользователей немонетизируемой непредсказуемости. Соблазн больше не задает вопросов и не предлагает искусительное, он создает контролируемую реальность; иначе говоря, в своей раскрытой реальности соблазн может быть понятийно схвачен как *надзор* [6, р. 4].

Надзор содержит в себе в качестве снятых соблазн и согласие, произвольная и непредсказуемая природа которых уступает место требованиям обязательности и гарантированности. Количественное расширение спектра данных, собираемых о пользователях в условиях цифровизации, приводит не к изменению качества этих данных, а к расширению сфер, доступных количественному анализу. Ключевой сферой здесь является будущее поведение индивида, которому надзор должен дать вероятностную оценку. Однако бизнес-модель, достигнув этапа надзора, уже не может удовлетвориться только оценкой вероятности или вероятности только как вероятности и требует гарантированного уве-

личения вероятности поведения, приносящего прибыль, и уменьшение вероятности обратного.

Соблазн сохраняется в надзоре как *иммерсивность*, т. е. погружение пользователя в принципиально новый опыт через воздействие на все органы чувств, что означает сбор и обработку данных о поведении этих органов (а не пользователя). Данные перестают быть конкретными («приватными») данными пользователя, а становятся абстрактными данными, т. е. данными как данными, целью обработки которых является сама эта обработка для получения новых данных, т. е. *обучение*.

Со стороны субъекта согласие на предъявляемые платформами условия взаимодействия с ними означает согласие на алгоритмическое регулирование поведения субъекта и безоговорочную готовность менять свой опыт, свое поведение и свои суждения по имеющему безусловную обязательность запросу платформы. Это согласие осмысленно только в том случае, если субъект входит в платформенный мир не с целью реализовать свои потребности, а с целью приспособить их не столько к озвученным требованиям, сколько к предлагаемой платформами новой реальности. Погоня за новым опытом, часто провозглашаемым платформами в качестве целокупности ценности *и стоимости* для себя и *только* ценности для пользователей, означает, что согласие субъекта подразумевает согласие получать и адаптироваться к постоянно меняющемуся новому опыту, т. е. обучаться новым моделям поведения.

Соответственно, раскрытая реальность надзора может быть схвачена как *обучение*, которое имеет двоякий характер. Для субъекта обучение принимает характер дурной бесконечности «пожизненного обучения», в котором субъект бесконечно стремится за конкретным результатом – конкретным практическим знанием, но не достигает его, поскольку для него новый опыт – это только ценность без получаемой стоимости. Обучение как бесконечное откладывание получения стоимости «на потом» является, с одной стороны, формой отчуждения субъекта от получения доли общественной стоимости, а с другой стороны, снятым надзором, поскольку наиболее эффективной формой контроля служит погружение субъекта в бессмысленную деятельность.

Для платформы отчуждение пользователей от стоимости означает отчуждение платформенной бизнес-модели от пользователей. Стоимость создается не запросами пользователей, а данными, которые представляют не следы, а самих себя и существуют для того, чтобы быть обработанными самими собой, где обработка

означает познание и обучение. Другими словами, данные обретают в-себе-и-для-себя бытие, конкретизируемое в обучающемся машинном интеллекте. Для машинного интеллекта надзор содержится в снятом виде, так как на сегодняшний день он обучается пассивно на основе предлагаемых данных и априорной схеме категорий (inductive bias). Иммерсивность для машинного интеллекта сохраняется как снятая в том смысле, что для этого интеллекта доступно максимальное погружение в данные, которое недоступно человеку, но с учетом тождественной природы машинного интеллекта и этих данных различие между погружающимся и материалом погружения приобретает текучий характер.

На сегодня машинный интеллект является незавершенным шагом движения идеи платформизации, поэтому выделить в нем сформированные внутренние моменты не представляется возможным.

Заключение

Как неоднократно отмечалось в истории философии, диалектический метод не конструирует или не концептуализирует реальность, а описывает ее такой, какая она есть, понимая ее развитие через рассмотрение проявленных моментов. Это приводит к ограниченным прогностическим возможностям диалектики, что уже показала история марксизма. Диалектика не футурология и не фантастика и может описывать только те моменты, которые показали себя в течение уходящего дня. Это обуславливает финальную точку диалектического движения духа, которая тождественна исходной более, чем принято считать: это здесь и сейчас, наполненные прошлым, но от этого не перестающие быть текучими и ускользающими. И только усталость от пройденного пути может заставить объявить этот этап движения конечным, но и мысленное продление этого пути будет по своей основательности равняться сновидению.

Данное обстоятельство обуславливает конечную – на сейчас – точку диалектического исследования платформизации. Машинный интеллект находится в своем становлении. Он не стал раскрытой реальностью, которая могла бы быть схвачена новым понятием. Поэтому

дальнейшее исследование движения идеи платформизации может быть философским, но не будет диалектическим.

Список литературы

1. Sadowski J. When data is capital: Datafication, accumulation, and extraction // *Big Data & Society*. 2019. Vol. 6, iss. 1. P. 20–54. <http://dx.doi.org/10.1177/2053951718820549>
2. Van Dijck J., Poell T., De Waal M. *The platform society: Public values in a connective world*. Oxford University Press, 2018. 240 p.
3. Means A. J. Platform learning and on-demand labor // *Learning, Media and Technology*. 2018. Vol. 43, iss. 3. P. 326–338. <https://doi.org/10.1080/17439884.2018.1504792>
4. Chapman C., Chua W. F., Fiedler T. Seduction as control: Gamification at Foursquare // *Management Accounting Research*. 2021. Vol. 53. Article number 100765. P. 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.mar.2021.100765>
5. Орлов М. О., Шаткин М. А. Приватность в условиях цифровизации: правовые и экономические аспекты // *Социологические исследования*. 2019. № 4. С. 15–26. <https://doi.org/10.31857/S013216250004583-4>
6. Zuboff S. *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. New York : Public Affairs, 2019. 704 p.

References

1. Sadowski J. When data is capital: Datafication, accumulation, and extraction. *Big Data & Society*, 2019, vol. 6, iss. 1, pp. 20–54. <http://dx.doi.org/10.1177/2053951718820549>
2. Van Dijck J., Poell T., De Waal M. *The platform society: Public values in a connective world*. Oxford University Press, 2018. 240 p.
3. Means A. J. Platform learning and on-demand labor. *Learning, Media and Technology*, 2018, vol. 43, iss. 3, pp. 326–338. <https://doi.org/10.1080/17439884.2018.1504792>
4. Chapman C., Chua W. F., Fiedler T. Seduction as control: Gamification at Foursquare. *Management Accounting Research*, 2021, vol. 53, Article no. 100765, pp. 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.mar.2021.100765>
5. Orlov M. O., Shatkin M. A. Socio-legal and Socio-economic Aspects of Privacy. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2019, no. 4, pp. 15–26. <https://doi.org/10.31857/S013216250004583-4>
6. Zuboff S. *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. New York, Public Affairs, 2019. 704 p.

Поступила в редакцию 23.10.2022; одобрена после рецензирования 23.11.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 23.10.2022; approved after reviewing 23.11.2022; accepted for publication 11.01.2023

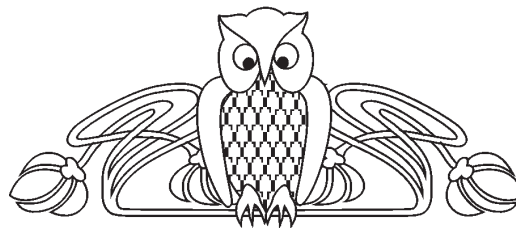

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 45–49
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 45–49
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-45-49>, EDN: QHEZII

Научная статья
УДК 165.5+248.2

Религиозно-мистический опыт и психоаналитическая традиция

М. В. Шугуров¹✉, С. И. Мозжилин²

¹Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410028, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шугуров Марк Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, shugurovs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3604-3961>

Мозжилин Сергей Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, mozhilinsi@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-3252>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается специфика подхода к религиозно-мистическому опыту в психоаналитической традиции с точки зрения выявления степени его междисциплинарности. **Теоретический анализ.** Используя методы критической философской рефлексии и диалектической логики, опираясь на принцип развития, авторы анализируют возникновение фигуры «психоаналитического мистика», идущего в направлении преодоления антитезы научности психоаналитической теории и ненаучности религиозно-мистических феноменов. Особое внимание концентрируется на факторах междисциплинарного взаимодействия, которые способствовали содержательному обновлению психоанализа. **Заключение.** Логика исследования позволила сделать вывод о том, что междисциплинарность проявилась не просто в заимствовании, а в прорастании в рамках теории и практики психоанализа религиозно-мистических, а наряду с ними и эзотерических элементов духовной практики.

Ключевые слова: фрейдизм, мистика, наука, религия, междисциплинарный синтез, религиоведение, философия религии

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44095 («Многообразие теологических, философских и научных подходов к постижению феномена христианского религиозно-мистического опыта: горизонты и пределы междисциплинарного синтеза»).

Для цитирования: Шугуров М. В., Мозжилин С. И. Религиозно-мистический опыт и психоаналитическая традиция // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 45–49. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-45-49>, EDN: QHEZII

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Religious-mystical experience and the psychoanalytic tradition

M. V. Shugurov¹✉, S. I. Mozhilin²

Saratov State Law Academy, 1 Volskay St., Saratov 410056, Russia

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Mark V. Shugurov, shugurovs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3604-3961>

Sergey I. Mozhilin, mozhilinsi@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-3252>

Abstract. Introduction. The purpose of the article is to consider the specifics of the approach to religious and mystical experience in the psychoanalytic tradition from the point of view of revealing the degree of its interdisciplinarity. **Theoretical analysis.** Using the methods of critical philosophical reflection and dialectical logic, as well as relying on the principle of development, the authors analyze the emergence of the figure of a “psychoanalytic mystic”, going in the direction of overcoming the antithesis of the scientific nature of psychoanalytic theory and the non-scientific nature of religious and mystical phenomena. At the same time, special attention is focused on the factors of interdisciplinary interaction that contributed to the meaningful renewal of psychoanalysis. **Conclusion.** The logic of the study led to the conclusion that interdisciplinarity manifested itself not simply in borrowing, but in the germination of religious and mystical, and along with them, esoteric elements of spiritual practice within the framework of theory and practice of psychoanalysis.

Keywords: Freudianism, mysticism, science, religion, interdisciplinary synthesis, religious studies, philosophy of religion

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research project No. 21-011-44095 (“The variety of theological, philosophical and scientific approaches to comprehending the phenomenon of Christian religious and mystical experience: horizons and limits of interdisciplinary synthesis”).

For citation: Shugurov M. V., Mozhilin S. I. Religious-mystical experience and the psychoanalytic tradition. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 45–49 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-45-49>, EDN: QHEZII

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Начиная со второй половины XIX в. и заканчивая современной эпохой в масштабном пространстве религиоведческого знания и познания, представленного религиоведением, а также религиозной философией, социологией религии и теологией, прочно утвердился повышенный интерес к феномену мистического опыта в его религиозных и квазирелигиозных формах. Заметное место в этой панораме заняла психология мистического опыта как самостоятельное научное направление, для логики развития которой было характерно движение от редуccionистского подхода, состоявшего в отождествлении мистического опыта исключительно с субъективными переживаниями, в направлении междисциплинарного синтеза и признания его онтологической природы. Интерес к психологии религии в целом и психологии мистического опыта в частности свойствен психоаналитической традиции, содержащей оригинальные философские импликаци. В данной статье предпринят анализ специфики подхода к религиозно-мистическому опыту в психоаналитической традиции с точки зрения выявления степени его междисциплинарности.

Теоретический анализ

В качестве координат исследовательской работы сформулируем вопрос о том, стал ли психоанализ лабораторией поиска новых интерпретационных структур, которые позволили бы с новых позиций осмыслить феномен религиозно-мистического опыта? При ответе на этот вопрос следует признать, что З. Фрейд как родоначальник психоаналитической традиции, который серьезно занимался религиоведческими исследованиями, не стремился к созданию собственной концепции мистического опыта. В целом на мистический опыт им распространялось представление об опыте религиозном. В последнем он усматривал регресс к до-эдиповым стадиям в развитии человеческой психики, а также выражение инфантильной фиксации, перенесенной во взрослую жизнь как отдельным человеком, так и человечеством в целом.

По сути, развивая проекционную теорию Фейербаха, классик психоанализа определял

отношение человека и Бога не более как результат работы человеческой психики, способной генерировать разнообразные «кажимости», в том числе представления о том, что правильное проживание этой жизни – залог получения награды в «иной» жизни. В своей знаменитой работе «Будущее одной иллюзии» (1927) [1] он рассматривал религиозный, равно как и мистический импульсы, в качестве коллективного компульсивного невроза, который коренится в нарциссических потребностях и навязчивом стремлении к исполнению желаний. Отсюда религия представала как попытка овладения чувственным миром, в который помещен человек, посредством мира желаний. А раз религия – это мир иллюзий и навязчивых состояний, то особого значения она не имеет, хотя и выполняет определенные функции. В частности, религия открывает перспективу исполнения желаний, которые вообще не могут быть осуществлены, разве что только с помощью иллюзий. Следовательно, желания исполняются вопреки всякой разумности, что подчас придает им форму бредовых идей. Это находит свое отражение в стремлении воссоздать инфантильную нарциссическую ситуацию, дополненную иллюзией всемогущества.

В итоге разоблачительный пафос З. Фрейда приводил к оппозиции между психоанализом и религиозным мышлением и удалял от контекста аутентичной религиозной интерпретации мистического опыта. Другими словами, о междисциплинарности не могло быть и речи.

Однако был ли З. Фрейд полностью свободным от мистических веяний и не затронутым ими? Более того, был ли сам психоаналитический праксис сугубо рациональной деятельностью, абсолютно свободной от каких бы то ни было мистических аспектов? На первый взгляд, на эти вопросы следует ответить отрицательным образом. Это можно обосновать тем, что З. Фрейд мыслил себя представителем научного разума. В основе его рационалистического подхода к религии лежал отказ от представления о духовном и мистическом содержании индивидуального бессознательного. К тому же, как он полагал, вряд ли целесообразно обращаться к мистике для решения вопросов, возникающих в ходе рационального анализа человеческой психики, не говоря о решении загадок устройства мира.

Ярким примером данной позиции является дискуссия по поводу сущности феномена интуиции, которую мыслитель рассматривал как глубоко бессознательный процесс, имеющий вполне естественные причины. В своем письме Ромену Роллану, как раз увлеченному мистикой, З. Фрейд отмечал, что «мистики ей доверяются, ожидая от нее разрешения мировых загадок; мы же думаем, что она никак не может нам открыть ничего кроме примитивных, близких первичным позывам побуждений и реакций, очень ценных – при правильном понимании – для эмбриологии души, но непригодных для ориентации в чуждом нам внешнем мире» [2, с. 163]. Другими словами, религиозно-мистический опыт – это всего лишь кажущимся образом достигаемое стремление уйти в безопасное место.

Напомним также о том, что Ромен Роллан уже в своем письме к З. Фрейду упоминает о так называемом «океаническом чувстве», суть которого заключается в отсутствии ощутимых пределов и единства со Вселенной. В интерпретации Ролана это «чувство Вечного» суть базовое религиозное чувство, которое независимо от какой-либо институционализированной религии и образует фундамент для всех религий. Это означает, что этот опыт универсален и по-разному проявляется в конкретных системах религиозных верований.

В своей работе «Неудовлетворённость культурой» З. Фрейд утверждал, что данное чувство можно проследить у примитивного Эго младенца, который не имеет представления о «я» и не признает себя отделенным от матери [2, с. 17]. В дополнение к этому он считал, что не может обнаружить в самом себе никаких следов «океанического чувства» как чувства полного единства с миром. Однако из этого не следовало отрицание с его стороны самого факта существования такого опыта. Данное мистическое чувство не соответствовало его пониманию религии, которую он концептуализировал как чувство, исходящее от беспомощности и от нужды, а не от удовлетворения. К тому же З. Фрейд полагал, что у «океанического чувства» отсутствует трансцендентный источник.

Фрейдистская точка зрения на «океаническое чувство» была подвергнута критике. Его обвиняли в редуцировании и обесценивании мистического опыта вследствие усмотрения в последнем регрессии к инфантильному состоянию психики. В дополнение к этому в свете богатства мистического опыта психоаналитическая интерпретация «океанического чувства» кажется достаточно поверхностной, так как, например, в пантеистической мистике проявление этого чувства более чем заметно и приводит к формированию разветвленных пантеистических философских и религиозных учений Востока и Запада. Со своей

же стороны З. Фрейд на основе научного разума стремился преодолеть и религию, и мистику как нечто изначально иллюзорное и препятствующее человеческому взрослению. Отсюда и возникает впечатление о том, что психоанализ и мистицизм, равно как и психоанализ и религия, – вещи, взаимоисключающие друг друга.

Следует признать, что большинство психоаналитиков «первой волны» разделяли антимистическую позицию З. Фрейда или, по крайней мере, стремились придерживаться нейтральной позиции. По их убеждению, иначе и быть не могло: психоанализ связан с наукой, а по этой причине не только способен, но и обязан деконструировать мистический опыт. Такие приверженцы З. Фрейда, как М. Остоу и Б.-А. Шарфенштайн, шли в направлении последовательного развития классического психоаналитического подхода к мистицизму [3].

Однако новое поколение представителей психоанализа пошло по пути смягчения, во-первых, противопоставления религии и науки, а во-вторых, стало плавно отходить от понятия «чистота» психоаналитической практики и ее свободы от элементов мистики. Как показывает анализ научной литературы, вопрос о соотношении мистического и научно-рациональных начал в психоанализе стал подниматься на системной основе уже в начале 60-х гг. XX в. [4, р. 290–293]. Но этим все не закончилось, так как спонтанно вспыхнул замысел «мистического» прочтения З. Фрейда. В качестве результата реализации данного замысла оказалось, что заявленная З. Фрейдом бравурная по своему характеру атеистическая позиция была не последовательной, так как его восприятие религии сквозь призму иудаистского представления о Боге-отце дополнялось серьезной заинтригованностью мистическими моментами.

Полагаем, что «мистическое» прочтение предполагает два смысла. Первый заключается в определении меры интереса Фрейда к мистике и отыскание в его творчестве не только мистических параллелей, но и мистических источников. Второй смысл заключается в целенаправленном стремлении к обнаружению мистических компонентов в самой модели психоаналитического праксиса. Одновременно такое прочтение не оторвано от углубленного взгляда в его личность. Например, из его писем к У. Флиссу можно почерпнуть представление о том, насколько З. Фрейд мог быть суеверным. Более того, подобно А. Эйнштейну, он мог неформально обращаться к Богу, а также использовать мистические образы для символизации творческих процессов в пределах психоаналитического процесса. В частности, он как бы мимоходом написал У. Флиссу, что психоанализ сродни

древним мистериальным обрядам [цит. по: 5, р. 188]. Об увлеченности З. Фрейда мистическими феноменами свидетельствуют специальные исследования. Так, М. Эйген в первой главе своей книги, помимо взглядов классика психоанализа на религию, одновременно анализирует его обращение к мистическому опыту [6, р. 28–35].

Как показали результаты других специальных исследований, фрейдовский психоанализ, несмотря на его торжественный пафос изгнания мистики и религии из жизни человека, включает мистические моменты. В частности, Д. Баканом была предпринята попытка бросить вызов популярному мнению о З. Фрейде как о совершенно светском интеллектуале, воспитанном в современной культуре, а не в еврейских традициях [7, р. 13]. В противоположность этому Н. Бакан утверждает, что «отец психоаналитики» находился под влиянием мистических знаний, представляющих собой антитезу научному методу, он, по-видимому, все же знал и использовал их. В качестве данных знаний Н. Бакан указывает на мистицизм Каббалы. Последующие исследования показали, что лурианская Каббала достаточно «психоаналитична» в своих фундаментальных основаниях. Документально зафиксировано, что З. Фрейд, узнав о лурианской Каббале, воскликнул: «Это золото!» [цит. по: 8, р. 2].

Приведем несколько параллелей. Так, согласно Фрейду развитие личности связано с направлением репродуктивной энергии (либидо). Эта энергия аналогична каббалистическому *Ор Эйн-Соф* (Свету Бесконечности). Она преобразуется в структуры Эго и Суперэго, функция которых заключается в модулировании дальнейших проявлений эманации либидо. Эти структуры во многом подобны *сфиротам* – сосудам для проявления и направления света и энергии воли Бога. Согласно психоанализу они подавляют импульсы бессознательного. Это вполне аналогично *Сутра Ахра* Лурии (Другой стороне). И, наконец, как о том сообщает в своем исследовании К. Даунинг, самыми последними письменными словами Фрейда, нацарапанными за несколько недель до смерти, были: «Мистика – смутное самовосприятие царства вне Я – То [или Оно, Оно]» [9, р. 154]. В этом можно усмотреть признание не только высшей значимости мистики, но и ее онтологического содержания.

В дальнейшем представители психоанализа стали постепенно включать мистические и религиозные моменты в свои поиски существенных аспектов человеческой психики и в состав психотерапевтической практики и научных исследований. Некоторые из них создали собственные концепции феномена мистицизма (М. Милнер, Д. У. Винникотт, В. Р. Бион, Ж. Ла-

кан). В результате заметны не только личностный мистический настрой видных психоаналитиков, но и стремление разработать собственные интерпретационные схемы мистической жизни. Однако их поиск в значительной степени не был синхронизирован с религией как таковой или с той или иной религиозно-мистической традицией. Это позволяет заключить, что они не были склонны ни к универсалистскому, ни к конструктивистскому подходу к религиозной мистике, а стремились к созданию концептуальных очертаний внерелигиозного мистицизма, что привело к выводу о возникновении эзотерического течения в психоаналитической традиции [10, р. 96–97].

Особый случай представляет собой учение М. Эйгена, поднимавшего вопрос о том, что такое психоаналитический мистик. Он полагал, что, во-первых, мистический опыт может стать предметом исследования со стороны мистики. Во-вторых, в психоанализе имеют место элементы мистических практик, а сам психоанализ можно рассматривать как одну из форм молитвы. Более того, в психоаналитической работе есть медитативное измерение. В сущности психоаналитик открыт неизведанному, и даже нерелигиозные аналитики затронуты наличием чего-то священного в их работе. В дополнение к этому в психоанализе как лечении разговорами М. Эйген усматривал отголосок дыхания Бога, т. е. Св. Духа, делающего возможными слова [6, р. 39].

В то же время М. Эйген откровенно указывал на свою приверженность иудаизму и обладание личным мистическим опытом, который коррелирует с иудейским мистицизмом, в частности Каббале. В этом контексте можно полностью согласиться с его мыслью о том, что многие традиционные религиозные формы дают подсказки в отношении тайны, частью которой мы являемся, а поэтому высокомерие – религиозное или психоаналитическое – крайне неуместно. Несмотря на то, что его собственная позиция была им недостаточно отрефлексирована, в ней мы можем все же усмотреть контуры творческих комбинаций, т. е. междисциплинарного синтеза психоанализа и религиозно-мистических традиций. И одновременно с этим в его творчестве заметно стремление к творческому диалогу универсалистского и конструктивистского подходов к религиозной мистике.

Идейная близость к М. Эйгену прослеживается у В. Мейснера, о чем можно судить по работе последнего «Психоанализ и религиозный опыт» [11]. В отличие от классика психоанализа и его ортодоксальных последователей В. Мейснер пошел по пути сближения психоанализа и религии. В результате психоаналитическая концепция обрела новые горизонты интерпретации явлений

религиозного, в том числе мистического опыта, в особенности так называемых переходных состояний. Примером приложения междисциплинарного подхода стала книга В. Мейснера об И. Лойоле [12]. И, наконец, к современному достижению можно отнести работу А. Нэс, в которой ключевые психоаналитические теории представлены с точки зрения проявленности мистического элемента. Автор предлагает интегративную перспективу, признающую «мистическое» как основу аналитического проекта [13, p. 14].

Заключение

В заключение проведенного исследования сформулируем итоговые выводы. Логика развития психоаналитической традиции в XX–XXI вв. характеризуется нарастанием элементов междисциплинарности. Она проявилась не просто в заимствовании, а в проращении в рамках теории и практики психоанализа религиозно-мистических, а наряду с ними и эзотерических элементов духовной практики. В свою очередь это означает содержательную диверсификацию психоаналитической традиции в силу различной природы религиозной мистики и феномена эзотерического мистицизма. Одновременно с этим важным достижением в рамках психоаналитической традиции стало постепенное превращение феномена религиозной мистики в предметное поле специальных исследований с позиций психоаналитического дискурса, что позволяет сделать вывод об интеграции психоаналитической теории в континуум религиозноведческого знания и познания.

Список литературы

1. Фрейд З. Будущее одной иллюзии. М. : Аст, 2011. 256 с.
2. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Фрейд З. Избранное : в 2 кн. М. : Московский рабочий. 1990. Кн. 2. 176 с.
3. Ostow M., Scharfenstein B.-A. The need to believe. The psychology of religion. New York: International Universities Press, 1954. 162 p.
4. Burchard E. M. L. Mystical and scientific aspects of the psychoanalytic theories of Freud, Adler, and Jung // Psychotherapy. 1960. Vol. 14, iss. 2. P. 289–307.
5. Masson J. F. (translator & editor). The complete letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess, 1887–1904. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1985. 544 p.
6. Eigen M. The psychoanalytic mystic. London ; New York : Free Association Books, 1998. 220 p.
7. Bakan D. Sigmund Freud and the Jewish mystical tradition. New York : Dover Publications, 2004. 352 p.
8. Drob S. L. “This is gold”: Freud, Psychotherapy and the Lurianic Kabbalah (20 p.). URL: <http://www.newkabbalah.com/kabpsy.pdf> (дата обращения: 02.12.2022).

9. Downing C. Sigmund Freud and Jewish mysticism: An exploration // Depth psychology and mysticism. Interdisciplinary approaches to the study of mysticism. Eds. T. Cattoi, D. Odorisio. London : Palgrave Macmillan, 2018. P. 151–166.
10. Boyle J. Esoteric traces in contemporary psychoanalysis // American Imago. 2016. Vol. 73, № 1. P. 95–119.
11. Meissner W. W. Psychoanalysis and religious experience. New Haven, London : Yale University Press, 2009. 276 p.
12. Meissner W. W. Ignatius of Loyola. The psychology of a saint. New Haven ; London : Yale University Press, 1992. 510 p.
13. Nes A. B. Psychoanalysis, mysticism and the problem of epistemology. Defining the indefinable. London : Routledge, 2021. 352 p.

References

1. Frejd Z. *Budushchee odnoj illyuzii* [The Future of One Illusion]. Moscow, Ast Publ., 2011. 256 p. (in Russian).
2. Frejd Z. Dissatisfaction with culture. In: Freud Z. *Izbrannoe* [Selected Works: in 2 books]. Moscow, Moskovskij rabochij Publ., 1990, book 2. 176 p. (in Russian).
3. Ostow M., Scharfenstein B.-A. *The need to believe. The psychology of religion*. New York, International Universities Press, 1954. 162 p.
4. Burchard E. M. L. Mystical and scientific aspects of the psychoanalytic theories of Freud, Adler, and Jung. *Psychotherapy*, 1960, vol. 14, iss. 2, pp. 289–307.
5. Masson J. F. (translator & editor). *The complete letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess, 1887–1904*. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1985. 544 p.
6. Eigen M. *The psychoanalytic mystic*. London, New York, Free Association Books, 1998. 220 p.
7. Bakan D. *Sigmund Freud and the Jewish mystical tradition*. New York, Dover Publications, 2004. 352 p.
8. Drob S. L. “This is gold”: Freud, Psychotherapy and the Lurianic Kabbalah (20 p.). Available at: <http://www.newkabbalah.com/kabpsy.pdf> (accessed 2 December 2022).
9. Downing C. Sigmund Freud and Jewish mysticism: An exploration. In: Cattoi T., Odorisio D., eds. *Depth psychology and mysticism. Interdisciplinary approaches to the study of mysticism*. London, Palgrave Macmillan, 2018. pp. 151–166.
10. Boyle J. Esoteric traces in contemporary psychoanalysis. *American Imago*, 2016, vol. 73, no. 1, pp. 95–119.
11. Meissner W. W. *Psychoanalysis and religious experience*. New Haven, London, Yale University Press, 2009. 276 p.
12. Meissner W. W. *Ignatius of Loyola. The psychology of a saint*. New Haven, London, Yale University Press, 1992. 510 p.
13. Nes A. B. *Psychoanalysis, mysticism and the problem of epistemology. Defining the indefinable*. London, Routledge, 2021. 352 p.

Поступила в редакцию 07.12.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 07.12.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 11.01.2023

ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 50–55

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 50–55
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-50-55>

EDN: PWBWHN

Научная статья
УДК 159.9.35.08

Рефлексивное представление о родительских отношениях как детерминанта темпоральности взрослого

С. В. Духновский , А. В. Заикин

Югорский государственный университет, Россия, 628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16

Духновский Сергей Витальевич, доктор психологических наук, профессор Высшей психолого-педагогической школы, dukhnovskysv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>

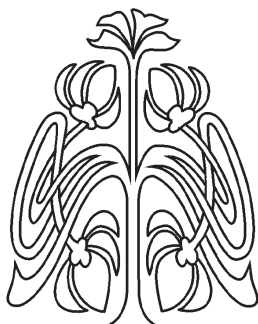
Заикин Александр Васильевич, кандидат биологических наук, доцент Высшей психолого-педагогической школы, zav20001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8246-0291>

Аннотация. Введение. Родительское отношение является условием развития ребенка, включая его темпоральные характеристики – особенности отношения ко времени. **Теоретический анализ.** Отношение ко времени как проявление темпоральности взрослого обусловлено рефлексивным представлением о родительском отношении к нему. Существуют различия в представлениях о родительских отношениях у субъектов с временной зависимостью, индифферентностью и пластичностью как проявлениями темпоральности взрослого. **Эмпирический анализ.** Респондентами выступили 209 человек в возрасте от 25 до 31 года. Использовали методику «Шкала отношения к времени», а также «Тест-опросник родительского отношения». Установлено, что у взрослых с временной зависимостью на высоком уровне выражены такие параметры рефлексивного представления о родительском отношении, как симбиоз, авторитарная гиперсоциализация и отношение к неудачам, тогда как у респондентов с временной индифферентностью данные показатели находятся на низком уровне. Для субъектов с временной пластичностью большое значение имеет выраженность принятия и кооперации как индикатор рефлексивного представления о родительском отношении. **Заключение.** Полученные данные можно использовать для трансформации темпоральности личности посредством коррекции родительского отношения либо рефлексивного представления о нем взрослого.

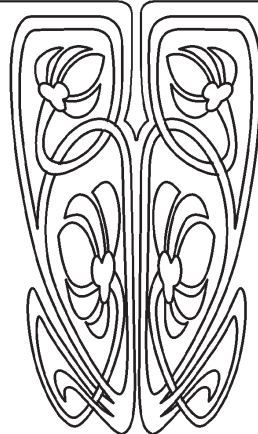
Ключевые слова: родительское отношение, время, дистанция, принятие, отношение к неудачам, временная пластичность, зависимость, индифферентность

Для цитирования: Духновский С. В., Заикин А. В. Рефлексивное представление о родительских отношениях как детерминанта темпоральности взрослого // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 50–55. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-50-55>, EDN: PWBWHN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Reflexive representation of parental relationships as a determinant of adult temporality

S. V. Dukhnovsky , A. V. Zaikin

Ugra State University, 16 Chekhov St., Khanty-Mansiysk 628012, Russia

Sergey V. Dukhnovsky, dukhnovskysv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>

Alexander V. Zaikin, zav20001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8246-0291>

Abstract. Introduction. Parental attitude is a condition for the child's development, including his temporal characteristics - features of the attitude to time. **Theoretical analysis.** The attitude to time as a manifestation of adult temporality is due to the reflective idea of parental attitude towards him. There are differences in perceptions of parental relationships in subjects with temporal dependence, indifference, and plasticity as manifestations of adult temporality. **Empirical analysis.** The respondents were 209 people aged 25 to 31 years. The method "Ratio to Time Scale" as well as "Parental Attitude Test Questionnaire" were used. It was found that adults with time dependence at a high level have such parameters of reflexive representation of parental attitude as symbiosis, authoritarian hypersocialization and attitude to failures. Whereas respondents with temporary indifference have these indicators at a low level. For subjects with temporal plasticity, the expression of acceptance and cooperation as indicators of a reflective view of parental attitudes is of leading importance. **Conclusion.** The obtained data can be used to transform the temporality of the personality by correcting the parental attitude or an adult's reflexive representation of it.

Keywords: parental attitude, time, distance, acceptance, attitude to failures, temporal plasticity, dependence, indifference

For citation: Dukhnovsky S. V., Zaikin A. V. Reflexive representation of parental relationships as a determinant of adult temporality. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 50–55 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-50-55>, EDN: PWBWHN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Родительское отношение – одно из условий становления, формирования и преобразования личности ребенка, включая его темпоральные характеристики, в частности отношение ко времени. Особенности родительского отношения способствуют тому, что ребенок учится использовать свое время – ценить его, рассматривать как средство для конструктивной активности, самореализации либо не задумываться о нем. Знание параметров родительского отношения способствует формированию временной зависимости, равнодушного или гибкого отношения ко времени, открывает дополнительные возможности по трансформации темпоральности личности ребенка посредством конструктивного изменения родительского отношения.

Теоретический анализ

Проблема родительских, в том числе и детско-родительских, отношений рассматривалась в исследованиях Л. Н. Антиловой, Е. И. Ждакаевой [1], Д. С. Корниенко [2], Т. И. Гарибашвили [3], О. С. Алексеевой, И. Е. Ржановой [4], Н. В. Стёпиной [5], Е. Э. Кригер, Е. В. Бахадовой [6], Р. В. Овчаровой [7], Е. О. Смирновой, М. В. Соколовой [8]. Вопросы психологического времени как проявления темпоральности личности, изучалась в работах К. А. Абульхановой, Т. Н. Березиной [9], Е. И. Головахи, А. А. Кроника [10], С. Б. Нестеровой [11], Я. В. Кравцовой, Т. Д. Дубовицкой, А. Г. Абдуллина [12] и др.

Обзор научных исследований показал, что вопросы о детерминантах темпоральности взрослого в контексте изучения родительских отношений нуждаются в дополнительном эмпирическом анализе и обобщении. В частности, актуальными являются следующие вопросы: обусловлено ли отношение ко времени как проявление темпоральности взрослого рефлексивным представлением о родительском отношении к нему; существуют ли различия в особенностях рефлексивного представления о родительских отношениях у субъектов с временной зависимостью, индифферентностью и пластичностью как проявлением темпоральности взрослого.

Применительно к нашему исследованию темпоральность человека находит свое выражение в его «отношении к времени», под которым понимается взаимосвязь субъекта со своим временем, его восприятие и использование в качестве ресурса для решения задач, возникающих в повседневной жизни и трудовой деятельности, а также для проявления своей индивидуальности, своего личностного и профессионального развития и саморазвития. Осуществляется это за счет временной пластичности, временной зависимости (пристрастности) и временной индифферентности [13].

Эмпирический анализ

Респондентами выступили 209 чел. (99 мужчин и 110 женщин в возрасте от 25 до 31 года, имеющие высшее образование, проживающие на территории Курганской области и Ханты-Мансийского автономного округа-Югра).

В исследовании использовалась авторская методика «Шкала отношения к времени» (ОКВ), основное назначение которой – выявление доминирующего вида отношения ко времени: равнодушного (временной индифферентности), гибкого (временной пластичности) и пристрастного (временной зависимости) [13].

Также применялся «Тест-опросник родительского отношения» (ОРО), разработанный А. Я. Варга, В. В. Столиным [14]. Методика использовалась для оценки «рефлексивного отношения родителей». Она предполагала оценку того, как, по мнению обследуемых, родители относились к ним в детстве (в возрасте от 7 до 10 лет). Для реализации этого подхода было принято решение изменить инструкцию оригинальной версии методики «ОРО» и апробировать ее на выборке 75 респондентов в возрасте от 19 до 23 лет. Инструкция выглядела

следующим образом: внимательно прочтите предложенные утверждения, касающиеся отношения к Вам ваших родителей, когда Вы были в возрасте от 7 до 10 лет, и в случае согласия сделайте соответствующую отметку в листе ответов.

В качестве методов математической статистики применялись первичные описательные статистики, а в качестве критерия сравнения использовали параметрический критерий *t*-Стьюдента.

Описание результатов исследования

Для определения степени влияния на отношение ко времени характеристиками родительских отношений (рефлексивными представлениями о них) применялся метод множественного регрессионного анализа, результатом чего стало построение регрессионной модели отношения ко времени, представленной в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Показатели регрессионной модели для зависимой переменной «Отношение ко времени»
Regression model scores for time ratio dependent variable

Переменные	R^2	B	Стандартная ошибка	β	T	F	p
Отношение к неудачам	0,833	0,931	0,633	0,793	2,33	4,75	0,02
Симбиоз		0,976	0,505	0,725	2,25		0,05
Авторитарная гиперсоциализация		0,834	0,407	0,797	2,90		0,005

Данные, представленные в табл. 1, означают следующее: в регрессионной модели «Отношение ко времени» ($R^2 = 0,833$, $F = 4,75$, $p = 0,01$) 83% дисперсии данной переменной определяется совокупным воздействием показателей по шкалам родительского отношения – «отношение к неудачам», «симбиоз» и «авторитарная гиперсоциализация» по методике «ОРО» (коэффициенты регрессии $\beta = 0,931$, $\beta = 0,976$ и $\beta = 0,834$ соответственно).

Таким образом, отношение ко времени определяется влиянием рефлексивного представления о родительском отношении в детстве, в частности такими его параметрами, как дистанция в общении с ребенком, особенности контроля за его поведением и отношением к его успехам и неудачам.

Далее для выявления особенностей рефлексивных представлений о родительском отношении, присущих субъектам с разным видом отношения ко времени, вся выборка была разделена на 3 группы (на основании результатов, полученных по методике «ОКВ»):

Первая – субъекты с равнодушным отношением ко времени ($n = 49$), показатели по методике «ОКВ» находятся в диапазоне 3 стэнов. Испытуемым свойственно отсутствие

ценностного отношения к времени, желания конструктивно использовать время для проявления своей индивидуальности.

Вторая – субъекты с временной пластичностью ($n = 106$), показатели по методике «ОКВ» находятся в диапазоне 6 стэнов. Обследованные способны гибко трансформировать свой временной распорядок в зависимости от своих желаний или когда это необходимо в силу обстоятельств, в которых они оказались.

Третья – субъекты с временной зависимостью ($n = 54$), показатели по методике «ОКВ» находятся в диапазоне 9 стэнов. Субъектам присуще повышенное внимание к использованию своего времени – пристрастное отношение к нему, отсутствие гибкости, что вызывает тревогу и беспокойство, когда не могут следовать заранее установленному ими временному плану.

В ходе исследования с использованием *t*-критерия Стьюдента установлены различия в выраженности параметров рефлексивного представления о родительском отношении (независимых переменных) у обследованных. Для сравнения взяты только те показатели, которые представлены в регрессионной модели «Отношение ко времени» (табл. 2).

**Средние значения по методике «Опросник родительского отношения» (ОРО)
у респондентов с разным отношением к времени**
Mean Parental Attitudes Questionnaire values in respondents with different attitudes to time

Шкалы «ОРО»	Отношение ко времени		
	Зависимость	Гибкость	Индифферентность
Принятие – отвержение	13,5±3,3	26,0±4,7*	14,2±3,6
Кооперация	4,0±1,1	6,3±1,4*	4,3±1,5
Симбиоз	6,5±1,3*	3,0±1,2	3,5±1,4
Авторитарная гиперсоциализация	6,3±1,4*	3,9±1,3	4,5±1,2
Отношение к неудачам	6,7±1,2*	3,1±1,2	3,3±1,1

Примечание. * – различия установлены на уровне $p < 0,05$.

Результаты, представленные в табл. 2, демонстрируют достоверные различия показателей по шкалам методики «Опросник родительского отношения» (ОРО) у обследованных с временной зависимостью, гибкостью и индифферентностью (значения t -критерия находятся в диапазоне от 1,89 до 1,95). Таким образом, наше предположение о существовании различий в рефлексивных представлениях о родительских отношениях и их характеристиках у обследованных, отличающихся разным отношением ко времени, нашла свое эмпирическое подтверждение.

Установлено, что показатели по шкалам методики «Опросник родительского отношения» (ОРО), таким как «отношение к неудачам», «симбиоз» и «авторитарная гиперсоциализация», у респондентов с временной зависимостью находятся на высоком уровне. Таким образом, характеристиками рефлексивного представления о родительском отношении является стремление сблизиться с ребенком. Тем самым обеспечивая его безопасность, но при этом доминируют и обесцениваются его интересы, увлечения, мысли и чувства. Ребенок воспринимается как несамостоятельный и нуждающийся в постоянном контроле субъект.

У обследованных с временной индифферентностью показатели по соответствующим шкалам методики «ОРО» выражены на низком уровне. Родительскому отношению данной категории людей присущи дистантность с ребенком, недостаток контроля и заботы о нем, предоставление «полной свободы действий». При этом неудачи ребенка воспринимаются случайными событиями его жизни.

Обращает на себя внимание тот факт, что у субъектов с временной пластичностью показатели по шкалам «отношение к неудачам»,

«симбиоз» и «авторитарная гиперсоциализация» выражены умеренно, тогда как по шкалам «принятие – отвержение» и «кооперация» находятся на повышенном уровне (по методике «ОРО»). В рефлексивном представлении о родительском отношении выражены позитивное отношение к ребенку, поддержка его интересов, планов и начинаний, поощрение его самостоятельности и инициативы в сочетании с умеренным контролем, необесценивание его достижения.

Заключение

Обобщая полученный в исследовании эмпирический материал, делаем следующие обобщения. Так, в ходе исследования нашло свое эмпирическое подтверждение предположение о том, что темпоральность взрослого – его отношение к своему времени и виды этого отношения – детерминируются особенностями рефлексивного представления о родительском отношении, индикаторами которого являются принятие – отвержение, кооперация, симбиоз, авторитарная гиперсоциализация и отношение к неудачам.

Показано, что у взрослых с временной зависимостью на высоком уровне выражены такие параметры рефлексивного представления о родительском отношении, как симбиоз, авторитарная гиперсоциализация и отношение к неудачам, тогда как у респондентов с временной индифферентностью данные показатели находятся на низком уровне. Для субъектов с временной пластичностью большое значение имеют выраженность принятия и кооперации как индикаторов рефлексивного представления о родительском отношении взрослого.

Полученные данные можно применить для трансформации темпоральности личности – формирования гибкого (пластичного) отношения ко времени посредством коррекции родительского отношения либо рефлексивного представления о нем. Это будет способствовать использованию субъектом своего времени в качестве ресурса для самореализации, осуществления конструктивной деятельности и активности и, соответственно, повышения удовлетворенности жизнью в целом.

Список литературы

1. Антилогова Л. Н., Ждакаева Е. И. Коррекция деструктивных детско-родительских отношений // Гуманитарные исследования. 2018. № 4 (21). С. 101–104.
2. Корниенко Д. С. Проблема метаиндивидуальности в детско-родительских отношениях // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7, № 2. С. 124–136.
3. Гарибашвили Т. И. Исследования детско-родительских отношений в отечественной психологии // Известия ЮФУ. Технические науки. 2006. № 13. С. 119–120.
4. Алексеева О. С., Ржанова И. Е. Согласованность оценок родительско-детских отношений // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 1. С. 92–108. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-1-92-108>
5. Стёпина Н. В. Детско-родительские отношения в семьях после развода // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 73-2. С. 220–224.
6. Кригер Е. Э., Бахадова Е. В. Ценности родительско-детских отношений девиантных подростков // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 2. С. 157–167. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-2-157-167>.
7. Овчарова Р. В. Психология родительства. М. : Академия, 2007. 368 с.
8. Смирнова Е. О., Соколова М. В. Структура и динамика родительского отношения в онтогенезе ребенка // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 57–67.
9. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб. : Алетейя, 2001. 304 с.
10. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. Киев : Наукова Думка, 1984. 207 с.
11. Нестерова С. Б. Теоретические подходы к понятию «психологическое время» // ПЕМ: Psychology. Education. Medicine. 2019. № 1. С. 159–169.
12. Кравцова Я. В., Дубовицкая Т. Д., Абдуллин А. Г. Психологическое время и самоэффективность личности // Психология. Психофизиология. 2020. Т. 13, № 3. С. 17–23. <https://doi.org/10.14529/jpps200302>
13. Духновский С. В. Шкала «Отношение к времени»: психометрическая характеристика и возможности использования // Личность: ресурсы и потенциал. 2021. № 4 (21). С. 59–66.
14. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учебное пособие / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара : Издательский дом «БАХРАХ-М», 1998. 672 с.

References

1. Antilogova L. N., Zhdakaeva E. I. Correction of destructive child-parental relations. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Research], 2018, no. 4 (21), pp. 101–104 (in Russian).
2. Kornienko D. S. The problem of meta-individuality in child-parent relations. *Psihologija. Zhurnal Vyshej shkoly jekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2010, vol. 7, no. 2, pp. 124–136 (in Russian).
3. Garibashvili T. I. Research on child-parental relations in domestic psychology. *Izvestija JuFU. Tehniceskie nauki* [Izvestiya SFedU. Engineering Sciences], 2006, no. 13, pp. 119–120 (in Russian).
4. Alekseeva O. S., Rzhanova I. E. Coherence in parent-child relationships estimates. *Vestnik RGGU. Serija "Psihologija. Pedagogika. Obrazovanie"* [RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series], 2020, no. 1, pp. 92–108 (in Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-1-92-108>
5. Stjopina N. V. Child-parental relations in families after divorce. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija* [Problems of Modern Pedagogical Education], 2021, no. 73-2, pp. 220–224 (in Russian).
6. Kriger E. Je., Bahadova E. V. Values of parental and children's relations of deviant adolescents. *Vestnik RGGU. Serija "Psihologija. Pedagogika. Obrazovanie"* [RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series], 2019, no. 2, pp. 157–167 (in Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-2-157-167>
7. Ovcharova R.V. *Psihologija roditel'stva* [Psychology of Parenthood]. Moscow, Academy Publ., 2007. 368 p. (in Russian).
8. Smirnova E. O., Sokolova M. V. Structure and dynamics of parental attitude in the ontogenesis of the child. *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 2007, no. 2, pp. 57–67 (in Russian).
9. Abul'hanova K. A., Berezina T. N. *Vremja lichnosti i vremja zhizni* [Time of Personality and Time of Life]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2001. 304 p. (in Russian).
10. Golovaha E. I., Kronik A. A. *Psihologicheskoe vremja lichnosti* [Psychological Time of Personality]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1984. 207 p. (in Russian).

11. Nesterova S. B. Theoretical approaches to the concept of “psychological time”. *PEM: Psikhologiya. Obrazovanie. Meditsina* [PEM: Psychology. Eduology. Medicine], 2019, no. 1, pp. 159–169 (in Russian).
12. Kravcova Ya. V., Dubovickaja T. D., Abdullin A. G. Psychological time and personality self-efficacy. *Psihologija. Psihofiziologija* [Psychology. Psychophysiology], 2020, vol. 13, no. 3, pp. 17–23 (in Russian). <https://doi.org/10.14529/jpps200302>
13. Duhnovskij S. V. “Relation to time” scale: Psychometric characteristic and possibilities of use. *Lichnost': resursy i potencial* [Personality: Resources and Potential], 2021, no. 4 (21), pp. 59–66 (in Russian).
14. Raigorodskiy D. Ya., ed.-comp. *Prakticheskaja psikhodiagnostika. Metodiki i testy. Uchebnoe posobie* [Practical Psychodiagnosics. Techniques and Tests. Tutorial]. Samara, Izdatel'skiy dom “BAKhrAKh-M”, 1998. 672 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 16.12.2022; одобрена после рецензирования 23.12.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 16.12.2022; approved after reviewing 23.12.2022; accepted for publication 11.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 56–61

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 56–61

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-56-61>, EDN: QAQHRK

Научная статья

УДК 159.972

Проективные рисуночные тесты в оценке эмоциональной привязанности женщин, больных шизофренией, к членам своей семьи

Д. В. Нещадим

Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГУЭУ, Нархоз), Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 52/1

Нещадим Дмитрий Владимирович, кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и правоведения, d.neshchadim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5575-1459>

Аннотация. Введение. Предмет исследования – особенности эмоциональной привязанности женщин, больных шизофренией, к близкому окружению. Цель статьи – выявить особенности эмоциональной привязанности к близкому окружению женщин, больных шизофренией. **Теоретический анализ.** В настоящее время нет определенной точки зрения на природу эмоциональной привязанности у больных шизофренией. Одни авторы выступают за уплощение (и даже отсутствие) эмоциональной привязанности к членам семьи и близкому окружению, другие свидетельствуют в пользу сохранения привязанности даже при длительном течении заболевания. Актуальность данного исследования связана с разрешением спорной точки зрения относительно эмоционального отношения и привязанности больных шизофренией к близкому окружению, что может расширить представления о социально-психологических факторах, определяющих течение заболевания и позволяющих развивать новые пути построения психотерапевтической и психокоррекционной работы с больными. **Эмпирический анализ.** В данном исследовании были проанализированы особенности эмоциональной привязанности женщин, больных шизофренией параноидной формы, к членам семьи при помощи проективных рисуночных тестов: «Кольца: я, мать и отец» и теста «Мать и дитя». **Заключение.** Получены данные, свидетельствующие об эмоциональной привязанности больных шизофренией к одному из членов семьи, где больной шизофренией испытывает глобальное недоверие к внешнему миру и имеет нарушенные отношения с первичной фигурой привязанности (мать).

Ключевые слова: шизофрения, эмоциональные отношения, эмоциональная привязанность, семейные отношения, рисуночные тесты, мать и дитя

Для цитирования: Нещадим Д. В. Проективные рисуночные тесты в оценке эмоциональной привязанности женщин, больных шизофренией, к членам своей семьи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 56–61. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-56-61>, EDN: QAQHRK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Projective drawing tests in assessing the emotional attachment of women with schizophrenia to their family members

D. V. Neshchadim

Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEU, Narkhoz), 52/1 Kamenskaya St., Novosibirsk 630099, Russia

Dmitry V. Neshchadim, neshchadim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5575-1459>

Abstract. Introduction. The subject of the study is the peculiarities of emotional attachment in women with schizophrenia to a close environment. The purpose of the article is to identify the features of emotional attachment to a close environment in women with schizophrenia. **Theoretical analysis.** Currently, there is no clear point of view on the nature of emotional attachment in patients with schizophrenia. Some authors speak for the flattening (and even the absence) of emotional attachment to family members and close associates, while others testify in favor of maintaining attachment even with a long course of the disease. The relevance of this study is related to the resolution of a controversial point regarding the emotional attitude and attachment of schizophrenia patients to their close environment, which may allow us to expand the understanding of the socio-psychological factors that determine the course of the disease and allow us to develop new ways of building psychotherapeutic and corrective work with patients. **Empirical analysis.** In this study, the features of emotional attachment in women with paranoid schizophrenia to family members were analyzed using projective drawing tests: “Rings: me, mother and father” and the “Mother and child” test. **Conclusion.** As a result, data were obtained indicating the detection of emotional attachment of schizophrenic patients to one of the family members, where a schizophrenic patient experiences global distrust of the outside world and has a disturbed relationship with the primary attachment figure (mother). **Keywords:** schizophrenia, emotional relationships, emotional attachment, family relationships, drawing tests, mother and child

For citation: Neshchadim D. V. Projective drawing tests in assessing the emotional attachment of women with schizophrenia to their family members. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 56–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-56-61>, EDN: QAQHRK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Шизофрения – это тяжелое эндогенное психическое заболевание, затрагивающее все аспекты личности, что может привести к значительной дезадаптации больных в обществе, а также к разрыву прежних социальных связей. В научной литературе можно выделить две группы авторов с противоположным мнением по поводу эмоциональных отношений больного шизофренией с окружающими и семьей в частности. Одна группа авторов (Э. Блейлер [1], Э. Крепелин [2], В. П. Критская и соавт. [3], И. Я. Лагун [4], Д. Хелл и М. Фишер-Фельтен [5], К. Ясперс) [6] отмечают, что в начале заболевания, а далее в развивающемся слабо или при ярко выраженном дефекте личности у больных развивается эмоциональное охлаждение, отгороженность от близких людей. Другая группа (В. Д. Вид [7], А. А. Кемпинский [8], Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриева [9], А. С. Тиганов и соавт. [10], С. Ариети) [11] полагает, что в какой-то степени у больных сохраняется альтруистическое, внимательное отношение к абстрактным, малознакомым и незнакомым людям, а также могут иметь место «симбиотические» отношения к одному из родителей. Эти противоречивые аспекты эмоциональной стороны как отражение эмоциональной привязанности отношения больных к близкому окружению нуждаются в проверке, что и было предпринято в данном исследовании. Его целью стало изучение особенности эмоциональной привязанности женщин, больных шизофренией, к членам семьи с использованием проективных рисуночных методик: «Кольца: я, мать и отец» и теста «Мать и дитя».

Теоретический анализ

Как в дебюте шизофрении, так и в процессе развития заболевания, а также в дефекте личности многие ученые находят признаки измененного специфического отношения больных к окружающим людям и членам своей семьи. Э. Крепелин, описывая выделенную им группу больных с «Dementia graecosa», считает, что вскоре после начала течения заболевания весьма заметным делается ослабление эмоционального тонуса, развивается равнодушие к окружающим и близким людям, а по истечении более продолжительного

периода времени наступает «эмоциональная тупость» [1]. Э. Блейлер, предложивший новый термин «Schizophrenia», указывает на изменения отношений больного к миру и к семье. В частности, он отмечает, что все его поведение несет на себе «отпечаток равнодушия», особенно в важных вещах [2]. Автор также подчеркивает роль симбиотической утраты собственного «Я», нарушение самоидентификации при попытке соотнести себя с окружающими людьми. В. П. Критская с соавторами, анализируя нарушения общения у больных шизофренией, отмечает, что направленность личности больного меняется в сторону аутистических установок [3]. Он утрачивает потребность в общении и интерес к социальным контактам, в том числе к контактам с семьей. И. Я. Лагун при анализе эмоциональных нарушений у больных шизофренией пишет о проявлении «эмоциональной уплощенности» или «чувствительной тупости» данных больных в результате ослабления эмоциональных контактов и привязанности к близким, прежде всего к родителям [4]. Д. Хелл и М. Фишер-Фельтен свидетельствуют, что больные шизофренией страдают от непонимания близких, чувствуют себя отстраненными, уязвленными, отвергнутыми [5]. Они также отмечают, что больной страдает не только от пережитого состояния психоза, но и от реакции близких, которые, не понимая его, отдаляются. К. Ясперс указывает на затрудненность понимания внутренних переживаний больных шизофренией [6]. Таким образом, рассмотренная группа психиатров свидетельствует в пользу прогрессирующей «эмоциональной тупости» и эмоциональной отстраненности больного шизофренией от членов семьи.

Можно встретить противоположную точку зрения касательно эмоциональной сферы больных шизофренией. В. Д. Вид отмечает, что у таких больных отношение к окружающим чаще строится либо на «гипертрофированной потребности в принятии окружающими», либо на «компенсаторной потребности доминировать над окружающими» [7, с. 217]. При этом, выбирая ту или иную стратегию, больные руководствуются чаще всего регрессивными ролевыми шаблонами, которые сопровождаются повышенной, не соответствующей возрасту зависимостью больного от родителей и каких-либо значимых

для него фигур. У них появляется тенденция к установлению симбиотических отношений с окружающими. А. Кемпинский приводит свои клинические наблюдения, в которых при шизофрении дефицит взаимодействия с окружающими людьми вследствие аутичности больного приводит к тому, что самая близкая сфера контакта с ним деформируется [8]. Анализируя сферу взаимоотношений больных и близкого окружения, автор развивает идею о том, что из-за аутизации, формирования специфического закрытого внутреннего мира и установки «от» окружения больной шизофренией не может развивать и поддерживать близкие и доверительные отношения, в частности с близкими людьми. Он также описывает размывание границы собственного внутреннего мира больного с окружающим миром, с другими людьми, а В. Д. Вид указывает на потребность в симбиотических отношениях с окружающими людьми у больных шизофренией, что делает точки зрения обоих авторов схожими. Ц. П. Короленко считает, что шизофрения может сопровождаться аффективным уплощением (что составляет негативную симптоматику). Также возможны нарушения эмоциональных связей с семьей в случаях включения их в бредовую идею преследования больного [9]. Однако он не отвергает полностью способность больных шизофренией сохранять и устанавливать эмоциональные связи с семьей и окружающими людьми. А. С. Тиганов и соавторы также отмечают, что больные шизофренией, несмотря на явные признаки эмоциональной дефицитности, сохраняют отдельные привязанности, в частности к кому-то из близких [10]. С. Ариети в ходе психотерапии с больными шизофренией отмечает, что единственные люди, перед которыми молодые люди уязвимы, это те, с которыми они эмоционально связаны с детства [11]. Таким образом, данные упомянутые психиатры свидетельствуют в пользу идеи сохранения эмоциональной привязанности больных шизофренией к близкому окружению, несмотря на возможные изменения и деформацию взаимоотношений.

Эмпирический анализ

В экспериментальную группу вошли 13 женщин, больных шизофренией с параноидной формой. Возраст испытуемых представлен в диапазоне от 19 до 62 лет ($M = 36,69$, $SD = 15,04$) со сроком заболевания от менее года до 37 лет ($M = 13,24$, $SD = 3,67$) после выхода из психотического состояния. Исследование проводилось

на базе одной из психиатрических больниц г. Новосибирска, в стационарных условиях. В контрольную группу вошли 13 психически здоровых испытуемых, соответствующих по возрасту ($M = 37,46$, $SD = 14,51$) и не состоящих на учете у психиатра.

В данном исследовании использовались следующие две проективные методики: *рисуночная методика «Кольца: я, мать и отец»* (на основе графического «Теста кругов Коттла» [12] и методики «Семейная социодиаграмма» Э. Г. Эйдмиллера и И. М. Никольской [13]) и *проективный рисуночный тест «Мать и дитя»* (адаптация М. Л. Мельниковой, А. Венгера) [14, 15]. При статистической обработке полученных данных с целью исследования различий в отношениях к близкому окружению между выборками «шизофрения» и «норма» количественных данных был использован U -критерий Манна–Уитни как наиболее мощный для такого рода исследований. С целью установления взаимосвязи между выборкой и отношений к близкому окружению номинативных данных применялся критерий χ^2 (метод максимального правдоподобия).

Проективная рисуночная методика «Кольца: я, мать и отец». В ходе проведенного корреляционного анализа по χ^2 -критерию были обнаружены 8 значимых взаимосвязей между группой испытуемых и выбранными признаками: смещение колец относительно центра, порядок рисования кольца «я», порядок рисования кольца «мать», порядок рисования кольца «отец», конфигурация колец «я, мать и отец» (порядок), кольцо, расположенное ближе к кольцу «я», расположение кольца «мать» относительно кольца «я» и расположение кольца «отец» относительно кольца «я». Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что испытуемые, больные шизофренией, чаще рисуют кольца в центре листа без смещения (76,92% случаев). На первом месте чаще рисуют свое кольцо (84,62%), на втором месте – кольцо отца (53,85%) и реже – кольцо матери (38,46%), на третьем месте, наоборот, чаще кольцо матери (53,85%) и реже кольцо отца (38,46%). Ближе к кольцу «я» испытуемые изображают кольцо отца (53,85%) и реже матери (46,15%). Кольцо матери чаще располагается слева от кольца испытуемой (38,46%) и реже справа (30,77%), а кольцо отца чаще располагается справа (46,15%).

В случае испытуемых из контрольной группы можно отметить иные закономерности. В рисунках наблюдается смещение колец вверх относительно центра листа бумаги (46,15%). На первом месте испытуемые чаще рисуют кольцо

матери (46,15%) и реже кольцо отца (38,46%), на втором месте, наоборот, рисуют чаще кольцо отца (53,85%) и реже кольцо матери (38,46%), а на последнем месте рисуют чаще свое кольцо (76,92%). Также испытуемые рисуют ближе к своему кольцу чаще кольцо матери (69,23%), чем отца. Кольцо матери чаще рисуют или сверху справа (38,46%) или сверху слева (30,77%) от кольца испытуемой, тогда как кольцо отца чаще рисуют внизу слева (30,77%) и реже или слева, или сверху справа (по 23,08%).

Анализируя корреляцию группы испытуемых и геометрию колец «я, мать и отец» не было получено статистически значимых отличий ($\chi^2 = 4,90$, $p = 0,086$), однако можно отметить тенденцию в соответствии с которой больные шизофренией чаще рисуют кольца в линию (69,23%), тогда как испытуемые из контрольной группы в виде треугольника (61,54%). Данную тенденцию можно проинтерпретировать следующим образом: взаимосвязи между испытуемой и родителем в контрольной группе более тесные с обоими родителями, чем в семье больных шизофренией. Больные шизофренией чаще располагают кольца в центре без смещения, что можно трактовать по семантике пространства проективного рисунка как беспомощность и уязвимость (в норме рисунок расположен по средней линии или несколько левее и чуть выше середины листа бумаги). Испытуемые из контрольной группы чаще смещают кольца вверх, что может свидетельствовать о высокой самооценке, неудовлетворенности собственным положением в обществе и недостаточном признании окружающими, претензии на продвижение, тенденции к самоутверждению и потребности в признании.

На рисунке первым обычно изображают наиболее значимого, главного или наиболее эмоционально близкого человека. Больные шизофренией чаще рисуют себя на первом месте, что может быть связано с их эгоцентризмом. На последнем месте они рисуют мать, что, вероятно, связано с негативным отношением к ней. Испытуемые из контрольной группы на первом и втором месте чаще рисуют мать или отца, а себя в последнюю очередь. В данном случае можно отметить значимость родительских фигур для испытуемых из контрольной группы.

Также было отмечено, что больные шизофренией чаще ближе к себе рисуют кольцо отца, чем матери. Можно предположить, что фигура отца бессознательно более притягательная, чем матери. Данное предположение также подтверждает, что кольцо матери расположено чаще слева, со стороны, связанной с отрицательно окрашен-

ными эмоциями, а отца справа, со стороны, связанной с положительно окрашенными эмоциями. В случае с испытуемыми из контрольной группы имеет место обратная закономерность. Ближе располагается кольцо матери, что косвенно отражает большую притягательность данной фигуры для испытуемых. По эмоциональной окраске мать имеет положительный окрас (чаще расположение сверху справа или реже сверху слева), тогда как фигура отца более негативно окрашена (расположение чаще внизу слева и реже слева или сверху справа).

Проективный рисуночный тест «Мать и дитя». В процессе качественного анализа рисунков было выявлено, что у больных шизофренией они носят более схематичный характер, и обследуемые не всегда прорисовывают детали. Испытуемые из контрольной группы более детально прорисовывают диаду мать с ребенком. В обоих случаях испытуемые рисовали адекватно предлагаемой инструкции, т. е. обе фигуры (мать и дитя), что позволило количественно оценить шкалы надежности привязанности и тревожности привязанности.

В ходе проведенного корреляционного анализа по χ^2 -критерию была обнаружена значимая взаимосвязь между группой испытуемых и типом эмоциональной привязанности ($\chi^2 = 11,56$, $p = 0,003$). В контрольной группе было выявлено: 76,92% с надежным, 15,38% с амбивалентным и 7,69% с избегающим типом эмоциональной привязанности. В выборке больных шизофренией было следующее соотношение: 53,85% с избегающим, 30,77% с амбивалентным и 15,38% с надежным типами эмоциональной привязанности. Таким образом, в группе больных шизофренией преобладает избегающий тип привязанности в отличие от группы «нормы», где преобладающий тип привязанности является надежным.

Избегающий тип привязанности характеризуется сочетанием низкого уровня надежности с низким или высоким уровнем тревожности. Такое сочетание свидетельствует о стремлении большинства больных шизофренией удаляться от ситуации диадных отношений, отвергать близость с фигурой привязанности и в общем занимать позицию ухода. Также данное сочетание может отражать общую защитную позицию испытуемых, выражающуюся в стремлении изолироваться от ситуации тревоги. Таким образом, полученные данные свидетельствуют в пользу теории, согласно которой больной шизофренией испытывает глобальное недоверие к внешнему миру и имеет нарушенные отношения с первичной фигурой привязанности (мать).

Заключение

Проективные рисуночные тесты позволяют легко устанавливать контакт с больными шизофренией в ходе клинической беседы и психодиагностики. В данной работе были приведены результаты применения проективной методики «Кольца: я, мать и отец» и проективного рисуночного теста «Мать и дитя». По итогам проведенного эмпирического исследования была выдвинута гипотеза о том, что можно выделить одну группу женщин, больных шизофренией, а именно с чрезмерной эмоциональной близостью (симбиотические отношения) к одному или нескольким членам семьи; они характеризуются нарушенной эмоциональной привязанностью к матери, что отражается в глобальном чувстве недоверия к окружающему миру. Данная работа заложила основания для дальнейшего исследования особенностей эмоциональной привязанности с использованием более сложных проективных методик, таких как «Сценотест» и «Тематический апперцептивный тест».

Список литературы

1. Крeпелин Э. Введение в психиатрическую клинику / пер. с 3-го нем. издания; под ред. П. Б. Ганнушкина. М.: Наркомздрав, 1923. 232 с.
2. Блейлер Э. Руководство по психиатрии / пер. с нем. М.: Издательство Независимой психиатрической ассоциации, 1993. 542 с.
3. Критская В. П., Мелешко Т. К., Поляков Ю. Ф. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М.: Издательство МГУ, 1991. 256 с.
4. Лагун И. Я. Причинность шизофрении: Конспект-анализ проблемы. Липецк: Ориус, 2008. 303 с.
5. Хелл Д., Фишер-Фельтен М. Шизофрения / пер. с нем. И. Я. Сапожниковой. М.: Алетей, 1998. 200 с.
6. Ясперс К. Общая психопатология / пер. с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.
7. Вид В. Д. Психотерапия шизофрении. СПб.: Питер, 2009. 510 с.
8. Кемпинский А. Психология шизофрении / пер. с польск. СПб.: Ювента, 1998. 294 с.
9. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Социодинамическая психиатрия. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 460 с.
10. Тиганов А. С., Снежневский А. В., Орловская Д. Д. [и др.]. Руководство по психиатрии: в 2 т. Т. 1 / под ред. А. С. Тиганова. М.: Медицина, 1999. 712 с.
11. Arieti S. Interpretation of Schizophrenia. 2nd ed.,

completely revised and expanded. New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1974. 756 p.

12. Белинская Е. П., Давыдова И. С. Графический тест Коттла: специфика показателей временной перспективы // Психологическая наука и образование. 2007. Т. 12, № 5. С. 28–37.
13. Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия: учебное пособие для врачей и психологов. 2-е изд. испр. и доп. СПб.: Речь, 2006. 352 с.
14. Мельникова М. Л. Рисунок «Мать и дитя» в диагностике привязанности: методическое руководство / науч. ред. С. Ф. Сироткин. Ижевск: ERGO, 2007. 216 с.
15. Венгер А. Л. Психологические рисуночные тесты: иллюстрированное руководство. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2007. 159 с.

References

1. Krepelin E. *Vvedenie v psikhiatricheskuyu kliniku* [Gannushkin P. B., ed. Introduction to a Psychiatric Clinic]. Moscow, Narkomzdrav Publ., 1923. 232 p. (in Russian).
2. Bleyler E. *Rukovodstvo po psikhiiatrii* [Handbook of Psychiatry]. Moscow, Izdatel'stvo Independent Psychiatric Association, 1993. 542 p. (in Russian).
3. Kritskaya V. P., Meleshko T. K., Polyakov Yu. F. *Patologiya psikhicheskoy deyatel'nosti pri shizofrenii: motivatsiya, obshchenie, poznanie* [Pathology of Mental Activity in Schizophrenia: Motivation, Communication, Cognition]. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1991. 256 p. (in Russian).
4. Lagun I. Ya. *Prichinnost shizofrenii: Konspekt-analiz problemy* [The Causality of Schizophrenia: A Summary Analysis of the Problem]. Lipetsk, Orius Publ., 2008. 303 p. (in Russian).
5. Hell D., Fisher-Felten M. *Shizofreniya* [Schizophrenia]. Moscow, Aleteja Publ., 1998. 200 p. (in Russian).
6. Jaspers K. *Obshhaya psikhopatologiya* [General Psychopathology]. Moscow, Praktika Publ., 1997. 1056 p. (in Russian).
7. Vid V. D. *Psikhoterapiya shizofrenii* [Psychotherapy of Schizophrenia]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 510 p. (in Russian).
8. Kempinskiy A. A. *Psikhologiya shizofrenii* [Psychology of Schizophrenia]. St. Peterburg, Juventa Publ., 1998. 294 p. (in Russian).
9. Korolenko Ts. P., Dmitrieva N. V. *Sotsiodinamicheskaya psikhiiatriya* [Sociodynamic Psychiatry]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ.; Yekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 2000. 460 p. (in Russian).
10. Tiganov A. S., Snezhnevsky A. V., Orlovskaya D. D. [et al.]. *Rukovodstvo po psikhiiatrii: v 2 t. T. 1* [Handbook of Psychiatry: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Meditsina Publ., 1999. 712 p. (in Russian).

11. Arieti S. *Interpretation of Schizophrenia*. 2nd ed., completely revised and expanded. New York, Basic Books, Inc., Publishers, 1974. 756 p.
12. Belinskaya E. P., Davydova I. S. Kottle's Graphic Test: Specificity of Time Perspective Indicators. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2007, vol. 12, no. 5, pp. 28–37 (in Russian).
13. Eydemiller E. G., Dobryakov I. V., Nikolskaya I. M. *Semeynyy diagnost i semeynaya psikhoterapiya. Uchebnoe posobie dlya vrachey i psikhologov*. 2-e izd. ispr. i dop. [Family Diagnosis and Family Psychotherapy. Textbook for Doctors and Psychologists]. St. Petersburg, Rech Publ., 2006. 352 p. (in Russian).
14. Melnikova M. L. *Risunok "Mat i ditya" v diagnostike privyazannosti: metodicheskoe rukovodstvo* [Sirotkin S. F., ed. Drawing "Mother and Child" in the Diagnosis of Attachment: Methodological Guidance]. Izhevsk, ERGO Publ., 2007. 216 p. (in Russian).
15. Venger A. L. *Psikhologicheskie risunochnye testy: illyustrirovannoe rukovodstvo* [Psychological Drawing Tests: An Illustrated Guide]. Moscow, VLADOS-PRESS Publ., 2007. 159 p. (in Russian).

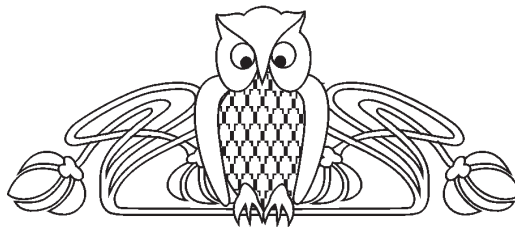
Поступила в редакцию 24.08.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 24.08.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 11.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 62–66
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 62–66
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-62-66>, EDN: QCERDT

Научная статья
УДК 159.972

Взаимосвязь отношения к болезни и социального восприятия у лиц с истерическим неврозом

С. Л. Руденко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14

Руденко Светлана Львовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии, rudenkosl.r1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4628-5764>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается отношение к болезни лиц с истерическим неврозом в аспекте когерентности с особенностями их социальной компетентности. Отмечается недостаточная изученность проблемного поля, что резонирует с увеличением темпов инвалидизации данного контингента. Сформулирована гипотеза, согласно которой обследуемые с истерическим неврозом имеют дисгармоничное и дезадаптирующее эгоцентрическое отношение к болезни, взаимосвязанное со значительным нарушением социального восприятия. **Эмпирический анализ.** В группе больных с истерическим неврозом фиксируется контаминация эгоцентрического и сенситивного типов отношения к болезни. Выявлено умеренное снижение способности к считыванию эмоций по мимике, позе и жестам, пониманию логики развития социальных ситуаций и предвидению их исходов. Прослеживается тесная обратная связь между характеристиками дисгармоничных типов отношения к болезни, обуславливающих сенсibilизированную интерпсихическую направленность, и комплексным показателем социального интеллекта. **Заключение.** Выявленные типы отношения к болезни предопределяют завышенную эгоцентрическую ориентацию, сочетающуюся с ранимостью, поглощенностью мыслями о производимом в связи с болезнью впечатлении. Возникают трудности концентрации внимания на перцептивных деталях, происходит избирательная фиксация на субъективно значимых аспектах содержания коммуникации, что препятствует социальному метаанализу и дезадаптирует в обществе.

Ключевые слова: истерический невроз, отношение к болезни, социальное восприятие, социальный интеллект, социальная дезадаптация

Для цитирования: Руденко С. Л. Взаимосвязь отношения к болезни и социального восприятия у лиц с истерическим неврозом // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 62–66. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-62-66>, EDN: QCERDT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The relationship between the attitude to the disease and social perception in persons with hysterical neurosis

S. L. Rudenko

Belgorod State National Research University, 14 Studencheskaya St., Belgorod 308007, Russia

Svetlana L. Rudenko, rudenkosl.r1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4628-5764>

Abstract. Introduction. The study is aimed at examining the attitude to the disease of persons with hysterical neurosis in the aspect of coherence with the peculiarities of their social competence. Insufficient knowledge of the problem field is shown, which resonates with an increase in the rate of disability of this contingent. The hypothesis is formulated that the subjects with hysterical neurosis have a disharmonious and maladapting egocentric attitude to the disease, interconnected with a significant violation of social perception. **Empirical analysis.** In a group of patients with hysterical neurosis, contamination of egocentric and sensitive types of attitude to the disease is recorded. A moderate decrease in the ability to read emotions by facial expressions, posture and gestures, understanding the logic of the development of social situations and anticipating their outcomes was revealed. There is a close feedback between the characteristics of disharmonious types of attitude to the disease, which cause sensitized interpsychic orientation, and a complex indicator of social intelligence. **Conclusion.** The revealed types of attitude to the disease cause an overestimated egocentric orientation, combined with vulnerability, preoccupation with thoughts about the impression made in connection with the disease. There are difficulties in concentrating on perceptual details, there is a selective fixation on subjectively significant aspects of the content of communication, which hinders social meta-analysis and disadapts in society.

Keywords: hysterical neurosis, attitude to illness, social perception, social intelligence, social maladaptation

For citation: Rudenko S. L. The relationship between the attitude to the disease and social perception in persons with hysterical neurosis. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 62–66 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-62-66>, EDN: QCERDT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Изучение когнитивной сферы лиц с неврозами представляет центральную линию научного поиска в течение последних десятилетий. Хронологически разработкам теории нарушения социальной перцепции и интеллекта у лиц с неврозами предшествовали исследования характера социального метаанализа у больных с различными формами шизофрении. Первоначально была изучена параноидная шизофрения с клинически четко очерченными симптомами, затем неврозоподобная, имеющая неявные, маскированные психопатологические проявления. Нозоспецифический рельеф данного заболевания позволил увидеть в максимальном приближении искаженный когнитивный стиль больных, отличающийся ригидной ограниченностью и паралогикой в выборе критериев фильтрации информации, полисемантизмом в толковании эмоциональных состояний, но чаще тотальным игнорированием социальных аспектов коммуникации [1].

Нарушение социального восприятия у больных неврозами исследовано недостаточно отчасти потому, что работы, связанные с данной тематикой, берут начало лишь со второй половины XX в. Результаты показывают наличие у данного контингента проблем с анализом отдельных эмоциональных реакций, связанных с ними поведенческих актов и в целом ситуаций взаимодействия в обществе. Указанные дефициты большинством ученых рассматриваются как преморбидные факторы, стимулирующие развитие невротической симптоматики [2]. Изучение нарушения социального восприятия больных непосредственно с истерическим неврозом позволило установить связь с актуализированными в ходе тестирования неудовлетворенными потребностями [3]. Больные трактовали мысли и чувства персонажей через призму стремления к самовыражению и самоутверждению, положительной внешней оценке, а также в связи с любовно-эротическими желаниями [4]. Превалировал субъективизм, в котором прослеживалось отсутствие подлинных эмпатических и аффилиативных тенденций [5].

Вопрос системного чувствования болезни и реагирования на нее среди лиц с неврозами разработан основательно. Показано, что у представителей данной когорты преобладают характеристики тревожного, апатического и дисфорического профилей [6]. Им свойственны повышенная бдительность в плане воз-

можных изменений состояния, напряженное ожидание нежелательных симптомов, слабая настроенность на выздоровление и проявления злобно-тоскливого настроения [7]. В многочисленных исследованиях показано, что для контингента с диагностированным истерическим неврозом характерны эгоцентрический тип отношения к болезни, часто проявляемая нарочитость в предъявлении жалоб, ориентация на сочувствие родственников и их всецелое внимание [8].

В литературе не представлено убедительных данных о взаимосвязи отношения к болезни и социального восприятия контингента с истерическим неврозом. Имеющиеся косвенные, довольно фрагментарные выводы ограничивают возможности дифференциальной диагностики, потенциал психологического консультирования, терапии и реабилитации.

Собственное исследование вскрывает специфические характеристики социального восприятия, типичные для истерического радикала, и показывает их во взаимосвязи с паттернами отношения к болезни. Выбранное направление научного поиска имеет большое значение. Оно актуально как в клиничко-психологическом плане, так и в широком социальном контексте, поскольку направлено на расширение потенциала ранней диагностики нарушения метакогнитивного функционирования, а значит своевременное предупреждение связанных с выявленными дефицитами ограничений жизнедеятельности и инвалидизации.

Исходя из проведенного теоретического анализа сформулирована гипотеза: обследуемым с истерическим неврозом свойственно дисгармоничное и дезадаптирующее эгоцентрическое отношение к болезни, взаимосвязанное со значительным нарушением социального восприятия.

Исследование подчинено цели, которая состоит в обнаружении взаимосвязи отношения к болезни и социального восприятия у лиц с истерическим неврозом.

Поставлены следующие задачи:

- 1) идентифицировать и проанализировать отношение к болезни у обследуемых основной группы;
- 2) определить степень и качество нарушения социально-перцептивного и интеллектуального компонентов целостного метаанализа коммуникативных процессов;
- 3) показать феноменологию взаимной нозоспецифической согласованности отношения к болезни и социального восприятия.

Методы

Психическое состояние лиц с истерическим неврозом оценено при помощи «Опросника невротических состояний» К. К. Яхина, Д. М. Менделевича. Системное представление об отношении к болезни сформировано на основе методики «ТОБОЛ» Л. И. Вассермана, Б. В. Иовлева, Э. Б. Карповой. Социальная перцепция и интеллект изучены на материале тестов «Распознавание эмоций» Н. Г. Гаранян, «Поза и жест» Н. С. Курека, «Социальный интеллект» J. P. Guilford, М. О. Sullivan в русскоязычной адаптации Е. С. Михайловой. Статистические расчеты, включая центральный корреляционный анализ Спирмена, проведены на основе электронных ресурсов программы SPSS Statistics 17.0.1.

К исследованию привлекались лица с истерическим неврозом, проходившие плановую экспертизу медико-социального профиля для установления группы инвалидности на основании стойких ограничений жизнедеятельности, вызванных имеющейся психической патологией. Прицельно изучаемые больные с истерическим неврозом вошли в возрастной континуум 25–50 лет ($37,5 \pm 1,57$) с длительностью фиксации симптомов 1–25 лет ($12,75 \pm 1,37$).

Включение в основную группу осуществлялось по следующим критериям:

- 1) отсутствие признаков психотического регистра;
- 2) ведущая роль психогенных факторов в возникновении и декомпенсации нозоспецифических симптомов;
- 3) выявление характерных для каждого клинического варианта типов невротических конфликтов;
- 4) эгодистонический характер психопатологических проявлений с сохранением критичности к своему состоянию.

120 нормотипичных обследуемых, обеспечивающих сравнение показателей, не имеют достоверных различий с основной группой по признакам пола и возраста ($p \leq 0,05$).

Эмпирический анализ

В группе лиц с истерическим неврозом выявлено закономерное доминирование истерического типа реагирования ($-5,95 \pm 0,58$), сопровождающегося выраженной вегетативной откликаемостью ($-6,5 \pm 0,79$). Отчетливо повышен уровень невротической депрессии ($-2,88 \pm 0,23$) и тревоги ($-1,3 \pm 0,18$). Обсессивно-фобические нарушения ($1,2 \pm 0,15$) и уровень астении

($1,11 \pm 0,15$) соответствуют пограничным значениям. Расхождения между показателями больных и здоровых обследуемых значимы ($p \leq 0,05$).

В основной группе фиксируется контаминация эгоцентрического ($41,24 \pm 0,34$) типа отношения к болезни и сенситивного ($39,02 \pm 0,15$). Сочетание типов из области условного «третьего блока» задает сенсibiliзованную интерпсихическую направленность, объясняющую социальную дезадаптацию.

Выявлена недостаточная способность к считыванию эмоций непосредственно по мимике ($11,38 \pm 0,4$). Определяется умеренная степень нарушений, что имеет объективные различия с нормативными показателями обследуемых группы контраста ($17,06 \pm 0,33$, $p = 0,04$). Фиксируются грубые ошибки идентификации презрения ($0,33 \pm 0,05$) и страдания ($0,55 \pm 0,05$). Распознавание удивления ($2,23 \pm 0,08$) и страха ($2,31 \pm 0,07$) соответствует среднему уровню. Определение гнева ($2,97 \pm 0,03$) и радости ($2,99 \pm 0,12$) реализуется максимально верно.

В группе больных истерическим неврозом обнаруживается умеренное снижение показателей расшифровки состояний по позе и жестам ($12,45 \pm 0,83$), что значительно отличается от высоких показателей тестирования обследуемых без патологии ($18,19 \pm 0,97$, $p = 0,04$). Дифференцированные по эмоциям средние взвешенные показатели идентичны данным предыдущего теста.

В подгруппе больных истерическим неврозом данные по субтестам, диагностирующим способности понимать смысловые вариации вербальных сообщений ($2,24 \pm 0,16$), логику динамики социальных ситуаций ($2,32 \pm 0,25$), а также предвидеть их исходы ($2,38 \pm 0,34$) на основе неречевых посланий ($2,4 \pm 0,39$), характеризуются средними показателями. В контрольной группе все субтесты выполнены на высоком уровне ($p = 0,03$).

Выявлена отрицательная взаимосвязь эгоцентрического ($r = -0,93$, $p = 0,01$) и сенситивного ($r = -0,91$, $p = 0,01$) типов отношения к болезни с комплексным показателем социального интеллекта. Соответственно, дефициты социального интеллекта задают искаженное дезадаптивное отношение к болезни.

Таким образом, в подгруппе больных истерическим неврозом регистрируется преувеличенная эгоцентрическая направленность, сопряженная со способностью находить и использовать выгоды в своем состоянии. Обследуемые намеренно раскрывают свои страдания перед окружающими, зачастую в претенциозной ма-

нере, они ориентированы на поиск внимания и заботы о себе, проявляют нежелание участвовать в решении проблем близких, упорно отстаивают собственную исключительность и привилегированность по причине патологии. Данный контингент весьма раним, имеет страх перед увеличением дистанции с социумом в связи с болезнью.

Выявлено умеренное снижение социально-го восприятия, раскрывающееся в коммуникативных процессах через смысловые смещения вербальных посланий и искажения декодирования невербальных паттернов. Нарушена способность определять и прогнозировать поведение людей в ситуациях социального взаимодействия. Больные склонны к формированию сугубо личностных выводов и прогнозов.

Выявленные типы отношения к болезни обуславливают завышенную эгоцентрическую ориентацию, сочетающуюся с ранимостью, поглощенностью мыслями о производимом в связи с болезнью впечатлении. Однако попытки предупредить недоброжелательность социума и избежать стигматизации препятствуют сохранению достаточной концентрации внимания на перцептивных деталях. Данные особенности детерминирует избирательное застревание на различных аспектах содержания коммуникации. Формируют пространство для актуализации проекций и реализации ожиданий. Следовательно, гипотеза в части выраженности нарушения социального восприятия больных не подтвердилась. Социальная перцепция и интеллект имеют умеренные дефициты. Полное подтверждение научного предположения отмечается в вопросе взаимосвязи параметров отношения к болезни и социального восприятия, способствующих снижению социальной компетентности и постепенной дезинтеграции данного контингента во всех ключевых сферах жизни.

Заключение

Выявление отношения к болезни обследуемых с истерическим неврозом показало сочетание эгоцентрического и сенситивного типов. Больные фиксированы на себе. С одной стороны, они ощущают условную выгоду от состояния своего здоровья, дающую возможность манипулирования окружающими людьми в своих интересах; с другой – чувствуют стигматизированность патологическими симптомами, уязвимость и опасаются отдаления от социума.

Результаты исследований показывают умеренную степень выраженности нарушения социального восприятия в группе лиц с неврозами, проявляющуюся недостаточной чувствительностью к оттенкам вербальной коммуникации и состояниям, передаваемым пантомимикой. Больные недостаточно точно распознают намерения своих партнеров, допускают ошибки в предвидении логики их развития.

Прослеживается тесная обратная взаимосвязь между выявленными эгоцентрическим, сенситивным типами отношения к болезни и качеством реализации социального восприятия. Полученные выводы подтверждают необходимость психологических интервенций, направленных на преодоление имеющихся дефицитов и повышение социальной включенности лиц данной нозологической группы.

Список литературы

1. Brune M. D. «Theory of mind» in Schizophrenia: A review of the literature // *Schizophrenia Bulletin*, 2005. Vol. 31, № 1. P. 21–42. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbi002>
2. Fonagy P., Gergely G., Jurist E. L., Target M. *Affect regulation, mentalization and the development of the self*. New York : Other Press, 2002. 592 p.
3. Broome M. R. A neuroscience of hysteria? // *Curr. Opin. Psychiatry*. 2004. Vol. 17. P. 465–469.
4. Kozłowska K. The developmental origins of conversion disorders // *Clin Child Psychol Psychiatry*. 2007. Vol. 12 (4). P. 487–510.
5. Семке В. Я. *Очерки об истерии*. Томск : Издательство Томского университета, 2008. 474 с.
6. Днов К. В., Тарумов Д. А., Ятманов А. Н. Особенности отношения к болезни соматических больных и больных неврозами // *Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*. 2012. Т. 7, № 2. С. 632–633.
7. Николаева В. В. *Влияние хронической болезни на психику*. М. : Издательство МГУ, 1987. 167 с.
8. Ташлыков В. А. *Внутренняя картина болезни при неврозах и её значение для терапии и прогноза: автореф. дис. ... д-ра мед. наук*. СПб., 1986. 50 с.

References

1. Brune M. D. “Theory of mind” in Schizophrenia: A review of the literature. *Schizophrenia Bulletin*, 2005, vol. 31, no. 1, pp. 21–42. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbi002>
2. Fonagy P., Gergely G., Jurist E. L., Target M. *Affect regulation, Mentalization and the Development of the Self*. New York, Other Press, 2002. 592 p.

3. Broome M. R. A neuroscience of hysteria? *Curr. Opin. Psychiatry*, 2004, vol. 17, pp. 465–469.
4. Kozłowska K. The developmental origins of conversion disorders. *Clin. Child Psychol. Psychiatry*, 2007, vol. 12 (4), pp. 487–510.
5. Semke V. Ya. *Ocherki ob isterii* [Essays on Hysteria]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2008. 474 p. (in Russian).
6. Dnov K. V., Tarumov D. A., Yatmanov A. N. Features of the attitude to the disease of somatic patients and patients with neuroses. *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya* [Health is the basis of human potential: Problems and ways to solve them], 2012, vol. 7, no. 2, pp. 632–633 (in Russian).
7. Nikolaeva V. V. *Vliyanie khronicheskoy bolezni na psikhiku* [The Impact of Chronic Illness on the Psyche]. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1987. 167 p. (in Russian).
8. Tashlykov V. A. *The Internal Picture of the Disease in Neurosis and Its Significance for Therapy and Prognosis*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Med.). St. Petersburg, 1986. 50 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 11.01.2023

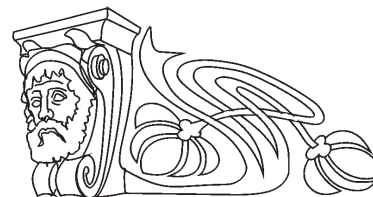

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 67–73
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 67–73
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-67-73>, EDN: QCGINX

Научная статья
УДК 159.944

Социально-психологические и личностные особенности проявления трудоголизма

Е. Н. Рядинская , В. В. Волобуев

Донбасская аграрная академия, Россия, 286157, г. Макеевка, ул. Ленина, д. 87

Рядинская Евгения Николаевна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии, член МНПФС, muchalola@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9924-881X>

Волобуев Вахтанг Вячеславович, кандидат медицинских наук, доцент кафедры психологии, член-корреспондент МАНПО, goodpsychologist@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6093-660X>

Аннотация. Введение. Важнейшей сферой жизни современного человека, занимающей большое количество времени, является трудовая деятельность, что может приводить к его неспособности полноценно уделять время общению с близкими людьми и уходу от собственных нерешенных жизненных и психологических проблем. **Теоретический анализ.** Анализ работ в области изучения трудоголизма свидетельствует о том, что большее внимание данной проблеме уделяется за рубежом, чем в России. Однако имеющиеся исследования в отечественном научном пространстве свидетельствуют о тенденции русскоязычного населения к риску развития трудоголизма. **Эмпирический анализ.** Изучение социально-психологических и личностных факторов трудоголизма позволило выявить, что значительную часть испытуемых можно отнести к «вынужденным» трудоголикам, которые не стремятся «уйти в работу» по различным причинам, а им приходится много трудиться. На основе иерархичной совокупности изученных социально-психологических и личностных факторов трудоголизма был смоделирован портрет «истинного» трудоголика, где наиболее выраженными выступают такие радикалы, как: «стремление к общественному одобрению», «тревожность» и «потребность в ощущении собственной значимости». **Заключение.** Анализ и обобщение результатов позволили выделить истинных и вынужденных трудоголиков и на основе корреляционного анализа построить «идеальный» психологический профиль трудоголика, включающий совокупность социально-психологических и личностных особенностей проявления трудоголизма в иерархической последовательности входящих в него радикалов. Перспективным направлением дальнейших исследований является построение многофакторных моделей связи между значением показателя трудовой зависимости, социально-психологическими факторами и личностными особенностями, на основе которых предполагается разработать формулу расчета предрасположенности к трудоголизму.

Ключевые слова: трудоголизм, социально-психологические особенности трудоголизма, личностные факторы трудоголизма, психологический профиль трудоголика

Для цитирования: Рядинская Е. Н., Волобуев В. В. Социально-психологические и личностные особенности проявления трудоголизма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 67–73. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-67-73>, EDN: QCGINX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Socio-psychological and personal characteristics of the manifestation of workaholism

Е. Н. Ryadinskaya , V. V. Volobuev

Donbass Agrarian Academy, 87 Lenina St., Makeevka 286157, Russia

Evgenia N. Ryadinskaya, muchalola@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9924-881X>

Vakhtang V. Volobuev, goodpsychologist@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6093-660X>

Annotation. Introduction. The most important sphere of a modern person's life, which takes up a large amount of time, is work activity, which can lead to an inability to fully devote time to communicating with loved ones and avoiding one's own unresolved life and psychological problems. **Theoretical analysis.** An analysis of works in the field of workaholism studies shows that more attention is paid to this problem abroad than in Russia. However, the available studies in the domestic scientific space indicate the tendency of the Russian-speaking population to the risk of developing workaholism. **Empirical analysis.** The study of socio-psychological and personal factors of workaholism revealed that a significant part of the subjects can be attributed to «forced» workaholics who do not seek to «go to work» for various reasons, but they

have to work hard. On the basis of a hierarchical set of studied socio-psychological and personal factors of workaholism, a portrait of a «true» workaholic was modeled, where such radicals as: «the desire for public approval», «anxiety», and «the need for a sense of self-worth» are the most pronounced. **Conclusion.** Analysis and generalization of the results made it possible to identify true and forced workaholics and, on the basis of correlation analysis, to build an “ideal” psychological profile of a workaholic, including a set of socio-psychological and personal characteristics of the manifestation of workaholism in the hierarchical sequence of its radicals. A promising direction for further research is the construction of multifactorial models of the relationship between the value of the indicator of labor dependence, socio-psychological factors and personal characteristics, on the basis of which it is supposed to develop a formula for calculating predisposition to workaholism. **Keywords:** workaholism, socio-psychological characteristics of workaholism, personal factors of workaholism, psychological profile of a workaholic

For citation: Ryadinskaya E. N., Volobuev V. V. Socio-psychological and personal characteristics of the manifestation of workaholism. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 67–73 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-67-73>, EDN: QCGINX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Анализ работ в области изучения трудоголизма свидетельствует о том, что большее внимание данной проблеме уделяется за рубежом (К. С. Андреассен, Д. К. Фельдман, М. Д. Гриффитс, Дж. Хетланд, С. Паллесен, В. Б. Шауфели и др.), чем в России [1–3]. Однако имеющиеся исследования в отечественном научном пространстве говорят о тенденции русскоязычного населения к риску развития трудоголизма (О. В. Лукьянов, Э. А. Щеглова, М. Ю. Балашова) [4].

Теоретический анализ

Теоретический анализ научных трудов, посвященных изучению трудоголизма, показывает, что трудовая деятельность была и остается неотъемлемой, важнейшей сферой жизни современного человека, занимает большое количество времени, что может приводить к его неспособности уделять полноценное внимание общению с близкими людьми и уходу от собственных нерешенных жизненных и психологических проблем [5, 6]. Следовательно, данный научный концепт набирает обороты в актуализации проведения современных исследований.

Эмпирический анализ

Целью эмпирического анализа является рассмотрение социально-психологических и личностных особенностей проявления трудоголизма.

Первоначально выборку составили 132 испытуемых разного пола, уровня интеллекта, профессиональной направленности и материального достатка. Из общего количества участвующих в интернет-опросе были отобраны 60 испытуемых, демонстрирующих характеристики трудоголика. Средний возраст респондентов 34 ± 6 лет.

Для формирования выборочной совокупности, а также изучения степени выраженности трудоголизма использовались следующие методы: «Методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей» Г. В. Лозовой (шкала «Трудовая зависимость») и опросник Б. Киллинджер «Шкала «межличностной девиантности». Для исследования личностных особенностей применялся пятифакторный опросник личности 5PFQ X. Тсуйи (в адаптации А. Б. Хромова). В качестве дополнительного методического подспорья мы использовали разработанные и апробированные нами анкеты «Самооценка трудоголизма», направленные на изучение когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов трудоголизма, а также «Социально-психологические предикторы трудоголизма», ориентированные на выявление социально-психологических факторов, потенцирующих трудоголизм [7].

Проанализировав и обобщив полученные результаты по методике диагностики склонности к 13 видам зависимостей» Г. В. Лозовой, а также опроснику «Шкала «межличностной девиантности» Б. Киллинджер, можно отметить, что существенных различий в распределении выраженности трудоголизма по выборке практически не имеется (рис. 1).

Кроме того, установлено, что наличие высокого уровня, т. е. крайне выраженного трудоголизма, выявлено у небольшой части респондентов (15 и 13%). Большинство же испытуемых имеют средний уровень трудоголизма.

Анализ проведенного анкетного опроса позволил прояснить результаты предыдущих методик. Так, согласно анкете «Самооценка трудоголизма» для значительной доли респондентов (40%) проявление трудоголизма на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях приемлемо и даже похвально. Для большей же части опрошенных (60%) трудоголизм является отрицательным фактором (когнитивный и

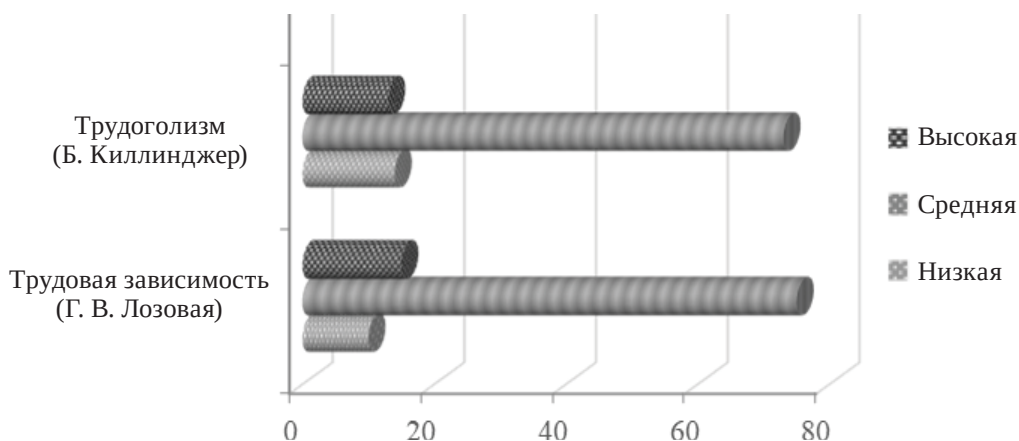

Рис. 1. Выраженность трудоголизма, %
Fig. 1. The severity of workaholism, %

эмоциональный компоненты), однако они вынуждены много работать (поведенческий компонент). Следовательно, можно условно разделить испытуемых на «подлинных» и «вынужденных» трудоголиков.

Следующая анкета «Социально-психологические предикторы трудоголизма» позволила исследовать социально-психологические факторы, потенцирующие трудоголизм. Высокий уровень социальной и(или) психологической значимости, с точки зрения респондентов, имеют следующие факторы: общественное одобрение (35%), аддитивные свойства организации (40%), деструктивная семья (38%), родительская семья в качестве модели подражания (35%), стремление ощутить собственную значимость (35%) и бегство от одиночества (35%). Как

видим, перечисленные факторы имеют для общества примерно одинаковую, достаточно высокую значимость, которую необходимо брать во внимание при определении предрасположенности к трудоголизму.

Благодаря личностному опроснику «Большая пятерка» Х. Тсуи (адапт. А. Б. Хромова) изучена выраженность первичных и вторичных факторов личности, наглядно продемонстрированных на рис. 2, 3.

Итак, установлено, что у большинства респондентов преобладают нормативные показатели, однако выявлены и такие испытуемые, результаты которых выходили за пределы нормы (выше и ниже), что свидетельствует об явно выраженных или заостренных характеристических чертах личности.

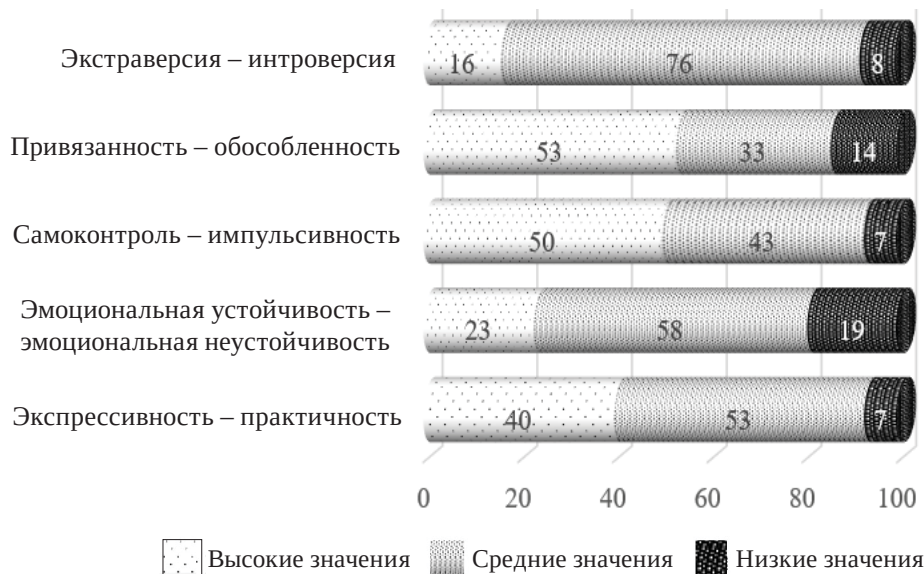

Рис. 2. Первичные (основные) факторы личности, %
Fig. 2. Primary (main) personality factors, %

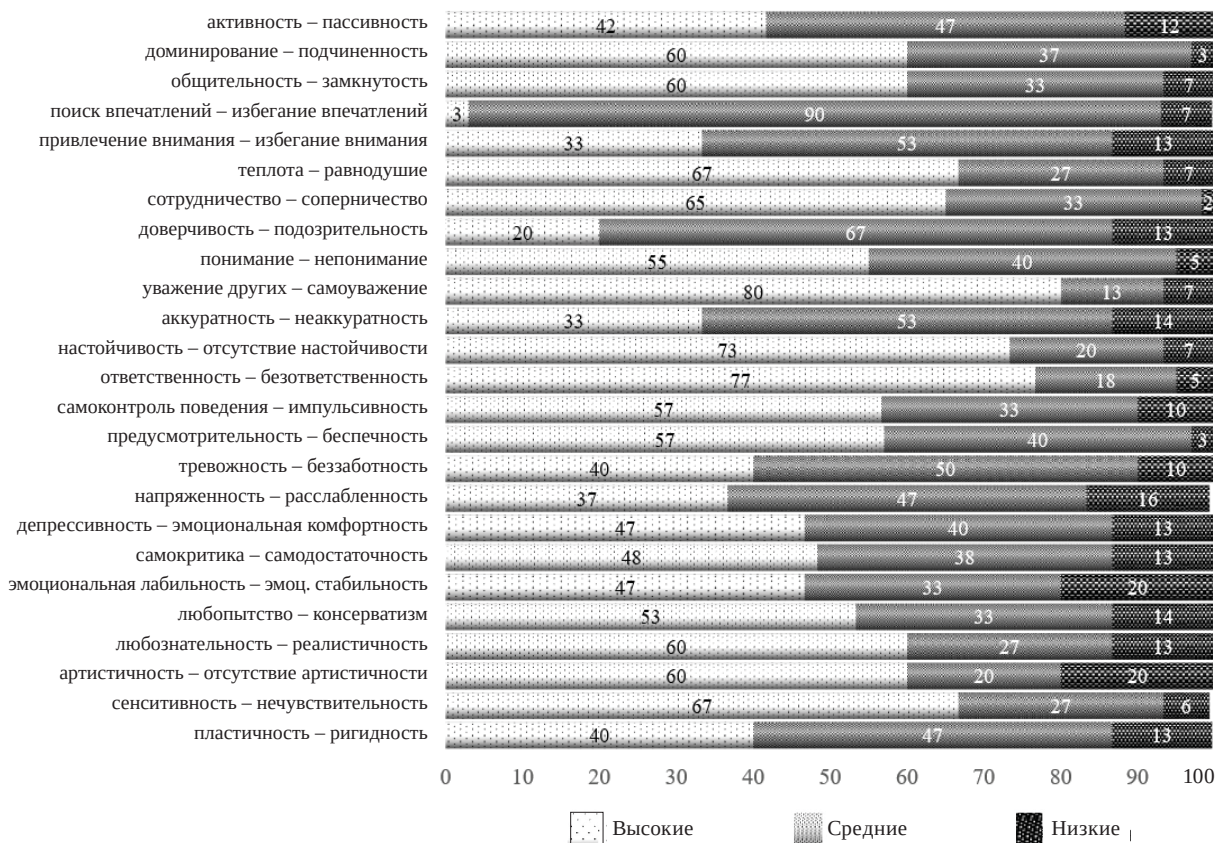

Рис. 3. Показатели личностных особенностей (вторичные признаки), %
 Fig. 3. Indicators of personality traits (secondary characteristics), %

Результат корреляционного анализа, основанный на подсчете коэффициента корреляции Пирсона r , демонстрирует наличие положительной средней ($|r| \geq 0,5$); и высокой ($|r| \geq 0,7$) связи между уровнем трудоголизма и социально-психологическими факторами: общественное одобрение ($r_1 = 0,71$); аддиктивные свойства организаций ($r_2 = 0,62$); деструктивная семья ($r_3 = 0,56$); родительская семья в качестве модели подражания ($r_4 = 0,55$); стремление ощутить собственную значимость ($r_5 = 0,63$); бегство от одиночества ($r_6 = 0,60$). Также средняя положительная связь ($|r| \geq 0,5$) наблюдается между проявлением трудоголизма и такими личностными коррелятами, как активность $r_a = 0,59$, ответственность $r_o = 0,62$, самоконтроль поведения $r_c = 0,51$, тревожность $r_m = 0,66$, напряженность $r_n = 0,56$, самокритика $r_c = 0,50$; обратная связь проявляется с ригидностью $r_p = -0,53$. Корреляционная связь с остальными факторами, входящими в пятифакторный опросник личности 5PFQ, статистически незначима, что подтверждают низкие коэффициенты корреляции $|r| < 0,5$ (таблица). К ним относится аккуратность

($r_a = 0,06$) и настойчивость ($r_n = 0,28$). К тому же, как показала выявленная обратная связь, для трудоголика характерно такое качество, как пластичность.

На основании выявленных статистически значимых корреляционных связей графически представим «идеальный» психологический профиль трудоголика (рис. 4.).

Под «идеальным» психологическим профилем трудоголика мы подразумеваем структурное изображение совокупности социально-психологических и личностных факторов, влияющих на проявления трудоголизма, представленных в иерархической последовательности входящих в него радикалов (на первом месте – доминирующий радикал, определяющий ведущую поведенческую тенденцию). В этом контексте обозначенный профиль свидетельствует о том, что в трудоголике наиболее доминирует радикал «стремление к общественному одобрению», на втором месте – радикал «тревожность», третьим по степени выраженности является радикал «потребность в ощущении собственной значимости», четвертым – «ответствен-

Теснота связи между значением показателя трудовой зависимости и социально-психологическими, личностными особенностями
Table. The tightness of the relationship between the value of the indicator of labor dependence and socio-psychological, personal characteristics

Факторы		r_{xy}
Социально-психологические факторы		
Общественное одобрение	ОО	0,71
Аддиктивные свойства организаций	АС	0,62
Деструктивная семья	ДС	0,56
Родительская семья в качестве модели подражания	СМ	0,55
Стремление ощутить собственную значимость	СЗ	0,63
Бегство от одиночества	БО	0,6
Личностные факторы		
Интроверсия – экстраверсия	АП	0,6
	ДП	0,06
	ОЗ	-0,23
	ПИ	-0,36
	ПВ-ИВ	-0,15
Ослабленность – привязанность	ТР	0,1
	СС	0,32
	ДП	-0,08
	ПН	0,31
	УД-С	0,17
Импульсивность – самоконтроль	АН	0,06
	НО	0,29
	ОБ	0,62
	СИ	0,52
	ПБ	0,45
Эмоциональная устойчивость – эмоциональная неустойчивость	ТБ	0,66
	НР	0,56
	Д-ЭК	0,37
	СС	0,50
	ЛС	0,002
Практичность – экспрессивность	ЛК	-0,2
	ЛР	-0,28
	А-ОА	0,1
	СН	0,28
	ПР	-0,53

ность», пятым – «подверженность влиянию аддиктивных свойств трудовой организации», шестым – «чувство одиночества», седьмым – «активность», восьмым – «напряженность», девятым – «нахождение в деструктивных се-

мейных связях», десятым – «влияние родительской семьи в качестве модели подражания», одиннадцатым – «пластичность (лабильность)», двенадцатым – «высокий самоконтроль поведения» и тринадцатым – «самокритичность».

Рис. 4. «Идеальный» психологический профиль трудоголика (цвет онлайн)
Fig. 4. The «ideal» psychological profile of a workaholic (color online)

Заключение

Значительную часть испытуемых можно отнести к «вынужденным» трудоголикам, которые не стремятся «уйти в работу» по различным причинам, а им приходится много трудиться. На основе иерархической совокупности изученных социально-психологических и личностных факторов трудоголизма был также смоделирован портрет «истинного» трудоголика, где наиболее выраженными выступают такие радикалы, как «стремление к общественному одобрению», «тревожность» и «потребность в ощущении собственной значимости».

Перспективным направлением дальнейших исследований является построение многофакторных моделей связи между значением показателя трудовой зависимости, социально-психологическими факторами и личностными особенностями, на основе которых предполагается разработать формулу расчета предрасположенности к трудоголизму.

Список литературы

1. *Andreassen C. S., Griffiths M. D., Hetland J., Pallesen S.* Development of a work addiction scale // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2012. Vol. 53, № 3. P. 265–272. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.2012.00947.x>
2. *Schaufeli W. B., Shimazu A., Taris T. W.* Being Driven to Work Excessively Hard: The Evaluation of a Two-Factor Measure of Workaholism in The Netherlands and Japan // *Cross-Cultural Research*. 2009. Vol. 43. P. 320–348. <https://doi.org/10.1177/1069397109337239>
3. *Ng T. W. H., Sorensen K. L., Feldman D. C.* Dimensions, antecedents, and consequences of workaholism: a conceptual integration and extension // *Journal of Organizational Behavior*. 2007. Vol. 28, № 1. P. 111–136. <https://doi.org/10.1002/JOB.424>
4. *Лукиянов О. В., Щеглова Э. А., Балашова (Аркан) М. Ю.* Исследование риска развития психологической зависимости от работы (трудоголизма) в современной России // *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 363. С. 183–187.
5. *Ловаков А. В.* Связь между организационной идентификацией и благополучием работника: роль трудоголизма как медиатора: дис. ... канд. психол. наук. М., 2018. 139 с.

6. Агафонова М. С., Половинкин И. С., Хонина В. В. Трудоголизм и синдром хронической усталости в управленческой деятельности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. URL: <http://e-koncept.ru/2018/0.htm> (дата обращения: 18.10.2022).
7. Балко А. А. Психологический анализ проблемы трудоголизма // Молодежная наука: вызовы и перспективы: материалы III Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Макеевка, 6 апреля 2020 г.) / под ред. В. И. Веретенникова. Макеевка : ДОНАГРА, 2020. С. 20–23.
8. Agafonova M. S., Polovinkin I. S., Khonina V. V. Workaholism and chronic fatigue syndrome in management. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Konsept»* (Scientific and methodological electronic journal "Concept"), 2018. Available at: <http://e-koncept.ru/2018/0.htm> (accessed 18 October 2022) (in Russian).
9. Balko A. A. Psychological analysis of the problem of workaholism. In: Veretennikov V. I., ed. *Molodezhnaya nauka: vyzovy i perspektivy: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* [Youth science: Challenges and prospects. Materials of the III International scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists (Makeevka, April, 6, 2020)]. Makeevka, DONAGRA Publ., 2020, pp. 20–23 (in Russian).
10. Lukyanov O. V., Shcheglova E. A., Balashova (Arkan) M. Yu. Study of the risk of developing psychological dependence on work (workaholism) in modern Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2012, no. 363, pp. 183–187 (in Russian).
11. Lovakov A. V. *Relationship between organizational identification and employee well-being: The role of workaholism as a mediator*. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 2018. 139 p. (in Russian).
12. Agafonova M. S., Polovinkin I. S., Khonina V. V. Workaholism and chronic fatigue syndrome in management. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Konsept»* (Scientific and methodological electronic journal "Concept"), 2018. Available at: <http://e-koncept.ru/2018/0.htm> (accessed 18 October 2022) (in Russian).
13. Balko A. A. Psychological analysis of the problem of workaholism. In: Veretennikov V. I., ed. *Molodezhnaya nauka: vyzovy i perspektivy: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* [Youth science: Challenges and prospects. Materials of the III International scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists (Makeevka, April, 6, 2020)]. Makeevka, DONAGRA Publ., 2020, pp. 20–23 (in Russian).

References

1. Andreassen C. S., Griffiths M. D., Hetland J., Pallesen S. Development of a work addiction scale. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2012, vol. 53, no. 3, pp. 265–272. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.2012.00947.x>
2. Schaufeli W. B., Shimazu A., Taris T. W. Being Driven to Work Excessively Hard: The Evaluation of a Two-Factor Measure of Workaholism in The Netherlands and Japan. *Cross-Cultural Research*, 2009, vol. 43, pp. 320–348. <https://doi.org/10.1177/1069397109337239>
3. Ng T. W. H., Sorensen K. L., Feldman D. C. Dimensions, antecedents, and consequences of workaholism: A conceptual integration and extension. *Journal*

Поступила в редакцию 26.10.2022; одобрена после рецензирования 12.12.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 26.10.2022; approved after reviewing 12.12.2022; accepted for publication 11.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 74–78

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 74–78

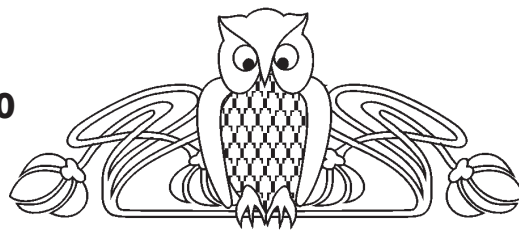
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-74-78>, EDN: HVYMEA

Научная статья
УДК 159.9.316.6

О некоторых факторах субъективного экономического благополучия

Е. Д. Сучков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Сучков Егор Дмитриевич, аспирант кафедры социальной психологии образования и развития, suchkoved@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3631-3872>

Аннотация. Введение. Одной из основных мотиваций человеческого сообщества является стремление к благополучию, а его субъективное ощущение служит основой полноценной жизни личности. Именно поэтому изучение субъективного экономического благополучия выступает актуальной задачей современной психологии. Термин субъективное экономическое благополучие впервые появился благодаря работам Б. Струмпел и А. Кэмпбел. Под ним подразумевался результат социального сравнения фактического статуса человека с его потребностями и восприятием собственного положения. Цель данной работы – проведение анализа влияния на субъективное экономическое благополучие личности некоторых факторов: доход, образование, здоровье. Проведен аналитический обзор работ зарубежных и отечественных авторов, посвященных обсуждению трех значимых факторов субъективного экономического благополучия: дохода, образования, здоровья. **Теоретический анализ** позволяет определить влияние дохода, образования и здоровья на СЭБ. **Эмпирический анализ** помог выявить положительное и значительное влияние трех выбранных факторов на субъективное экономическое благополучие. **Заключение.** Результаты исследований показали, что выбранные три фактора СЭБ в развитых странах являются фундаментом благополучия людей. Однако влияние этих же факторов в развивающихся странах может быть существенно ниже и для подтверждения этого факта требуются дальнейшие исследования.

Ключевые слова: субъективное экономическое благополучие, доход, образование, здоровье

Для цитирования: Сучков Е. Д. О некоторых факторах субъективного экономического благополучия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 74–78. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-74-78>, EDN: HVYMEA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Some factors of subjective economic well-being

E. D. Suchkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Egor D. Suchkov, suchkoved@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3631-3872>

Abstract. Introduction. One of the main motivations of the human community is the desire for well-being, and its subjective feeling is the basis of a full-fledged life of the individual, which is why the study of subjective economic well-being (SWB) is an urgent task of modern psychology. The term “SWB” first appeared thanks to the works of B. Strumpel and A. Campbell. The concept was defined as the result of a social comparison of the actual status of a person with his needs and perception of his own position. The purpose of this work is to analyze the influence of certain factors on the personal subjective economic well-being: income, education, health. The article provides an analytical review of the works of foreign and domestic authors devoted to the discussion of three significant factors of subjective economic well-being: income, education, health. **Theoretical analysis.** Comparative analysis allows us to determine the impact of income, education and health on SWB. **Empirical analysis.** The analysis helps to identify the positive and significant impact of the three selected factors on the SWB. **Conclusion.** The research results have shown that the selected three factors of SWB in developed countries are the foundation of people's well-being. But the influence of these same factors in developing countries may be significantly lower and further research is required to confirm this fact.

Keywords: subjective economic well-being, income, education, health

For citation: Suchkov E. D. Some factors of subjective economic well-being. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 74–78 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-74-78>, EDN: HVYMEA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Три фактора – здоровье, образование и доход – долгое время считались фундаментом благосостояния человека. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), разработанный и введенный в 1990 г. Организацией Объединенных Наций, был ориентирован именно на эти три фактора субъективного экономического благополучия (СЭБ), чтобы проводить сравнения социального прогресса между странами. Цель введения ИРЧП состояла в том, чтобы сместить фокус политики с экономического роста на социальное обеспечение. Однако конкретный способ, которым каждый из этих трех факторов вносит свой вклад в субъективное экономическое благополучие, является предметом дискуссий.

В данной статье проводится аналитический обзор научных работ ряда зарубежных исследователей, посвященных факторам субъективного экономического благополучия (СЭБ), в частности образованию, здоровью и доходу.

Теоретический анализ

В основу теоретического анализа положена статья испанских ученых Рубена Аррондо, Ана Каркаба и Эдуардо Гонзалес, посвященная СЭБ. В ней исследуется эволюция движущих сил (состояние здоровья, образование и навыки, социальные связи, качество окружающей среды, баланс между работой и личной жизнью и другие), которые формировали СЭБ в Испании в 2013–2018 гг. [1]. Данные взяты из опроса двух разных периодов. Первый (2013 г.) характеризуется отрицательным экономическим сценарием вследствие глобального финансового кризиса 2008 г. Второй (2018), наоборот, отличается стремительным восстановлением экономики.

Анализ двух периодов (2013, 2018 гг.) был сосредоточен на выявлении причин, по которым люди чувствуют себя удовлетворенными или неудовлетворенными своей жизнью. Выборка почти поровну разделена по полу, а средний возраст опрошенных составляет около 43–44 лет. Переменная удовлетворенности жизнью в среднем составила 6,96 в 2013 г. Как и предполагалось, в период восстановления экономики в 2018 г. средний показатель СЭБ значительно вырос, достигнув значения 7,46. Что касается материальных условий, средний доход и благосостояние, о которых сообщалось за 2013 и 2018 гг., составили 36,3 и 39,3 соответственно, что снова отражает последствия восстановления экономики.

Все качественные переменные (QoL) улучшились за анализируемый период. Качество окружающей среды, личная безопасность и социальные связи получают очень высокие средние баллы в оба периода. С другой стороны, образование и навыки, а также гражданское участие и управление являются самыми низкими средними показателями. Эти цифры свидетельствуют о слабостях системы образования и недоверии к политической и правовой системам. Заметны некоторые шаги в правильном направлении, поскольку за рассматриваемый период уровень образования вырос с 5,87 до 6,40. Иначе говоря, объективные экономические факторы (например, доход, образование, гражданское участие, здоровье, баланс работы и личной жизни и др.) могут служить весомым основанием для изменения субъективного экономического благополучия.

В то время, как индивидуальное восприятие жизни может иметь генетическую основу, быть субъективным и уникальным для каждого человека, исследования указывают на определенные общие измеримые факторы, которые оказывают существенное влияние на СЭБ.

Уилсон в своей оригинальной работе выявил ряд факторов, способствующих СЭБ, приписывая счастье молодости, здоровью, хорошему образованию, достойной зарплате, экстраверсии, оптимизму, беззаботности, религиозности, самоуважению, трудовому духу и скромности стремления [2]. Большинство исследований свидетельствуют о том, что доход оказывает благоприятное влияние на уровень удовлетворенности жизнью отдельных людей, хотя взаимосвязь между этими переменными остается неясной и требует более доскональных исследований [3].

В обзоре исследований, проведенном Динер и Бисвас-Динер в 2002 г., отмечается, что влияние дохода на СЭБ является положительным, если это означает предотвращение бедности или проживание в развитой стране. Напротив, внутреннее влияние дохода в развитых странах более значимо. Стремления отдельных лиц смягчают влияние дохода, и, в свою очередь, прошлые доходы влияют на уровень стремлений людей [4].

Долан в 2008 г. утверждал, что маловероятно, что дополнительный доход для людей с достаточно высоким уровнем дохода приведет к существенному увеличению СЭБ [5]. Этот парадокс был отмечен ранее в работах Истерлина, который обнаружил, что люди с большим богатством в данном обществе счастливее, хотя уровень счастья возрастает не так интенсивно, как доход [6, 7]. Это напоминает об экономическом законе убывающей отдачи. Когда доход достаточно велик, другие факторы могут оказы-

вать большее влияние на счастье, в результате эффект дохода становится незначительным.

Грахам, Освальд, Бланчфлауэр отмечают, что образование может увеличить СЭБ, поскольку оно готовит людей к лучшему управлению своей жизнью, а также может повысить уровень стремлений, тем самым снижая уровень счастья. В некоторых исследованиях представлены доказательства положительного и значительного эффекта образования. Их авторы проводили эксперименты по тестированию теории социального сравнения, в результате которых была подтверждена гипотеза о том, что при увеличении дохода уровень счастья снижается. Однако достоверность проведенных исследований вызывает сомнения ввиду того, что они не осуществлялись в большем количестве стран.

Данные ограничения не подтверждают актуальность теории социального сравнения, которая предполагает отсутствие значимой связи между экономическим ростом и счастьем в долгосрочном периоде.

Напротив, другие исследования показали, что невелико влияние образования на доход и здоровье для субъективного экономического благополучия людей.

Эмпирический анализ

Обратимся к такому фактору благополучия, как здоровье.

Эмпирические данные фактора «здоровье» менее однозначны. Физическое и психологическое здоровье являются ключевыми факторами, определяющими СЭБ. Инвалидность оказывает негативное и длительное воздействие на удовлетворенность жизнью людей с ограниченными возможностями и здоровые привычки, тесно связанные с удовлетворенностью жизнью.

Таким образом, индивидуальное и отдельное влияние каждого из названных трех переменных на СЭБ становится трудно идентифицировать. Кроме того, между этими переменными могут существовать важные косвенные эффекты. Например, в некоторых исследованиях было обнаружено значительное косвенное влияние образования на субъективное экономическое благополучие [8]. Хотя доход, образование и здравоохранение являются основными факторами СЭБ, список переменных, которые в большей или меньшей степени влияют на субъективное экономическое благополучие, намного шире. Индекс лучшей жизни ОСЭР (созданный в мае 2011 г. Организацией экономического сотрудничества и развития, является инициативой,

направленной на разработку экономических показателей, которые лучше отражают различные аспекты экономического и социального прогресса) предоставляет полное описание, которое отличает первый набор переменных материальных условий от второго набора показателей качества жизни. В соответствии с этим материальные условия представлены доходом и богатством, работой и заработком, а также жильем. Баланс между работой и личной жизнью, социальные связи, качество окружающей среды, безопасность – это список переменных, характеризующий качество жизни.

Следовательно, к индексу человеческого развития, объединяющего доход, образование и здравоохранение, уместно добавить некоторые важные аспекты жизни. С точки зрения материальных условий, трудовые вакансии и заработная плата, а также жилье являются важным дополнением к доходу и богатству. Кларк и Освальд отметили, что люди приписывают безработице субъективные издержки в виде потери СЭБ, значительно превышающие те, которые соответствовали бы потере дохода. Кроме того, безработные больше не возвращаются к прежним уровням СЭБ, когда они получают новую работу [9]. Следовательно, именно безработица, а не работа снижает уровень удовлетворенностью жизнью.

Рубен Аррондо, Ана Каркаба и Эдуардо Гонсалес представили в своих исследованиях географическое распределение субъективного экономического благополучия на территории Испании за 2018 г. и изменение, по сравнению с 2013 г. Автономными сообществами (АК) или регионами с наибольшими средними показателями являются Балеарес (8,29), Коммунидад-Валенсия (7,95) и Арагон (7,81). С другой стороны, Андалусия (6,20), Паис Васко (6,98) и Галисия (6,99) показывают самые низкие значения. Хотя существуют некоторые различия, география, по видимому, не является определяющим фактором.

Существенный прирост СЭБ наблюдается в Галисии (12,74%), Коммунидад-Валенсии (12,44%), Эстремадуре (12,25%), Канарских островах (12,18%), Кантабрии (12,02%), Балеаресе (11,27%) и Кастилии и Леоне (10,89%). С другой стороны, наблюдается небольшой регресс в Паис-Васко (-2,24%) и Мадриде (-1,68%). Интересно, что в этих двух регионах были самые низкие показатели безработицы во время кризиса. Напротив, регионы, сильно пострадавшие от кризиса, с высоким уровнем безработицы, затем зарегистрировали быстрый рост активности и занятости. Некоторые из них

тесно связаны с восстановлением туристического сектора (Канарские острова, Балеары и Коммунидад-Валенсия).

Исследовались работы Хелливеллу и Борини при анализе зависимой переменной, которая рассматривается как числовая в модели линейной регрессии. Из представленных авторами результатов можно сделать вывод, согласно которому переменные материальных условий оказывают существенное влияние на СЭБ. Полученные результаты указывают на безработицу как переменную, оказывающую негативное влияние на СЭБ в оба периода. Исходя из бета-коэффициентов, можно констатировать, что в 2013 г. эта переменная была более критичной, чем в 2018 г. Этот вывод снова согласуется с ожидаемым влиянием материальных условий СЭБ во время кризисов и периодов восстановления. Потеря работы во время глобального экономического спада приносит больше неопределенности и психологических страданий, чем потеря той же работы при сценарии восстановления. Влияние на СЭБ зависит не только от факта безработицы, но и от субъективной вероятности найти новую работу в обозримом будущем. Доход и богатство будут второй переменной по важности, а жилье – третьей. Эти результаты также соответствуют предыдущим исследованиям, которые документируют сильные негативные последствия безработицы даже после учета доходов и других переменных материальных условий.

Структурные модели объясняют примерно 40% дисперсии СЭБ. Это означает, что есть еще 60%, которые не могут быть объяснены социально-демографическими, материальными условиями и переменными качествами жизни. Люди, которые живут с кем-то (супруги, дети, родственники), имеют достаточный доход, удовлетворительную социальную жизнь и хорошее здоровье, будут намного счастливее, чем люди, которые живут в одиночестве. Более того, во времена кризиса безработица оказывает гораздо более разрушительное воздействие на восприятие человеком своего благосостояния, чем во времена восстановления.

Таким образом, три переменные оказывают положительное и значительное влияние на СЭБ: социальные связи, состояние здоровья и баланс между работой и личной жизнью.

Результаты исследования, приведенные в статье А. В. Шперлина, показали, что чем выше уровень образования у человека, тем выше уровень его дохода [10]. Они отражены в процентном соотношении – с доходом 3000 долл.

США 13,43% и с доходом 2000 долл. – 47,01%. А среди людей, не имеющих высшего образования, большее количество людей со средним уровнем финансового благосостояния – 1000 долл. США – 49,12% и 2000 долл. США – 26,31%.

Для группы со средним образованием характерно преобладание респондентов с доходом ниже среднего: 500 долл. США – 40,91% и 1000 долл. – 27,27%. Показательно, что только у одного человека со средним и у трех человек с незаконченным высшим образованием ежемесячный доход достигает высокого уровня – 3000 долл., тогда как в группе лиц с высшим образованием с указанным доходом насчитывается 18 чел.

На основании изложенного можно заключить, что у более образованных респондентов выше чувство удовлетворенности материальными условиями собственной жизни и степень оценки личного благополучия в экономической сфере.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что три выбранные переменные – образование, здоровье, доход – взаимосвязаны. У людей с образованием, как правило, более высокий доход и им свойственны полезные привычки в отношении здоровья. Также люди с солидным достатком прежде всего вкладывают в свое образование и здоровье. Аналогичным образом здоровый человек с большей вероятностью найдет престижные рабочие места и получит лучшее образование.

Таким образом, влияние, например, образования и дохода на СЭБ в странах третьего мира может быть существенно ниже по значимости, чем в развитых стран. Это предположение требует дальнейших исследований и поиска статистических данных.

Список литературы

1. Arrondo R., Carsaba A., Gonzaliz E. Factors of subjective well-being under various economic scenarios // *The Front. Psychology*. 2021. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.696184/full> (дата обращения: 05.08.2022).
2. Wilson W. Correlates of avowed happiness // *Psychology Bulletin*. 1967. № 67. P. 294–306. <https://doi.org/10.1037/h0024431>
3. Sacks W. D., Stevenson B., Wolfers J. Subjective well-being, income, Economic Development and Growth. London : National Institute of Economic Research, 2010. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w16441/w16441.pdf (дата обращения: 05.08.2022). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1691499>

4. Diener E., Biswas-Diener R. Will money increase subjective well-being? A literature review and guide to needed research // *Social Indicators Research*. 2002. № 57. P. 119–169. https://doi.org/10.1007/978-90-481-2350-6_6
5. Dolan P., Peasgood T., White M. Do we really know what makes us happy? A review of the economic literature on the factors associated with subjective well-being // *Journal of Economic Psychology*. 2008. № 29. P. 94–122. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2007.09.001>
6. Easterlin R. “Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence”. New York: Academic Press, 1974. 319 p. <http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-12-205050-3.50008-7>
7. Easterlin R. Will raising the incomes of all increase the happiness of all? // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1995. № 27. P. 35–47. [https://doi.org/10.1016/0167-2681\(95\)00003-b](https://doi.org/10.1016/0167-2681(95)00003-b)
8. Gerdtham U. G., Johannesson M. The relationship between happiness, health, and socio-economic factors: Results based on Swedish microdata // *The Journal of Socio-Economics*. 2001. № 30. P. 553–557. [https://doi.org/10.1016/S1053-5357\(01\)00118-4](https://doi.org/10.1016/S1053-5357(01)00118-4)
9. Clark A. E., Oswald A. J. Unhappiness and unemployment // *Economic Journal*. 1994. № 104. P. 648–659. <https://doi.org/10.2307/2234639>
10. Шперлин А. В. Роль фактора образования в детерминации субъективного экономического благополучия // Вектор науки ТГУ. 2013. № 4. С.184–186.
3. Sacks W. D., Stevenson B., Wolfers J. *Subjective well-being, income, Economic Development and Growth*. London, National Institute of Economic Research, 2010. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w16441/w16441.pdf (accessed 5 August 2022). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1691499>
4. Diener E., Biswas-Diener R. Will money increase subjective well-being? A literature review and guide to needed research. *Social Indicators Research*, 2002, no. 57, pp. 119–169. https://doi.org/10.1007/978-90-481-2350-6_6
5. Dolan P., Peasgood T., White M. Do we really know what makes us happy? A review of the economic literature on the factors associated with subjective well-being. *Journal of Economic Psychology*, 2008, no. 29, pp. 94–122. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2007.09.001>
6. Easterlin R. “Does Economic Growth Improve The Human Lot? Some Empirical Evidence”. New York, Academic Press, 1974. 319 p. <http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-12-205050-3.50008-7>
7. Easterlin R. Will raising the incomes of all increase the happiness of all? *Journal of Economic Behavior and Organization*, 1995, no. 27, pp. 35–47. [https://doi.org/10.1016/0167-2681\(95\)00003-b](https://doi.org/10.1016/0167-2681(95)00003-b)
8. Gerdtham U. G., Johannesson M. The relationship between happiness, health, and socio-economic factors: Results based on Swedish microdata. *The Journal of Socio-Economics*, 2001, no. 30, pp. 553–557. [https://doi.org/10.1016/S1053-5357\(01\)00118-4](https://doi.org/10.1016/S1053-5357(01)00118-4)
9. Clark A. E., Oswald A. J. Unhappiness and unemployment. *Economic Journal*, 1994, no. 104, pp. 648–659. <https://doi.org/10.2307/2234639>
10. Shperlin A. V. The role of the factor of education in determining subjective economic well-being. *Vektor nauki TGU* [Vector of Science TSU], 2013, no. 4, pp. 184–186 (in Russian).

References

1. Arrondo R., Carsaba A., Gonzaliz E. Factors of subjective well-being under various economic scenarios. *The Front. Psychology*, 2021. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.696184/full> (accessed 5 August 2022).
2. Wilson W. Correlates of avowed happiness. *Psychology Bulletin*, 1967, no. 67, pp. 294–306. <https://doi.org/10.1037/h0024431>

Поступила в редакцию 07.10.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 07.10.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 11.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 79–84
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 79–84
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-79-84>, EDN: HLOMTT

Научная статья
УДК 159.9:316.6

Психологическая готовность оперативной смены АЭС к работе в нестандартных ситуациях как условие ее групповой надежности

В. В. Толстиков

Воронежский государственный университет, Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1

Толстиков Виталий Владимирович, преподаватель кафедры общей и социальной психологии, tomsoyer1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7292-558X>

Аннотация. Введение. В статье анализируется феномен психологической готовности оперативных смен атомной электростанции (АЭС) к работе в нестандартных ситуациях. Исследование оперативных смен АЭС в данном направлении проведено впервые. **Теоретический анализ.** Психологическая готовность представляет собой условие формирования у оперативной смены такой ее характеристики, как групповая надежность, являющейся, в свою очередь, важнейшей предпосылкой безопасной и надежной работы смены. Теоретический анализ указывает на то, что групповая надежность оперативной смены – это характеристика, актуализирующаяся именно в условиях развития нестандартной ситуации. Готовность смены эффективно действовать в нестандартных ситуациях служит фактором, существенно повышающим шансы на адекватные действия в реальных условиях. **Эмпирический анализ.** В ходе эмпирического исследования установлено, что подавляющее большинство оперативных смен характеризуется средним и выше среднего уровнем психологической готовности к действиям в нестандартной ситуации, тогда как смен с низким или высоким уровнем выявлено не было. **Заключение.** Результаты указывают на достаточную сформированность психологического условия групповой надежности у оперативных смен АЭС. Тем не менее психологическая служба должна работать на укрепление психологической готовности подразделений к действиям в нестандартных ситуациях.

Ключевые слова: психологическая готовность, нестандартная ситуация, групповая надежность, оперативная смена АЭС

Для цитирования: Толстиков В. В. Психологическая готовность оперативной смены АЭС к работе в нестандартных ситуациях как условие ее групповой надежности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 79–84. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-79-84>, EDN: HLOMTT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Psychological readiness of the NPP operational shift to work in emergency situations as a condition of its group reliability

V. V. Tolstikov

Voronezh State University, 1 Universitetskaya pl., Voronezh 394018, Russia

Vitaly V. Tolstikov, tomsoyer1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7292-558X>

Abstract. Introduction. The article analyzes the phenomenon of psychological readiness of operational shifts of the nuclear power plant (NPP) to work in emergency situations. The study of operational shifts of nuclear power plants in this direction was conducted for the first time. **Theoretical analysis.** Psychological readiness is a condition for the formation of such a characteristic of an operational shift as group reliability, which, in turn, is the most important prerequisite for a safe and reliable work shift. Theoretical analysis indicates that group reliability of an operational shift is a characteristic that is actualized precisely in the conditions of the development of an emergency situation. Willingness to work effectively in emergency situations is a factor that significantly increases the chances of adequate actions in real conditions. **Empirical analysis.** The empirical study found that the overwhelming majority of the investigated operational shifts characterized by an average and above average level of psychological readiness for action in an emergency situation, while no shifts with a low or high level were revealed. **Conclusion.** Such results may indicate that this psychological condition of group reliability in operational shifts of the NPP is sufficiently well-formed. Nevertheless, the psychological service should work to strengthen the psychological readiness of units for action in emergency situations.

Keywords: psychological readiness, emergency situation, group reliability, operational change of NPP

For citation: Tolstikov V. V. Psychological readiness of the NPP operational shift to work in emergency situations as a condition of its group reliability. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 79–84 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-79-84>, EDN: HLOMTT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Возможно подготовить человека к эффективным действиям в условиях развития аварийной ситуации? Какие факторы влияют на это и можно ли ими управлять? Эти вопросы остаются актуальными для специалистов, занимающихся проблемами обеспечения безопасности потенциально опасных объектов (к их числу можно отнести и АЭС). Считаем, что готовность к действиям в условиях аварии связана не только с такими факторами, как теоретическая и практическая подготовленность, обученность, производственный опыт, но и с факторами психологического толка.

Теоретический анализ

Групповая надежность оперативной смены АЭС как трудовой группы – многоаспектная социально-психологическая характеристика, возникающая в нештатных ситуациях совместной профессиональной деятельности как результат взаимодействия ее членов и обеспечивающая продуктивное и своевременное решение производственных задач, что позволяет рассчитывать на безопасную эксплуатацию АЭС [1]. Полагаем, что оптимальный уровень групповой надежности служит важным психологическим условием для эффективной и безопасной работы смены как единого субъекта трудовой деятельности.

По нашему мнению, недостаточно рассматривать феномен надежности только на индивидуальном уровне, в системе «человек–машина». Безусловно, надежность отдельного человека-оператора – неотъемлемый фактор безошибочной, бесперебойной, безаварийной работы такой сложнейшей технико-технологической системы, как АЭС. Вместе с тем нельзя игнорировать групповой уровень проявления надежности, определяемый взаимосвязью и взаимовлиянием операторов АЭС друг на друга, на успешность деятельности, совершение или, наоборот, предотвращение ошибочных действий. Эту идею поддержит любой сотрудник предприятия, знакомый с процессами наладки, эксплуатации и ремонта оборудования. Те немногочисленные исследования (В. А. Машин, В. П. Третьяков, В. В. Толстикова, А. А. Широкова и др.), которые проведены по данной проблематике, также подтверждают эту мысль. Необходимо помнить и о том, что процессы взаимосвязанности и взаимозависимости людей внутри группы, по мнению А. Л. Журавлева [2], позволяют говорить

о наличии у оперативной смены АЭС важного критерия групповой субъектности. Ввиду этого считаем, что надежность целесообразно рассматривать как социально-психологический феномен именно в контексте групповой деятельности оперативного персонала АЭС.

Опираясь на работы С. В. Сарычева о феномене групповой надежности [3], мы предложили свой взгляд на ее структуру, включающую следующие составляющие: мотивационную, когнитивную, поведенческо-волевою, социально-психологическую. В частности, с поведенческо-волевой составляющей данного феномена соотносится психологическая готовность оперативной смены к работе в нештатной ситуации как одно из внутренних психологических условий формирования ее групповой надежности. На наш взгляд, психологическая готовность выполняет операционально-инструментальную и мобилизационно-результативную функции. В свою очередь, она опосредует развитие таких компонентов поведенческо-волевой составляющей групповой надежности, как обогащенная волевая саморегуляция, способность к сохранению группой организационного порядка и групповой опыт совместной деятельности.

Парадокс, связанный с групповой надежностью оперативной смены, обусловлен тем, что дать оценку уровня ее сформированности (констатировать, надежна смена или нет) мы можем только *de facto*, по результатам «прохождения» сменой нештатной ситуации, демонстрации в этих условиях ее профессиональных действий и квалификации их как эффективных или неэффективных. Все остальные методы оценки надежности (психофизиологическое обследование членов смены, наблюдение за их работой в нормальных условиях деятельности, в ходе противоаварийных тренировок и др.) позволяют говорить лишь о таких характеристиках смены, как успешность, безошибочность и помехоустойчивость деятельности. Оценить же надежность *in studo* с помощью таких методов не представляется возможным.

Таким образом, групповая надежность оперативной смены АЭС – феномен в некотором смысле таинственный: она актуализируется в тот момент, когда привычные условия профессиональной деятельности неожиданно изменяются, приобретая угрожающий характер, вызывая существенные риски для людей и окружающей среды. Групповая надежность – это своеобразный ответ оперативной смены на вызов нештатной ситуации. И именно последняя служит условием для проявления первой.

Нештатная ситуация, связанная с объективной и (или) субъективной утратой ощущения безопасности, актуализирует для оперативной смены ее основную задачу – поддержание процесса безопасной эксплуатации АЭС. И здесь на первый план выходит как раз групповая надежность оперативной смены, без которой решить данную задачу невозможно [4].

Можно ли подготовить оперативный персонал АЭС к развитию нештатной ситуации, сформировать у него психологическую готовность к ней? Этот вопрос был поставлен еще в первой половине 1990-х гг. [5]. Не потерял он своей актуальности и сегодня, когда в техническом и технологическом планах «контур безопасности» работы АЭС несравнимо вырос.

С одной стороны, персонал АЭС постоянно находится в состоянии перманентной «скрытой паники» [6], повышенного нервно-психического напряжения, осознавая все риски для здоровья и жизни, а также окружающей среды, которые влекут за собой те или иные нарушения в функционировании АЭС. С другой стороны, находясь в условиях постоянного высокого риска и угроз, люди в какой-то момент просто устают бояться, привыкают к опасностям [7] и сопровождающему их состоянию. И тогда могут наступить эффекты «пресыщения страхом», «охранительного торможения», психологической защиты. Этому способствуют и другие жизненные обстоятельства, также наполненные множеством опасностей для современного человека (техногенных, экологических, социальных и пр.). Кроме того, сама специфика работы оператора АЭС, его достаточно узкая специализация ведет к тому, что, как справедливо отмечается в литературе, «... отсутствие практики решения реальных задач приводит к разрушению соответствующих операций, к сокращению необходимого набора оперативных действий, навыков, умений. ... оператор обязан быть в постоянной готовности активно вмешаться в ход технологического процесса, в то время как реальные условия ... деятельности вызывают «угасание» активности, стереотипизацию (автоматизацию) и «неостребование» целых комплексов различных операций и действий» [5, с. 38]. Иными словами, возникает риск «разучиться» эффективно действовать в нештатных ситуациях. И в этом – серьезная проблема в психологической подготовке персонала АЭС к действиям в неожиданных, непривычных, незнакомых условиях.

Итак, можем заключить, что психологическая готовность к действиям в нештатных, в

том числе аварийных ситуациях – важнейшее психологическое условие групповой надежности оперативной смены АЭС. Говоря об этой готовности, мы имеем в виду не столько быстроту реакции работников или их функциональное состояние, сколько способность осмысленно действовать сообразно обстановке, критично ее оценивать, понимая, что объективные условия могут в любой момент потребовать инициативы, поскольку инструкции и предписания, как бы хорошо они ни были составлены, всегда ограничены и не могут предусмотреть абсолютно все возможные ситуации. Ключевой фигурой безопасного функционирования АЭС были и остаются люди, в том числе производственные подразделения.

Психологическую готовность оперативной смены АЭС мы понимаем как комплекс взаимосвязанных ее психологических качеств, обеспечивающих своевременное включение в деятельность по предотвращению развития внезапно возникшей нештатной ситуации (устранению) ее негативных последствий или опережающее включение в деятельность по недопущению риска ее возникновения. К таким свойствам мы относим: эмоционально-волевою мобилизованность, деловой настрой, мотивационную предрасположенность, умеренно выраженную психическую напряженность и тревожность, высокую нервно-психическую устойчивость, стрессоустойчивость, внимательное отношение к любым деталям производственной ситуации, высокий уровень сознательного контроля действий своих и коллег, профессиональную ответственность, психофизиологическую готовность (режим функционирования организма, обеспечивающий устойчивость психофизиологических процессов и работоспособность субъекта).

От чего зависит готовность оперативной смены АЭС к развитию той или иной нештатной ситуации? Здесь можно проследить сложное переплетение разных факторов. Любой сотрудник имеет свои представления о том, что есть нештатная ситуация (экстремальная, аварийная и др.) и каковы ее главные признаки. Но в то же время каждый член оперативной смены в процессе взаимодействия с коллегами оказывает воздействия на их профессиональные представления, так что в итоге у смены как малой группы могут возникать общие знания о том, что может привести к нештатной ситуации и каковы должны быть действия всей смены и каждого ее участника по предотвращению или преодолению последствий такой ситуации, зачастую катастрофических.

Эмпирический анализ

Нами было предпринято эмпирическое исследование уровня психологической готовности оперативных смен Нововоронежской АЭС (НВ АЭС) к работе в нештатных ситуациях. Объектом исследования выступили 47 оперативных смен, представляющих различные подразделения и цеха НВ АЭС, общим количеством 332 чел.

Ввиду отсутствия в диагностическом арсенале методики для измерения психологической готовности к действиям в нештатных ситуациях нами использовалась авторская методика графического шкалирования, содержащая 9 шкал.

Каждая из них отражает определенный аспект психологической готовности оперативной смены к работе в нештатных ситуациях. Данные обрабатывались путем измерения уровня выраженности каждого аспекта в условных баллах (на линии в 100 мм замерялось расстояние – в мм – от нижней точки шкалы до отметки, поставленной испытуемым). Был подсчитан суммарный балл по шкалам, после чего полученные результаты сравнивались со статистическими нормами, разработанными автором. На основе этого делалось заключение об уровнях психологической готовности оперативных смен к работе в нештатных ситуациях (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Распределение уровней психологической готовности оперативных смен НВ АЭС к работе в нештатных ситуациях (по выборке в целом)

Distribution of levels of psychological readiness of operational shifts of nuclear power plants to work in emergency situations (according to the sample as a whole)

Оперативные смены	Уровень психологической готовности к работе в нештатных ситуациях				
	низкий	ниже среднего	средний	выше среднего	высокий
Количество	0	1	21	25	0
%	0	2,1	44,7	53,2	0

Как следует из табл. 1, низкий уровень психологической готовности в обследованной выборке отсутствует, что вполне объяснимо самой систематической подготовкой персонала к работе в подобных условиях, которая практикуется на АЭС страны. Вместе с тем не обнаружено и смен с высоким уровнем психологической готовности.

Лишь у одной смены это психологическое условие групповой надежности сформировано на уровне ниже среднего, т. е. можно говорить о ее неготовности (не в профессиональном, а в психологическом смысле) к работе в нештатных ситуациях. В целом примерно у половины обследованных смен (у 22 смен, или 46,8% от выборки) психологическая готовность к работе в нештатных ситуациях выражена на среднем уровне. Эти смены могут несвоевременно включаться в предотвращение развития нештатной ситуации или устранение ее негативных последствий, испытывать затруднения в эмоционально-волевой мобилизации индивидуальных и групповых ресурсов, проявлять явную нервно-психическую напряженность в сочетании с недостаточной стрессоустойчивостью. 25 смен (53,2%) проявляют психологическую готовность на уровне выше среднего, что можно счи-

тать благоприятным условием формирования групповой надежности. Эти смены отличает деловой настрой, опережающее включение в деятельность по недопущению риска возникновения нештатной ситуации, повышенное внимание к любым деталям производственной ситуации, высокий уровень сознательного контроля действий своих и коллег по смене.

В табл. 2 содержатся результаты эмпирического изучения психологической готовности оперативных смен конкретных подразделений НВ АЭС.

Данные табл. 2 уточняют описанную картину. В каждом подразделении есть смены, у которых это психологическое условие групповой надежности достаточно выражено, и смены, у которых оно имеет сниженный уровень, осложняющий, по нашему мнению, проявление такими сменами групповой надежности. И только у всех смен такого подразделения, как БЩУ-4 психологическая готовность сформирована на уровне выше среднего, что благоприятствует их групповой надежности.

Кроме количественно-качественного анализа данных была осуществлена статистическая обработка с целью выявления значимых различий в уровнях психологической готовности

Распределение уровней психологической готовности оперативных смен НВ АЭС к работе в нештатных ситуациях (по подразделениям)
Distribution of levels of psychological readiness of operational shifts of nuclear power plants to work in emergency situations (by divisions)

Подразделение	Уровень психологической готовности к работе в нештатных ситуациях (количество смен)				
	низкий	ниже среднего	средний	выше среднего	высокий
БЩУ-4	–	–	–	4	–
БЩУ-5	–	–	2	2	–
БПУ-6	–	1	2	2	–
РТЦ-2	–	–	1	3	–
РЦ-5	–	–	2	2	–
РЦ-6	–	–	3	1	–
ТЦ-5	–	–	2	2	–
ТЦ-6	–	–	2	2	–
ЭЦ	–	–	3	5	–
ЦТАИ	–	–	4	2	–

к работе в нештатных ситуациях оперативных смен разных подразделений АЭС (проводилось попарное сравнение смен). Использовался *t*-критерий Стьюдента. Статистический анализ показал, что у большинства оперативных смен АЭС не выявлено значимых различий в уровнях их психологической готовности к работе в нештатных ситуациях. Это указывает на близость психологических проявлений среднего и выше среднего уровней психологической готовности, хотя при качественном анализе были выявлены некоторые тенденции к различиям. Очевидно, более точную картину возможно было получить при исследовании большего числа оперативных смен, а также использовании дополнительного диагностического инструментария.

Заключение

На основе эмпирических данных можно сделать заключение о достаточно развитом уровне психологической готовности к работе в нештатных ситуациях у оперативных смен НВ АЭС в целом. То есть в нештатных, в том числе аварийных, ситуациях эти подразделения способны проявить эмоционально-волевую мобилизованность, скрупулезное отношение к любым деталям ситуации, высокий уровень сознательного контроля как за индивидуальными, так и групповыми действиями и профессиональной

ответственности. Все это служит благоприятным психологическим условием групповой надежности оперативной смены, которая, действуя как единый субъект, предотвращает развитие опасной ситуации или – при ее возникновении – минимизирует негативные последствия. Вместе с тем наличие у ряда смен среднего уровня психологической готовности к работе в нештатных ситуациях указывает на то, что для эффективных действий этих смен может оказаться недостаточной только профессиональная подготовленность персонала. Поэтому психологической службе АЭС необходимо направить повышенное внимание на укрепление психологической готовности оперативной смены как обеспечивающей ее групповую надежность. Этого возможно достичь не только систематическими противоаварийными тренировками, но и специальной психологической развивающей работой, ориентированной на выработку субъектных качеств смены как малой группы, обуславливающих ее целостность, инициативную активность, организованность и единство.

Список литературы

1. Толстикова В. В. Проблема надежности в истории отечественной психологии: этапы разработки и современное состояние // Историческая преемственность в отечественной психологии / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитоновна, Е. Н. Холондович.

- М. : Институт психологии РАН, 2019. С. 322–330.
2. Журавлев А. Л. Психология совместной деятельности. М. : Институт психологии РАН, 2005. 640 с.
 3. Сарычев С. В. Надежность группы в напряженных и экстремальных ситуациях совместной деятельности (социально-психологические основы). Курск : Издательство Курского государственного университета, 2007. 155 с.
 4. Третьяков В. П. Психология безопасности эксплуатации АЭС. М. : Энергоатомиздат, 1993. 176 с.
 5. Машин В. А. О психологической проблеме эксплуатации и управления АЭС // Электрические станции. 1994. № 3. С. 36–39.
 6. Моляко В. А. Особенности проявления паники в условиях экологического бедствия (на примере Чернобыльской атомной катастрофы) // Психологический журнал. 1992. Т. 13, № 2. С. 66–74.
 7. Ипатова Л. Ф. Социально-психологическое обеспечение надежности деятельности оперативного персонала на энергопредприятиях : дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2006. 192 с.
- References**
1. Tolstikov V. V. The problem of reliability in the history of Russian psychology: Stages of development and current state. In: Zhuravlev A. L., Kharitonova E. V., Holondovich E. N., eds. *Istoricheskaya preymstvennost' v otechestvennoy psikhologii* [Historical Continuity in Russian Psychology]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 322–330 (in Russian).
 2. Zhuravlev A. L. *Psikhologiya sovmestnoy deyatel'nosti* [Psychology of Joint Activity]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005. 640 p. (in Russian).
 3. Sarychev S. V. *Nadezhnost' gruppy v napryazhennykh i ekstremal'nykh situatsiyakh sovmestnoy deyatel'nosti (sotsial'no-psikhologicheskiye osnovy)* [Reliability of the Group in Tense and Extreme Situations of Joint Activity (Socio-Psychological Foundations)]. Kursk, Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. 155 p. (in Russian).
 4. Tretyakov V. P. *Psikhologiya bezopasnosti ekspluatatsii AES* [Psychology of NPP Operation Safety]. Moscow, Energoatomizdat, 1993. 176 p. (in Russian).
 5. Mashin V. A. On the psychological problem of NPP operation and management. *Elektricheskiye stantsii* [Electric Stations], 1994, no. 3, pp. 36–39 (in Russian).
 6. Molyako V. A. Features of the manifestation of panic in the conditions of ecological disaster (on the example of the Chernobyl nuclear disaster). *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal], 1992, vol. 13, no. 2, pp. 66–74 (in Russian).
 7. Ipatova L. F. *Socio-psychological Assurance of the Reliability of Operational Personnel at Power Enterprises*. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Yaroslavl, 2006. 192 p. (in Russian).

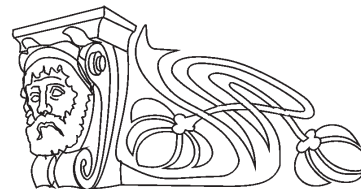
Поступила в редакцию 28.07.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 28.07.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 11.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 85–93
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 85–93
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-85-93>, EDN: LFOASU

Научная статья
УДК 159.9(091)

Родоначальник саратовской университетской психологической школы С. Л. Франк (к 145-летию ученого)

А. Л. Южанинова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Южанинова Алла Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности, juzhaninova-alla@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4441-7911>

Аннотация. Статья посвящена 145-летию выдающегося философа XX в. С. Л. Франка (28.01.1877–10.12.1950), который, сохраняя до-революционные традиции обучения психологии как части философии на историко-филологических факультетах российских университетов, в 1918 г. впервые в Саратове начал преподавание психологии в Саратовском университете, став, таким образом, родоначальником региональной психологической школы. Апологет философской (идеалистической) психологии, Франк пригласил для работы на саратовскую кафедру философии профессора А. А. Крогиуса (1919), экспериментального психолога с европейским именем, создав тем самым условия для разностороннего по содержанию психологического образования. Весной 1919 г. стараниями Франка в Саратовском университете было открыто философское отделение, впервые начавшее в регионе профессиональную вузовскую подготовку психологов. Осенью 1919 г. при участии Франка произошла институционализация саратовской психологии – в университете появилась кафедра философии и психологии. После изгнания Франка из России в 1922 г. его имя и труды как чуждые марксистскому мировоззрению на родине стали замалчиваться. Забвению надолго были преданы и его заслуги перед саратовской психологией. Данная работа проведена в целях выражения благодарной памяти основоположнику саратовской университетской психологической школы.

Ключевые слова: история психологии, С. Л. Франк, философская идеалистическая психология, экспериментальная психология, саратовская университетская психологическая школа

Для цитирования: Южанинова А. Л. Родоначальник саратовской университетской психологической школы С. Л. Франк (к 145-летию ученого) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 85–93. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-85-93>, EDN: LFOASU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The founder of the Saratov University psychological school S. L. Frank (on the occasion of 145th anniversary of the scientist)

A. L. Yuzhaninova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alla L. Yuzhaninova, juzhaninova-alla@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4441-7911>

Abstract. The article is devoted to the 145th anniversary of the outstanding philosopher of the 20th century S. L. Frank (28.01.1877–10.12.1950), who preserving the pre-revolutionary traditions of teaching psychology as part of philosophy at the historical and philological faculties of Russian universities, in 1918 for the first time in Saratov began teaching psychology at Saratov University, thus becoming the founder of the regional psychological school. An apologist for philosophical (idealistic) psychology, Frank invited Professor A. A. Krogus (1919), an experimental psychologist known in Europe, to work at the Saratov Department of Philosophy, thereby creating conditions for a versatile psychological education. In the spring of 1919, through Frank's efforts a philosophical department was opened at Saratov University, which began professional university training of psychologists for the first time in the region. In the autumn of 1919, with Frank's participation, Saratov psychology was institutionalized for the first time – the Department of Philosophy and Psychology appeared at the university. After Frank's expulsion from Russia in 1922, his name and works as alien to the Marxist worldview in his homeland began to be hushed up. His merit to Saratov psychology was also consigned to oblivion for a long time. This work was carried out in order to express grateful memory to the founder of the Saratov University Psychological School.

Keywords: history of psychology, S. L. Frank, philosophical idealistic psychology, experimental psychology, Saratov University Psychological School

For citation: Yuzhaninova A. L. The founder of the Saratov University psychological school S. L. Frank (on the occasion of 145th anniversary of the scientist). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 85–93 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-85-93>, EDN: LFOASU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Событием, подготовившим появление саратовской университетской психологической школы, стало открытие в соответствии с Постановлением Временного правительства России от 1 июля 1917 г. в Саратовском университете (СУ) историко-филологического факультета, деканом которого был назначен магистр философии (1915), приват-доцент Петербургского (Петроградского) университета (1912–1917) Семен Людвигович Франк (16[28].01.1877–10.12.1950) – ученый в области философии и духовно-философской (идеалистической) психологии, впоследствии получивший мировое признание как величайший русский религиозный философ. С 1 июля 1917 г. сроком на 4 года Франк был утвержден и. д. ординарного профессора Саратовского университета по кафедре философии, став ее первым заведующим и деканом только что открывшегося гуманитарного факультета.

За время пребывания в Саратове (сентябрь 1917 г. – сентябрь 1921 г.) Семен Людвигович преподавал философские дисциплины, а в осеннем семестре 1918 г. впервые осуществил обучение студентов СУ психологии в русле духовно-философской методологии, положив начало развитию саратовской университетской психологической школы. В целях изучения условий ее зарождения и определения в этом процессе роли Франка как администратора и организатора, преподавателя и ученого использовались такие историко-психологические методы, как биографический, интерпретация фактологического материала, историческая реконструкция [1], а также – психологический анализ научных и документальных источников, писем, дневниковых записей, воспоминаний.

Руководство факультетом и кафедрой философии

Получив предложение занять должность декана историко-филологического факультета СУ летом 1917 г. от министерства народного просвещения Временного правительства в лице министра С. Ф. Ольденбурга, товарища министра по делам высшей школы В. И. Вернадского, председателя комиссии по устройству новых университетских факультетов И. М. Гревса («... все трое меня хорошо знали, а И. М. Гревс любил и ценил меня», – вспоминал впоследствии Франк [2, с. 116]), Семен Людвигович, приват-доцент Петроградского университета, хотя и дал согласие на переезд из столицы в провинцию, однако не без сомнений и не сразу.

Из Петрограда в Саратов Франк привез с собой целую группу ученых, привнесших в саратовское университетское гуманитарное образование на этапе его зарождения традиции дореволюционной петербургской школы. Приехавшие профессора наняли себе частные квартиры, и на первых порах, по словам Т. С. Франк, жены Семена Людвиговича, все «жили очень хорошо» [3].

В письме М. О. Гершензону от 12 декабря 1917 г. Франк писал: «Факультет у нас в общем неплохой – есть живые и талантливые люди (Жирмунский по германистике, Фасмер по языкознанию и нек. др.), и группа свободных и культурных людей имеет большинство в факультете над группой чиновников от науки» [4, с. 29]. В. М. Жирмунский писал Б. Эйхенбауму из Саратова в Петроград 2 февраля 1918 г.: «В Саратове по-прежнему хорошо. Работы очень много» [5, с. 296].

На заседании вновь открывшегося историко-филологического факультета 8 октября 1917 г. была выбрана предметная система занятий, предполагавшая свободный выбор студентами изучаемых предметов и разрешения перехода их с одного отделения на другое в рамках факультета (с набором обязательно сданных испытаний) [6, с. 25], как это было принято в Петроградском университете [7]. На том же заседании было решено открыть 5 отделений (историческое, славяно-русское, романо-германское, классическое, лингвистическое) и 7 кафедр (философия, классическая филология, сравнительное языкознание, русский язык и словесность, всеобщая история, русская история, романо-германская филология) [8, с. 26–28].

Если в 1917 г. при открытии факультета число поступивших студентов составило 184 чел., то в 1918 г. – 810 чел. [8, с. 22]. Такой рост численности обучающихся диктовал увеличение количества преподавателей, и Франк как декан активно занимался поиском сотрудников на новый факультет [4, с. 29].

Для занятий на открывшемся факультете было выделено значительное количество удобных помещений на 2-м этаже 4-го (анатомического) корпуса СУ (левое крыло, вход с университетского двора) [9, с. 276]. Для чтения лекций факультет располагал тремя большими аудиториями, одна из которых вмещала 200–250 чел., каждая из двух остальных – 300–350 чел. Для семинарских занятий имелось два помещения, рассчитанных на 30–40 чел. Сверх того имелись еще кафедральные кабинеты со специальными библиотеками, в которых также проводились семинары с использованием имевшихся там по-

собий и литературы [8, с. 22]. Кафедре философии там же был отведен скромный и небольшой кабинет, главой которого стал Франк [9, с. 277]. Чуть позже именно здесь впервые началось преподавание психологии.

По инициативе Семена Людвиговича на открывшихся кафедрах начали работу научные студенческие кружки [10].

Таким образом, на начальном этапе пребывания в Саратове Франку удалось собрать на факультете круг единомышленников и организовать учебный процесс, наладить быт, воссоздавая некоторым образом привычный петербургский стиль жизни для прибывших в Поволжье ученых.

Преподавательская и научная философская деятельность

В сентябре 1917 г. на историко-филологическом факультете СУ профессор Франк начал и продолжил в течение саратовского периода своей жизни преподавание философских дисциплин: в 1917–1918 учебном году им читались лекции «Логика» и «Введение в философию» (а также проводился семинарий «Чтение и толкование “Prolegomena ко всякой будущей психофизике” Канта»); в 1918–1919 учебном году – «Социальная философия»; в 1919–1920 учебном году – «История древней философии» [6, с. 26, 28, 32].

Как вспоминал Георгий Петрович Иванов (1896–1991), ученик Франка, гносеологический семинар «Современные теории познания» Семен Людвигович проводил по своей книге «Предмет знания», представлявшей содержание его магистерской диссертации, в которой он «излагал идеалистическую теорию познания, назвав ее идеал-реалистической» [цит. по: 9, с. 173]. На занятиях Франк часто ссылался на таких философов, как Плотин, Николай Кузанский, Спиноза, Лосский, Бергсон, Шпенглер.

Сохранились воспоминания о методике преподавания Франка. «Особенно хорошо он вел семинарские занятия... В начале семинарских занятий он указал: “Я ставлю задачей не давать вам готовых философских выводов и учений, а научить вас философствовать, то есть приобщить к философскому мышлению”. С этой точки зрения он удачно начал занятия по книге философа-идеалиста Беркли... Он предложил к каждому занятию прочитать определенное количество страниц по Беркли и подготовить собственную оценку – в чем прав или не прав Беркли, попытаться опровергнуть его мысли. На семинарах разгорались горячие споры за и против идей Беркли, в них принимал участие сам Франк, и затем обобщал споры, что в них было верно,

а что неверно. В таком же духе он проводил семинар по книге Спинозы “Этика”. Ко многим идеям этого философа Франк относился весьма положительно» [цит. по: 9, с. 174].

О содержательном наполнении лекций по философии на саратовской кафедре можно судить по учебному пособию «Введение в философию», опубликованному в 1922 г., в основу которого был положен конспект курса лекций, читанного Франком сперва в Петроградском, а потом в Саратовском университете в 1914–1921 гг. [11]. Суть же курса «Социальная философия» отражена в работе Франка «Очерк методологии общественных наук» [12], также изданной в 1922 г., базирующейся на лекциях по названному курсу, прочитанных Семеном Людвиговичем в Саратове. В августе 1921 г. Франк писал Н. А. Струве: «... Этим летом, побуждаемый... нуждой, написал конспект лекций, который вырос в настоящую научную работу: “Методология общественных наук”, хочу издать ее» [13, с. 649].

Уже когда Франк покинул Саратов, разгромные рецензии вышли по поводу и первой [14], и второй книги [15], где ученый был назван «крайним идеалистом», «прикрывающимся» «титулами интуитивиста, идеал-реалиста и даже мистического реалиста». В противоположность оценкам российских методологов-марксистов за рубежом в берлинском ежемесячном критико-библиографическом журнале концепция Франка как попытка синтеза трансцендентального и онтологического понимания общества, а также идеально-реальной природы общественного бытия получила положительную оценку [16].

Откликнулся на книгу Франка «Очерк методологии...» и В. И. Ленин. Летом 1922 г. в письме Сталину он написал: «Т. Сталин! К вопросу о высылке из России... Вреднее всякого эсера, ибо ловчее... С. Л. Франк (автор «Методологии»)... надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго... Всех их – вон из России. Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров... Арестовать несколько сот и без объявления мотивов – выезжайте, господа!.. С к[оммунистическим] прив[етом] Ленин» [17, с. 545].

За время пребывания в Саратове Франк опубликовал статью «Из глубины» в одноименном сборнике (1918) [18], который вскоре после выхода из печати был запрещен к распространению, а затем оставшиеся экземпляры были изъяты и уничтожены; подготовил к печати две работы – «Задачи общего образования» и перевод книги Силли «Введение в науку политики», которые, однако, не были изданы «ввиду крайней затруднительности печатания» [8, с. 24].

Таким образом, философское содержание научной и педагогической деятельности Франка в Саратове отчасти предопределило его изгнание из России в 1922 г.

Преподавание психологии

В российских университетах в период середины XIX – начала XX в. на историко-филологических факультетах сотрудниками философских кафедр преподавались философия, логика, психология. Открытие гуманитарного факультета в СУ объективно создало предпосылки появления в нем психологии в учебном и научно-исследовательском процессах. Научное же направление и содержание психологической сферы в каждом российском вузе определялись теоретико-методологической профессионализацией ученых, преподававших психологию. Была своя специфика и в содержании психологии, развиваемой Франком на вновь открывшейся философской кафедре СУ.

К обучению студентов психологии Франк приступил на втором году своего пребывания в Саратове, с начала 1918–1919 учебного года. Так, осенью 1918 г. он провел курс «Психология» (2 ч, суббота, 6 ч 40 мин – 8 ч 10 мин; пособия: *Джемс. Психология; Гейдинг. Очерки психологии; Введенский. Психология без всякой метафизики*) и «Семинарий по основным вопросам психологии» (2 ч, по соглашению со слушателями). Советательный час проходил после лекций в университете [6, с. 28].

В Петроградском университете в 1916–1917 учебном году (последний учебный год, проведенный Франком в том вузе на кафедре философии) занятия по психологии вели профессора А. И. Введенский и И. И. Лапшин, коллеги Франка. Введенский в весеннем семестре читал курс лекций «Психология» (4 ч в неделю; пособия: А. И. Введенский. «Психология без всякой метафизики»), а Лапшин в обоих полугодиях вел семинарий по психологии (2 ч в неделю; пособия: *Джемс. «Психология»* и А. И. Введенский. «Психология без всякой метафизики») [19, с. 3–4].

Как видим, пособия, служившие основой для проведения занятий по психологии в Петроградском и Саратовском университетах, почти совпадали. В качестве же главных психологических направлений для учебного процесса предлагались: естественно-научный подход разработки идей функционализма и прагматизма в психологии Джемса и естественная наука о душевных явлениях (психология «без души»)

Введенского. Для саратовских студентов Франк дополнил к этому перечню эмпирическую психологию Гейффдинга.

В отчете о деятельности кафедры философии СУ за 1918 г., составленном Франком, представлена тематика рефератов, выполненных студентами под его руководством: «Понятие психологии по Ганникену» (студ. Крупянская); «Понятие психологии по Пфендеру» (студ. Богданов); «Учение Штумпера о явлениях и психических функциях» (студ. Руднянский), студенты Советова, Беркович, Кортнев писали о классификации и анализе психических явлений у Пфендера; «Учение Пфендера о самосознании и личности» (студ. Никольская); «Самосознание ощущения и чувства по Липсу» (студ. Логинов), «Основы учения психологии Н. О. Лосского» (студ. Степанов) [8, с. 25–26]. Названия работ свидетельствуют о том, что и философская психология изучалась в Саратове как наука полифоничная, различно представленная в трудах разных философов.

Основой семинара по психологии в СУ послужила книга Франка «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» [цит. по: 7, с. 173], отражавшая подготовленную (1917), но не защищенную по причине отмены научных степеней докторскую диссертацию, в которой Франк утверждал правомерность идеалистического учения о душе [20].

Для Франка психологическое знание «без души» и «без всякой метафизики», называемое эмпирической или экспериментальной психологией, представлялось недостаточным, неполным. Поэтому он считал своей главной задачей в работе «Душа человека» восполнить недостающее звено в актуальном тому времени психологическом наукознании, помочь современникам вернуться к принципиальному признанию философского учения о душе, существо которого было незаслуженно предано забвению и пренебрежению. Франк считал, что общей задачей философской психологии является познание не единичных душевных явлений, а природы души.

Книга «Душа человека» была ответом Франка на сложившееся положение в современной ему психологии. Прежние философские воззрения, добытые логикой и самонаблюдением, к тому времени большинством психологов были отброшены, что стало фактом совершенного устранения учений о душе и замены их учениями о закономерностях так называемых «душевных явлений», оторванных от их внутренней почвы и рассматриваемых как явления внешнего предметного мира. Такая психология сама себя

стала называть естествознанием (в то время как содержание психики по Франку идеально), что фактически означало: так называемая психология стала вообще не *психологией*, а *физиологией*. Она превратилась из учения о душе как сфере некой внутренней реальности, которая непосредственно, в самом опытном своем содержании отделяется от чувственно-предметного мира природы и противостоит ему, в учение о природе, о внешних, чувственно-предметных условиях и закономерностях сосуществования и смене душевных явлений. Прекрасное обозначение «психология» – учение о душе – было, по мнению Франка, просто незаконно похищено и использовано как титул для совсем иных научных областей – психофизики и психофизиологии. При этом отсутствовало именно научное, чисто теоретическое познание существа человеческой души.

Главное в книге Франка – стремление вернуть понятие «душа» в психологию. Автор был убежден в том, что психология должна дать понимание человеку о цельности его личности и формировании смысла жизни, в то время как эмпирическая психология, или психология «без души», в основе которой лежит естественно-научная парадигма, не способна на решение этих задач.

В целом Франк полагал, что основой психологии должна быть философия, а не естествознание. Общей задачей философской психологии является по Франку познание не единичных душевных явлений, а природы «души». Под душой же разумеется общая, родовая природа мира душевного бытия как качественно своеобразного целостного единства. Ядром душевной жизни, которое вместе с тем служит руководящим и господствующим началом, является сторона души, называемая нашим «Я».

В качестве главного метода философской психологии Франк считал самонаблюдение как *живое знание (мыслящее переживание, вчувствование)*, *знание–жизнь в отличие от знания–мысли*.

Таким образом, Франк как психолог настаивал на духовном начале в человеке, доказывая, что психология должна быть прежде всего наукой о душе, а не только о психических процессах. Вследствие этого именно идеалистическая философская психология стала важным содержанием занятий по психологии, проводимых Франком со студентами Саратовского университета в 1918 г.

Вместе с тем следует отметить, что Франк, продолжая традиции Петроградского университета, ставил задачу не только обучить сара-

товских студентов философской психологии, но и показать им многообразие направлений современной психологии.

Организация профессиональной подготовки психологов

Преподавание философии и психологии в Саратовском университете силами только профессора Франка в должной мере осуществить было невозможно. Не случайно в 1919 г. штат кафедры философии, возглавляемой Франком, пополнился его бывшими коллегами по кафедре философии Петроградского университета: 11 апреля 1919 г. преподавателем по кафедре философии СУ был избран В. Э. Сеземан, а 13 мая 1919 г. профессором кафедры стал А. А. Крогиус (специальность – экспериментальная психология) [8, с. 17, 18], прибывшие в Саратов по приглашению Франка.

Август Адольфович Крогиус (18[30].03.1871–01.07.1933), врач-психиатр, приват-доцент Петроградского университета (1912–1918), где преподавал физиологическую психологию, доктор медицины (1909), профессор 2-го Петроградского университета (бывший Психоневрологический институт В. М. Бехтерева), основатель отечественной экспериментальной тифлопсихологии, стоявший в начале 1900-х гг. у истоков создания российской педологии, прошел психологическую подготовку в Лейпцигском институте В. Вундта (1900–1901).

Василий Эмильевич Сеземан (30.05 [11.06]. 1884 – 23.03.1963), философ-неокантианец марбургской школы, ученик Н. О. Лосского, обучался в университетах Марбурга и Берлина (1909–1911), магистр философии (1914), служил приват-доцентом кафедры философии Петроградского университета (1915–1917), где вел занятия по античной философии.

Появление на кафедре философии СУ психолога и еще одного философа позволило Франку ходатайствовать об открытии философского отделения на историко-филологическом факультете, и на факультетском заседании (весна 1919 г.) по докладу профессора С. Л. Франка философское отделение было открыто [8, с. 19].

На философском отделении СУ была организована студенческая группа по обучению психологов, что позволял профессиональный опыт Франка и Крогиуса: оба стояли у истоков создания Психоневрологического института в Петербурге (1907), где впоследствии в психологической секции участвовали в профессиональном обучении будущих психологов.

Г. П. Иванов, поступивший в конце января 1919 г. на историческое отделение СУ после окончания Учительской семинарии, вспоминал: «Я поступил на историческое отделение, но когда было организовано философское отделение, то перешел на это отделение в группу психологии... До зимнего семестра 1919 года лекции читал только один профессор – Семен Людвигович Франк, у него мы главным образом и прослушали философские курсы. В зимнем семестре [с начала 1920 г.] стал читать лекции по психологии профессор Август Адольфович Крогиус, у которого я прослушал все лекции по психологии и активно участвовал в семинарских и практических занятиях. Психология стала моей специальностью, и по окончании ун[иверсите]та [1922 г., тема дипломной работы «О психологической природе мышления»] я проработал вместе с Августом Адольфовичем сначала в качестве его ассистента, а затем доцента до начала 1931–32 учебного года... Окончили это отделение и получили соответствующие аттестаты нас двое: я и Эмиль Львович Беркович. Последний в дальнейшем тоже работал на кафедре, возглавляемой А. А. Крогиусом, в качестве ассистента (впоследствии он был доцентом и заведующим кафедрой педагогики и психологии Оренбургского педагогического института). Но учились на этом отделении всего около 10 студентов, вследствие закрытия отделения философии большинство не успели закончить его» [цит. по: 9, с. 172–173].

Так, благодаря Франку в СУ была осуществлена первая попытка по подготовке профессиональных психологов. Следующие были предприняты в 1947 г. (на отделении логики и психологии на филфаке) и 1971 г. (на отделении психологии на биофаке).

К концу 1918 – началу 1919 г. обстановка в Саратове стала тяжелой: холод, голод, болезни, разгул преступности. В университете аудитории не отапливались, многие студенты вынуждены были подрабатывать, поэтому занятия начинались с 5 ч вечера. По этим и другим причинам в сентябре 1919 г. «под видом организации педагогического института для немцев, на самом деле – чтобы в деревне прокормить семью» [2, с. 50] Франк с женой и детьми переселился в немецкую колонию Зельман (Ровное), что вызвало недовольство университетских коллег. Так, заведующий кафедрой русского языка и литературы СУ, профессор Б. М. Соколов 10 октября 1919 г. писал брату: «Нынче я в факульт<ете> выступил с горячим протестом против поступка проф<ессора> Франка, который уехал на полгода

в Колонии вм<есто> того, чтобы читать лекции в у<ниверсите>те и, главное, в такое острое для у<ниверсите>та время. Сами профессора расшатывают Университет... Постановили выразить сожаление его такому действию...» [цит. по: 9, с. 205].

В связи с долгим отсутствием Франка с октября 1919 г. кафедру философии возглавил психолог Крогиус [9, с. 202], после чего она стала называться кафедрой философии и психологии [21, с. 98]. Франк оставался на должности профессора этой кафедры, бывая в Саратове наездами. Так произошла институционализация психологии, т. е. формирование саратовской университетской психологической школы.

В марте 1921 г. обследование Саратовской губернии провел инструктор ЦК РКП(б), который доложил, что в Саратове существует контрреволюционная организация, готовившая свержение советской власти. Среди ее участников были названы и профессора университета, которых вскоре арестовали (ректор В. Д. Зёрнов, профессора И. Н. Быстренин, Н. М. Какушкин). В такой обстановке многие преподаватели СУ решили покинуть Саратов [22, с. 77].

В связи со сложившимися в университете обстоятельствами весной 1921 г. историко-филологический факультет прекратил существование. По воспоминаниям участника семинария Франка в 1918–1919 гг. Сергея Павловича Правдина (р. 1900 г.), в то же время начался «разгон» и философского отделения, которое было ликвидировано в мае 1921 г. «Выгонял» Франка и «распоряжался» в то время философскими дисциплинами уже Исаак Петрович Разумовский (1893–1939), философ-марксист, правовед, преподававший теорию исторического материализма, заведующий Нижневолжским краевым отделом народного образования. Кафедра философии и психологии сохранилась, но была переименована в кафедру истории мировоззрений и психологии. Заведующим оставили Крогиуса [9, с. 173, 187, 235].

В августе 1921 г. Франк делился переживаниями с Н. А. Струве: «...Жить тяжело – тяжело в моральном смысле. Со всеми материальными трудностями я до сих пор справлялся, как-то выкручивался... Но морально невыносимо тяжело – всю жизнь, все силы затрачивать на добывание куска хлеба в буквальном смысле слова... Теперь мы твердо решили уезжать из провинции, где жить нам так тяжело, а зимой будет и настоящий голод...» [13, с. 649].

Как писала К. Е. Павловская, в августе-сентябре 1921 г. «обстановка в Саратове... была напряженной, и Семен Людвигович, видимо, не

исключал ареста. Накануне отъезда в Москву в 1921 году он вынужден был ночевать в семье брата Татьяны Сергеевны [жены Франка] Сергея Барцева. «Вид у него был замученный, замерзший, усталый», он спрашивал, «не боятся ли они пустить его к себе» [цит. по: 9, с. 240].

В сентябре 1921 г. Франк покинул Саратов, а в 1922 г. в группе философов он был выслан из страны. Тогда же переехал в Петроград, а позже эмигрировал в Сеземан.

Некоторые студенты, обучавшиеся у Франка в Саратовском университете, глубоко переживали его высылку из России. Так, Н. Ю. Фиолетова (Крупянская) вспоминала: «Это было в Саратове, на заседании студенческого философского кружка... посвященном социально-философским взглядам проф. С. Л. Франка. Незадолго перед этим в Саратове вышла его новая книга по вопросам социологии (он выдвинул в ней идею общественного бытия как особого вида реальности, подчиняющейся закономерностям, отличным от законов природы)... Доклад на заседании было поручено сделать мне, как одной из ближайших учениц С. Л. Франка. Присутствовали как «философы», постоянные участники семинара Франка (Эмилий Беркович, Г. П. Иванов – в будущем преподаватели психологии в вузах, Соломон Белевицкий – фармацевт... увлекшийся философией и ставший студентом философского отделения), так и юристы с философскими интересами... Доклад носил острый характер, так как незадолго перед этим С. Л. Франк был выслан за границу в числе «100», и мы, студенты, его ученики, с горечью и болью переживали это событие» [23, с. 16–17, 47, 48].

С отъездом Франка из Саратова развитие саратовской университетской психологии не прекратилось: преподавание психологии до 1931 г. продолжил возглавлявший психологическую кафедру (с 1926 по 1931 г. называвшуюся кафедрой педологии) профессор Крогиус совместно с Г. П. Ивановым и Э. Л. Берковичем, учениками Франка, Крогиуса и Сеземана, воплощая в Саратове традиции дореволюционной петербургской психологической школы.

Заключение

В Саратове Франку довелось прожить 4 года, однако вопреки первоначальному замыслу деканство его продолжилось лишь один год (01.07.1917–22.09.1918), а заведование кафедрой философии СУ осуществлялось 2 года – с сентября 1917 г. по октябрь 1919 г.: с осени 1919 г. по сентябрь 1921 г. он был лишь профессором

кафедры, переименованной в октябре 1919 г. в кафедру философии и психологии в связи со сменой ее руководителя – на посту заведующего Франка сменил прибывший по его приглашению в Саратов коллега по кафедре философии Петроградского классического университета и Психоневрологического института профессор А. А. Крогиус.

Начав преподавание философской (идеалистической) психологии студентам историко-филологического факультета Саратовского университета в 1918 г., Франк стал родоначальником региональной университетской психологической школы. Появление при его участии кафедры философии и психологии (1919) ознаменовало институционализацию саратовской психологии, а благодаря открытию его стараниями философского отделения (1919) впервые в Саратове началась согласно традициям дореволюционной петербургской школы профессиональная подготовка психологов.

Развитие после 1917 г. марксистско-ленинской научной методологии не позволило Франку как представителю идеалистической философии продолжать работать в избранном им научном направлении в нашей стране, и он в группе подобных ему «неблагонадежных» философов был в 1922 г. выслан из страны. После этого на родине его имя и труды стали замалчиваться. Перестали упоминать и о его служении Саратовскому университету [24]. Однако в последние годы интерес россиян к философскому творчеству Франка возродился. Переосмысляется в настоящее время значение его творчества и для отечественной психологии. Предпринятое в целях выражения благодарной памяти С. Л. Франку исследование его роли в зарождении и становлении саратовской университетской психологической школы служит общенаучным задачам преодоления случившегося разрыва исторической преемственности дореволюционной и современной психологии.

Список литературы

1. Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. История психологии. М.: Издательство МГППУ, 2005. URL: https://www.studmed.ru/view/kolcova-va-oleynik-yun-uchebnoe-posobie-po-istoriipsihologii_0f134474756.html (дата обращения: 02.10.2022).
2. Франк С. Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли // Вестник русского христианского движения. 1986. № 146. С. 103–126.
3. Франк Т. С. Действительно свободные. URL: <http://rulife.ru/old/mode/article/410/> (дата обращения: 28.09.2022).

4. Франк С. Л. Из писем М. О. Гершензону (1912–1919) // *De visu*. 1994. № 3-4 (15). С. 23–33.
5. Переписка Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1988. С. 256–329.
6. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1917–1920 гг. / вступ. заметка и подготовка текста к публикации А. А. Гапоненкова // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2005. Т. 5, вып. 1-2. С. 25–33.
7. Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Петроградского университета в 1914–1915 гг. Петроград : Тип. Б. М. Вольфа, 1914. 41 с.
8. Отчет о деятельности историко-филологического факультета Саратовского университета за 1917–1919 гг. / публ. А. И. Авруса и З. Е. Гусаковой // *Известия Саратовского университета. Новая серия*. 2001. Т. 1, № 1. С. 16–29.
9. Гапоненков А. А. Философ в провинции. С. Л. Франк и его окружение в годы революции и Гражданской войны в Саратове. Из летописи событий 1917–1921 годов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2019. 304 с.
10. Гапоненков А. А. С. Л. Франк. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/history/history/frank> (дата обращения: 02.10.2022).
11. Франк С. Л. Введение в философию в сжатом изложении. Петербург : Академия, 1922. 84 с.
12. Франк С. Л. Очерк методологии общественных наук. М. : Берг, 1922. 124 с.
13. М. К. С. Л. Франк. Три письма к П. Б. Струве (1921, 1925) // *Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 годы* / под ред. М. А. Колерова. М. : Три квадрата, 2002. 880 с.
14. Луппол И. С. Л. Франк. Введение в философию в сжатом изложении // *Под знаменем марксизма*. 1922. № 9–10. С. 225–227.
15. Кривцов Ст. «Методология общественных наук» гражд. С. Франка // *Под знаменем марксизма*. 1922. № 3. С. 37–43.
16. Sergius. С. Л. Франк. Очерк методологии общественных наук // *Новая русская книга*. 1923. № 1. С. 31–32.
17. В. И. Ленин И. В. Сталину 16.07.1922 // *Ленин В. И. Неизвестные документы 1891–1922*. М. : РОССПЭН, 2000. 671 с.
18. Франк С. Л. *De profundis*: Сборник статей о русской революции. М. ; Петроград : Русская мысль, 1918. URL: <http://www.vehi.net/deprofundis/frank.html> (дата обращения: 02.10.2022).
19. Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Петроградского университета в осеннем полугодии 1916 г. и весеннем полугодии 1917 г. Петроград: Тип. Б. М. Вольфа, 1916. 33 с.
20. Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/dusha-cheloveka-opyt-vvedeniya-v-filosofskuyu-psihologiyu/ (дата обращения: 03.10.2022).
21. Аврус А. И., Гапоненков А. А. Саратовский университет в годы революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) // *Российская история*. 2009. № 4. С. 91–103.
22. Аврус А. И. Курс лекций «История Саратовского государственного университета». Саратов : Издательский центр «Наука», 2011. 241 с.
23. Фиолетова Н. Ю. История одной жизни // *Минувшее: Исторический альманах*. 1990. № 9. С. 7–105.
24. Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 1909–1934 : сборник материалов по истории СГУ и его кафедр. Юбилейный выпуск / отв. ред. Д. А. Рамзаев. Саратов : Тип. № 2 «Красный Печатник», 1935. 95 с.

References

1. Koltsova V. A., Oleynik Yu. N. *Istoriya psikhologii* (The History of Psychology). Moscow, MGPPU Publ., 2005. Available at: https://www.studmed.ru/view/kolcova-va-oleynik-yun-uchebnoe-posobie-po-istoriipsihologii_0f134474756.html (accessed 2 October 2022) (in Russian).
2. Frank S. L. The Deathbed. Memories and Thoughts. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian Movement], 1986, no. 146, pp. 103–126 (in Russian).
3. Frank T. S. *Deystvitelno svobodnye* (Really Free). Available at: <http://rulife.ru/old/mode/article/410/> (accessed 28 September 2022) (in Russian).
4. Frank S. L. From Letters to M. O. Gershenzon (1912–1919). *De visu* [About vision], 1994, no. 3-4 (15), pp. 23–33 (in Russian).
5. Correspondence of B. M. Eichenbaum and V. M. Zhirmunsky. In: *Tynyanovskiy sbornik: Tret'i Tynyanovskie chteniya* [Tynyanov collection: The Third Tynyanov readings]. Riga, Zinatne Publ., 1988, pp. 256–329 (in Russian).
6. Review of teaching at the faculty of history and philology of Saratov University in 1917–1920. Introductory note and preparation of the text for publication by A. A. Gaponenkov. *Izvestiya of Saratov University. Filologiya. Zhurnalistika*, 2005, vol. 5, iss. 1-2, pp. 25–33 (in Russian).
7. *Obozrenie prepodavaniya nauk na istoriko-filologicheskom fakul'tete Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta v 1914–1915 gg.* [Review of the Teaching of Sciences at the Faculty of History and Philology of the Imperial Petrograd University in 1914–1915]. Petrograd, Tipografiya B. M. Wolfa, 1914. 41 p. (in Russian).
8. Report on the activities of the faculty of history and philology of Saratov University for 1917–1919. Ed. by A. I. Avrus, Z. E. Gusakova. *Izvestiya of Saratov University*, 2001, vol. 1, no. 1, pp. 16–29 (in Russian).

9. Gaponenkov A. A. *Filosof v provintsii. S. L. Frank i ego okruzhenie v gody revolyutsii i grazhdanskoj vojny v Saratove. Iz letopisi sobytij 1917–1921 godov* [A Philosopher in the Province. S. L. Frank and his Entourage During the Revolution and the Civil War in Saratov. From the Chronicle of the Events of 1917–1921]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2019. 304 p. (in Russian).
10. Gaponenkov A. A. (S. L. Frank). Available at: <http://www.sgu.ru/structure/philological/history/history/frank> (accessed 2 October 2022) (in Russian).
11. Frank S. L. *Vvedenie v filosofiyu v szhatom izlozhenii* [Introduction to Philosophy in a Concise Presentation]. Peterburg, Akademiya Publ., 1922. 84 p. (in Russian).
12. Frank S. L. *Ocherk metodologii obshchestvennykh nauk* [An Essay on the Methodology of Social Sciences]. Moscow, Bereg Publ., 1922. 124 p. (in Russian).
13. M. K. S. L. S. L. Frank. Three Letters to P. B. Struve (1921, 1925). In: *Issledovaniya po istorii russkoj mysli: Ezhegodnik za 2001–2002 gody*. Ed. M. A. Kolerov [Kolerov M. A., ed. Studies on the History of Russian Thought: Yearbook for 2001–2002]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2002. 880 p. (in Russian).
14. Luppel I. S. L. Frank. Introduction to philosophy in a concise presentation. *Pod znamenem marksizma* [Under the Banner of Marxism], 1922, no. 9–10, pp. 225–227 (in Russian).
15. Krivtsov St. Article “Methodology of Social Sciences” by Citizen S. Frank. *Pod znamenem marksizma* [Under the Banner of Marxism], 1922, no. 3, pp. 37–43 (in Russian).
16. Sergius. S. L. Frank. An essay on the methodology of social sciences. *Novaya russkaya kniga* [New Russian Book], 1923, no. 1, pp. 31–32 (in Russian).
17. V. I. Lenin to I. V. Stalin 16.07.1922. In: *Lenin V. I. Neizvestnye dokumenty 1891–1922* [Lenin V. I. Unknown Documents 1891–1922]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 671 p. (in Russian).
18. Frank S. L. *De profundis: Sbornik statej o russkoj revolyutsii* (De profundis: Collection of Articles About the Russian Revolution). Moscow, Petrograd, Russkaya mysl' Publ., 1918. Available at: <http://www.vehi.net/deprofundis/frank.html> (accessed 2 October 2022) (in Russian).
19. *Obozrenie prepodavaniya nauk na istoriko-filologicheskom fakultete Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta v osennem polugodii 1916 g. i vesennem polugodii 1917 g.* [Review of the Teaching of Sciences at the Faculty of History and Philology of the Imperial Petrograd University in the Autumn Half-year of 1916 and the Spring Half-year of 1917]. Petrograd, Tipografiya B. M. Wolfa, 1916. 33 pp. (in Russian).
20. Frank S. L. *Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu* (The Soul of Man. Experience of Introduction to Philosophical Psychology). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/dusha-cheloveka-opyt-vvedeniya-v-filosofskuyu-psihologiyu/ (accessed 3 October 2022) (in Russian).
21. Avrus A. I., Gaponenkov A. A. Saratov University During the Revolution and the Civil War (1917–1920). *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 2009, no. 4, pp. 91–103 (in Russian).
22. Avrus A. I. *Kurs lektsij “Istoriya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta”* [Course of Lectures “History of Saratov State University”]. Saratov, ITS “Nauka”, 2011, 241 p. (in Russian).
23. Fioletova N. Yu. The story of one life. *Minuvshee: Istoričeskij almanakh* [The Past: Historical Almanac], 1990, no. 9, pp. 7–105 (in Russian).
24. Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, 1909–1934. In: Ramzaev D. A., ans. ed. *Sbornik materialov po istorii SGU i ego kafedr. Yubileynyy vypusk* [Ramzaev D. A., ans. ed. Collection of Materials on the History of SSU and Its Departments. Anniversary Issue]. Saratov, Printing house no. 2 “Krasnyy Pechatnik”, 1935. 95 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 17.11.2022; одобрена после рецензирования 24.11.2022; принята к публикации 11.01.2023
 The article was submitted 17.11.2022; approved after reviewing 24.11.2022; accepted for publication 11.01.2023

ПЕДАГОГИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 94–98

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 94–98
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-94-98>

EDN: MCQGBE

Научная статья
УДК 372.881.111.1

Юмор как эффективный инструмент преподавания иностранного языка в вузе

В. А. Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Россия, 193232, г. Санкт-Петербург, пр. Большевиков, д. 22, корп. 1

Иванова Виктория Александровна, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, victoriia-888@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9250-1061>

Аннотация. Введение. Необходимость проведения исследований обусловлена ухудшением психологического самочувствия студентов в условиях периодического введения режима самоизоляции и дистанционного обучения. Педагоги высшей школы отмечают, что даже после возвращения к традиционному формату получения образования многие студенты продолжают испытывать беспокойство и тревогу, особенно при выполнении заданий, направленных на обучение устной иноязычной речи. Для ослабления подобного напряжения и снятия связанных с ним трудностей в процессе обучения необходимо использовать разные формы юмора. **Теоретический анализ.** В статье рассматриваются теоретические подходы к использованию юмора в обучении и обобщается опыт использования разных видов юмора в практике преподавания английского языка будущим IT-специалистам. **Эмпирический анализ.** Метод исследования – эмпирический в виде группового анкетирования 67 студентов 1 курса на базе СПбГУТ. Его задача состоит в том, чтобы выяснить, как студенты относятся к использованию юмора на занятиях по иностранному языку. **Заключение.** Настоящее исследование подтверждает, что большинство студентов (86%) поддерживают использование юмора на занятиях в вузе и отмечают его положительное воздействие. Кроме того, по результатам анкетирования было выявлено, какие формы юмора студенты считают самыми эффективными в обучении иностранному языку, а какие рассматриваются ими как неприемлемые.

Ключевые слова: преподавание английского языка, юмор в IT-сфере, практика использования юмора в обучении

Для цитирования: Иванова В. А. Юмор как эффективный инструмент преподавания иностранного языка в вузе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 94–98. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-94-98>, EDN: MCQGBE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

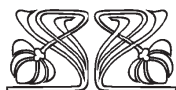
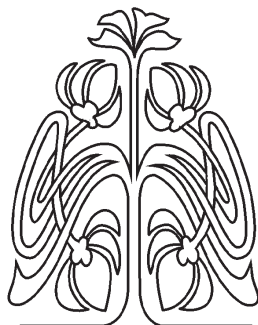
Humor as an effective tool for teaching a foreign language at the university

V. A. Ivanova

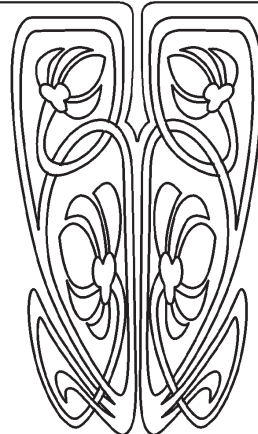
Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications, 22 build. 1, Bolshhevikov Prospect, St. Petersburg 193232, Russia

Victoriia A. Ivanova, victoriia-888@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9250-1061>

© Иванова В. А., 2023

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. Introduction. The need for research is due to the deterioration of the psychological well-being of students in the conditions of periodic introduction of self-isolation and distance learning. Teachers of higher education point out that, even after returning to the traditional format of education, many students continue to experience anxiety and tension, especially when performing tasks aimed at teaching oral foreign language speech. To ease such tension and overcome the difficulties caused by it, it is necessary to use various forms of humor in the learning process. **Theoretical analysis.** The article discusses theoretical approaches to the use of humor in teaching and summarizes the experience of using different types of humor in the practice of teaching English to future IT professionals. **Empirical analysis.** The empirical research method has been used in the form of a group survey of 67 1st-year students on the basis of SPbSUT. The research task is to find out how students feel about the use of humor in foreign language classes. **Conclusion.** This study confirms that most students (86%) support the use of humor in classes at the university and note its positive impact. In addition, according to the results of the survey, it was revealed which forms of humor students consider to be the most effective in teaching a foreign language, and which are considered unacceptable by them.

Keywords: teaching English, humor in IT, practice of using humor in learning

For citation: Ivanova V. A. Humor as an effective tool for teaching a foreign language at the university. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 94–98 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-94-98>, EDN: MCQGBE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время одной из проблем процесса обучения является быстрая утомляемость учащихся, возникающая на фоне непрерывного информационного потока. В связи с увеличением количества потребляемой информации качество полноценного восприятия и переработки информации неуклонно снижается. Кроме того, преподаватели иностранных языков отмечают, что после дистанционного обучения во время карантина особенно остро стоит вопрос психологического (эмоционального) здоровья студентов, испытывающих нервно-психическое напряжение в ситуациях, связанных с устной продуктивной речевой деятельностью на занятиях по иностранному языку. Нам представляется, что возможным вариантом ослабления подобного напряжения и снятия связанных с ним трудностей, является использование юмора как одного из инструментов изучения иностранного языка.

Теоретический анализ

Изучая специфику юмора в коммуникативном процессе, российские исследователи отмечают, что коммуникационной целью смеха как равноправного участника межкультурного и межнационального диалога является достижение взаимопонимания [1], что в конечном счете соответствует содержанию закрепленных во ФГОС ВО универсальных компетенций УК-4 и УК-5. А. А. Сычев выделяет интегративную подфункцию юмора и связанную с ней подфункцию дифференциации, которые включены в общую сферу коммуникации. Например, профессиональный юмор не только объединяет

группу людей, связанных общими интересами и профессиональными целями, но и служит средством выделения такой группы из массы других сообществ [1].

В сфере образования способность преподавателя применять юмор расценивается как эффективный инструмент обучения. Н. Д. Белл описывает юмор как социально и психологически полезный для учащихся и подчеркивает, что юмор создает более непринужденную атмосферу в классе и помогает поддерживать интерес учащихся [2].

По мнению Т. Н. Ямских, использование юмора на занятиях по иностранному языку в значительной мере способствует повышению познавательного интереса, который, в свою очередь, влияет на эффективность формирования языковой компетенции. Ведь юмористические тексты дают представление о естественных общепотребительных языковых средствах, помогают развивать чувство языка и повышать уровень читательской грамотности, делают речь ярче и образнее [3]. С. Гирдлфанни полагает, что юмор помогает учащимся учиться и запоминать [4]. Л. Аскилдсон рассматривает юмор как уникальный инструмент в обучении второму языку [5]. Аналогичным образом, Н. Д. Белл указывает, что юмор повышает интерес учащихся к изучению «лексики, семантики, синтаксиса и особенностей дискурса изучаемого языка, а также [дает] представление о культуре тех, кто говорит на этом языке» [2].

Однако необходимо, чтобы преподаватель понимал, уместен ли юмор, и мог избежать неловких ситуаций с оскорбительным и унижительным юмором. Р. К. Абдулмджид, С. К. Хаммед [6], Е. Петраки и Х. Х. П. Нгуен [7] полагают, что при обучении юмору необходимо учитывать

особенности личности учащихся, такие как уровень владения языком, возраст, интересы студентов.

Использование юмористических текстов на занятиях должно планироваться учителем. Юмор призван создавать у студентов впечатление спонтанности, но при этом быть неотъемлемой частью курса, способствующего развитию языковых навыков, а не случайной деятельностью. Методика работы с юмористическим текстом зависит от вида шутки и требует от преподавателя четкого представления о том, какими именно приемами достигается комический эффект. На начальном уровне изучения иностранного языка обычно используют универсальные шутки. Вследствие того, что такие шутки основаны на реальности, при переводе с английского языка на русский воспринимаются русскими студентами как смешные. Q: What is the biggest lie in the entire universe? A: I have read and agreed to the Terms & Conditions. Q: What did mommy spider say to baby spider? A: You spend too much time on the web.

Такие шутки представляют собой короткие рассказы, байки, которые заканчиваются панчлайн (punchline), т. е. ключевой фразой анекдота (Press any key to start. – Where is the “any” key?).

Кроме того, в шутках может содержаться информация о культуре, политике и образе жизни страны изучаемого языка. Например, “Q: What’s the difference between USA and USB? A: One connects to your devices and accesses your data, and the other is a hardware standard.” Чтобы понять данную шутку, нужно, во-первых, знать о череде скандалов, вызванных публикацией данных о тотальной слежке правительства США за своими гражданами и иностранцами; во-вторых, иметь представление об устройстве и работе компьютера. При использовании таких юмористических текстов преподавателю целесообразно давать социокультурные комментарии, поясняющие обычаи и нравы страны. Социокультурные знания относятся к знаниям о повседневной жизни, условиях жизни, межличностных отношениях, ценностях, убеждениях и установках; о языке тела и социальных условиях.

На продвинутом уровне владения языком можно вводить лингвистические шутки, основанные на специфических особенностях фонологии, морфологии или синтаксиса английского языка. Лингвистический юмор основан на обыгрывании того или иного языкового явления: многозначности слов, омонимии, омофонии,

метонимии, каламбура и т.д. Культурные или лингвистические шутки не всегда являются смешными при переводе по причине недостаточно высокого уровня социокультурной и лингвистической компетенций студентов. Полагаем, что юмористические тексты, основанные на цитатах и отсылках к культурно значимым в англоязычном обществе текстам, а также авторский юмор писателей не являются подходящим материалом для изучения студентами технических вузов. Использование же каламбуров на занятиях, помимо того, что делает обучение более приятным, может способствовать повышению уровня владения языком студентами. Если преподаватель, нацеленный на обучение беспереводному пониманию иноязычного текста, не получил адекватной реакции (смех, улыбка) на шутку, то работа над пониманием каламбура начинается с вопроса: How is humor being signaled in this example? Чтобы понять какой-либо каламбур, студентам, изучающим иностранный язык, необходимо пройти через несколько этапов. Во-первых, они должны определить исходное значение слова, затем понять его добавочный или параллельный смысл в контексте, исходя из второго значения какого-либо слова фразы. По завершении этих шагов наступает момент, когда между двумя значениями устанавливается связь, аналитическая работа заканчивается и наступает время физиологической реакции смеха.

Например, в каламбуре “Why are people afraid of computers? – They bite” студенты выявляют смысловую несогласованность ответа bite (a unit of computer information, consisting of a group of (usually eight) bits) с содержанием вопроса. Далее они определяют, что сходно звучащее слово bite имеет смысл, задуманный автором каламбура (to use somebody’s teeth to cut into something or someone) и отдают дань игре слов. Для более эффективного распознавания каламбура в речи и понимания двуплановости использования разных значений сходно звучащих слов, а также разных значений одного и того же слова преподавателю необходимо ознакомить студентов с различными видами каламбуров, представленными в табл. 1.

Рассмотрим следующие формы работы с шуткой, которые опробованы нами на практических занятиях:

использование шутки преподавателем в своей речи (Shall I wear sunglasses to class? Because you, my students are so bright!). Это задание на аудирование с немедленной проверкой (реакция студентов) может быть дополнено

Таблица 1 / Table 1

**Виды каламбуров
Types of puns**

Каламбур	Вид каламбура	
<i>Омоним</i> When data can't drive, it takes the bus.	Пишется одинаково	Звучит одинаково
<i>Омофон</i> What do hackers do on a boat? Phishing.	Пишется похоже	Звучит одинаково
<i>Составной каламбур</i> Teacher: Tell me something that conducts electricity. Student: Why, er... Teacher: Yes, wire! Now name a unit of electrical power. Student: A what? Teacher: Yes, a watt! Very good.	Пишется по-другому	Звучит похоже (цепочка слов, которые при произношении звучат почти так же, как какое-то другое слово)

заданием для обогащения лексического запаса (Explain the meaning of the joke);

перевести шутку с русского языка на английский и рассказать ее на занятии (на заданную преподавателем тему);

прочитать шутливый рассказ и пересказать его в косвенной речи;

заполнить пропуски в юмористическом рассказе данными в скобках словами;

продолжить шутку. Преподаватель предлагает текст, намеренно убрав конечную фразу (How do two programmers make money? One writes viruses, the other (anti-viruses));

в юмористическом рассказе поставить глаголы в скобках в правильную грамматическую форму;

описать карикатуру и объяснить, почему картинка считается карикатурой;

выполнить проект в виде озвучки юмористического видеоролика или создать собствен-

ное видео на заданную преподавателем тему, например, A programmer works from home.

Эмпирический анализ

Для количественной оценки эффективности использования юмора на занятиях по иностранному языку нами было проведено анкетирование 67 студентов Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций в апреле 2022 г. На вопрос «Согласны ли Вы с использованием юмора на практических занятиях по английскому языку?» большинство учащихся (73%) ответили: «Полностью согласен», 13% «Согласен», остальные выбрали вариант «Отношусь нейтрально». Ответы на вопрос «Каковы преимущества использования юмора в процессе обучения?» (вопрос с множественным выбором) представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

**Результаты ответа на вопрос о преимуществах использования юмора
Results of the answer to the question about the benefits of using humor**

Варианты ответов	Да, %
1. Создает непринужденную атмосферу в классе	84
2. Делает процесс обучения более позитивным и приятным	89
3. Помогает улучшить взаимодействие учеников и преподавателя	79
4. Способствует концентрации внимания студента на теме	73
5. Помогает запоминать больше информации	68

При ответе на вопрос о самых эффективных формах юмора студенты выделили спонтанный, непринужденный юмор, видеоролики и карикатуры, юмористические короткие

рассказы. Неприемлемыми на уроке формами юмора учащиеся назвали сарказм, насмешку и юмор, не имеющие отношения к материалу курса.

Заключение

Использование каламбуров и юмористических текстов в обучении способствует повышению осознанности в овладении языком, развитию языкового чутья, приведению своего речевого поведения в соответствие с условиями различных ситуаций общения. Таким образом, знакомству с социокультурными особенностями стран изучаемого языка и обучению навыку наслаждаться шутками на иностранном языке должно отводиться значительное место в освоении языка. Однако необходимо помнить, что юмор должен иметь тесную связь с содержанием курса и являться не самоцелью, а инструментом улучшения отношений студент – студент, студент – преподаватель.

Задача педагога – реализовать творческий подход не только к выбору аутентичного юмористического материала, но и к поиску эффективных приемов работы с ним. Удовольствие, получаемое от разгадывания истинного смысла юмористической истории, ненавязчиво повышает мотивацию студентов к изучению иностранного языка. Юмористический материал может добавить разнообразия учебному процессу: юмор привлекает и удерживает внимание обучающихся; материал, поданный в шутливой форме, лучше запоминается, так как сопровождается позитивными эмоциями. Многие преподаватели стараются избегать смеха на занятиях, так как они полагают, что использование юмора может подорвать их авторитет. Наш опыт показывает, что если педагог полагается не только на развлекательную функцию юмора, то процесс обучения становится более интересным и менее сложным.

Список литературы

1. Сычев А. А. Смех как социокультурный феномен : дис. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2004. 362 с.
2. Bell N. D. Learning about and through humor in the second language classroom // *Language Teaching Research*. 2009. Vol. 13 (3). P. 241–258. <http://dx.doi.org/10.1177/1362168809104697>

3. Ямских Т. Н. Использование анекдотов в качестве учебных текстов при обучении иностранным языкам // *Научно-педагогическое обозрение*. 2014. № 4 (6). С. 55–59.
4. Girdlefanny S. Using humor in the classroom // *Techniques: Connecting Education and Careers*. 2004. Vol. 79 (3). P. 22–25.
5. Askildson L. Effects of humor in the language classroom: humor as a pedagogical tool in theory and practice // *Journal of Second Language Acquisition and Teaching*. 2005. Vol. 12. P. 45–61.
6. Abdulmajeed R. K., Hammed S. K. Using a linguistic theory of humour in teaching english grammar // *English Language Teaching*. 2016. Vol. 10, № 2. P. 40–47. <http://dx.doi.org/10.5539/elt.v10n2p40>
7. Petraki E., Nguyen H. H. P. Do Asian EFL teachers use humor in the classroom? A case study of Vietnamese EFL university teachers // *System*. 2017. Vol. 61. P. 98–109. <https://doi.org/10.1016/j.system.2016.08.002>

References

1. Sychev A. A. *Laughter as a Socio-cultural Phenomenon*. Diss. Dr. Sci. (Philos.). Saransk, 2004. 362 p. (in Russian).
2. Bell N. D. Learning about and through humor in the second language classroom. *Language Teaching Research*, 2009, vol. 13 (3), pp. 241–258. <http://dx.doi.org/10.1177/1362168809104697>
3. Yamskikh T. N. The use of anecdotes as educational texts in teaching foreign languages. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie* [Pedagogical Review], 2014, no. 4 (6), pp. 55–59 (in Russian).
4. Girdlefanny S. Using humor in the classroom. *Techniques: Connecting Education and Careers*, 2004, vol. 79 (3), pp. 22–25.
5. Askildson L. Effects of humor in the language classroom: Humor as a pedagogical tool in theory and practice. *Journal of Second Language Acquisition and Teaching*, 2005, vol. 12, pp. 45–61.
6. Abdulmajeed R. K., Hammed S. K. Using a linguistic theory of humour in teaching English grammar. *English Language Teaching*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 40–47. <http://dx.doi.org/10.5539/elt.v10n2p40>
7. Petraki E., Nguyen H. H. P. Do Asian EFL teachers use humor in the classroom? A case study of Vietnamese EFL university teachers. *System*, 2017, vol. 61, pp. 98–109. <https://doi.org/10.1016/j.system.2016.08.002>

Поступила в редакцию 14.09.2022; одобрена после рецензирования 12.10.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 14.09.2022; approved after reviewing 12.10.2022; accepted for publication 11.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 99–103
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 99–103
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-99-103>, EDN: JVCZGA

Научная статья
УДК 37.032

Формирование коммуникативной компетенции российских и иностранных студентов-электриков в рамках социокультурного проекта

М. В. Малкова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия, 614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29

Малкова Мария Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, malk.maria@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3672-1649>

Аннотация. Введение. Проблема формирования коммуникативной компетенции у российских и иностранных студентов на занятиях по иностранному языку требует внедрения интегрированного подхода к обучению. Такая инновационная форма обучения, как проект, а именно социокультурный проект, включающий в себя профессиональные пробы, дает возможность межкультурного взаимообогащения и применения языковых знаний в бытовой и профессиональной коммуникации. **Теоретический анализ** материала по данной проблеме позволил сформулировать вывод о необходимости внедрения профессиональных проб на русском и иностранном языках в практику обучения будущих инженеров. **Эмпирический анализ** основан на экспериментальном опыте – межкультурном взаимодействии в системе профессиональных проб российских и иностранных студентов. Иностранцы уже на этапе предвузовской подготовки знакомятся с основами электротехники, что способствует развитию интереса к будущей специальности. Российские студенты получают опыт коммуникации на иностранном языке в рамках профессиональной деятельности. **Заключение.** Новизна такой формы обучения заключается в том, что кооперация российских и иностранных студентов не ограничивается разовыми совместными профессиональными практиками, а объединяется в социокультурный профессионально ориентированный проект.

Ключевые слова: интегрированные занятия, проектная деятельность, иностранные студенты, метод проектов, профессиональные пробы, социокультурная компетенция, социокультурный проект

Для цитирования: Малкова М. В. Формирование коммуникативной компетенции российских и иностранных студентов-электриков в рамках социокультурного проекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 99–103. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-99-103>, EDN: JVCZGA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Formation of the communicative competence of Russian and foreign electrical students during the socio-cultural project

M. V. Malkova

Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Ave., Perm 614990, Russia

Maria V. Malkova, malk.maria@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3672-1649>

Abstract. Introduction. The problem of the formation of communicative competence among Russian and foreign students in the classroom in a foreign language requires the introduction of an integrated approach to learning. Such an innovative form of education as a project, namely, a socio-cultural project that includes professional tests, provides an opportunity for intercultural mutual enrichment and the use of language knowledge in everyday and professional communication. **Theoretical analysis** of the material on this issue led to the conclusion that it is necessary to introduce professional tests in Russian and foreign languages into the practice of training future engineers. **Empirical analysis.** The author of the article offers an experimental experience – intercultural interaction in the system of professional trials of Russian and foreign students. Foreign students get acquainted with the basics of electrical engineering already at the stage of pre-university training, which contributes to the development of interest in their future specialty. Russian students gain experience of communication in a foreign language as part of their professional activities. **Conclusion.** The novelty of this form of education lies in the fact that the cooperation of Russian and foreign students is not limited to one-time joint professional practices, but is combined into a sociocultural professionally oriented project.

Keywords: integrated classes, project activities, foreign students, project method, professional tests, sociocultural competence, sociocultural project

For citation: Malkova M. V. Formation of the communicative competence of Russian and foreign electrical students during the socio-cultural project. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 99–103 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-99-103>, EDN: JVCZGA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

К выпускникам российских вузов, получивших образование по специальности 13.02.07 «Электроснабжение», предъявляются высокие требования, среди которых необходимость постоянно совершенствовать свои навыки, в том числе и коммуникативные [1]. Помимо этого, Федеральным образовательным стандартом данной специальности [2] предусматривается, что будущие специалисты по электроснабжению должны обладать в числе прочих компетенций умением работать в команде, эффективно взаимодействовать с коллегами и руководством, осуществлять коммуникацию на иностранном языке в рамках поставленных профессиональных задач. Реализация этих целей возможна в непрерывной и осознанной коммуникативной практике, которая как нельзя лучше может осуществляться в языковой среде. Однако в рамках академических практических занятий тоже могут быть созданы условия для эффективной межкультурной коммуникации.

Иностранцам, приехавшим для обучения в Россию, необходимо адаптироваться не только к академической среде, но и к новой для них культуре [3]. Быстрой адаптации во многом способствует общение с ровесниками [4]. Таким образом, кооперация в рамках социокультурного учебного проекта иностранных обучающихся подготовительного отделения и российских студентов специальности «Электроснабжение» может способствовать формированию коммуникативной компетенции и культурному взаимообогащению.

Использование метода проектов в обучении иностранному языку и русскому языку как иностранному развивается давно и активно. Данному вопросу посвящены работы Л. И. Бадаевой [5], М. Ю. Бухаркиной [6], Е. С. Полат [7], В. М. Филипповой [8] и др. Авторы говорят о возможности использования метода проектов при формировании коммуникативной и профессиональной компетенций [5, 6], при развитии различных видов речевой деятельности [7–9]. В работах Е. Л. Пипченко раскрывается потенциал метода проектов при обучении студентов – будущих инженеров [9].

Перечисленные авторы серьезно занимались проблемой использования проектного обучения при формировании коммуникативной компетенции на занятиях по иностранному языку, но рассмотрение данной проблемы в педагогической науке далеко не исчерпано.

Так, внимание ученых привлекает использование социокультурных проектов как средства активного интегрированного обучения.

Необходимость повышения коммуникативной компетенции как российских, так и иностранных обучающихся требует выбора таких педагогических методов и средств, которые позволят сделать процесс интегрированного обучения более эффективным и практико-ориентированным. Необходимо обеспечить обучающимся возможности для языкового, культурного, профессионального взаимообогащения. В связи с этим нужно понимать: а) какой потенциал имеет проект (а именно социокультурный проект) для проведения совместных профессиональных проб; б) как структурировать профессиональные пробы для кооперации студентов.

Теоретический анализ

Термин «социокультурный проект» в современной дидактике толкуется по-разному. Мы в своем исследовании следуем определению Л. И. Бадаевой [5]. Опираясь на классификацию типов проектов Е. С. Полат [7] и классификацию телекоммуникационных проектов М. Ю. Бухаркиной [6], Л. И. Бадаева считает социокультурными проекты, направленные на овладение обучающимися социокультурной компетенцией, т. е. на знакомство с национально-культурной спецификой речевого поведения народа, системой культурных и социальных отношений [5]. Данный тип проектов помогает развивать коммуникативные навыки в определенном социальном взаимодействии. И хотя российские и иностранные студенты сотрудничали в некой квазипрофессиональной среде (во время профессиональной пробы), они в основном не столько учились друг у друга профессиональному мастерству, сколько усваивали речевую культуру, воспринимая модель поведения в рамках академического процесса.

Эмпирический анализ

В опытном обучении приняли участие российские студенты Пермского института железнодорожного транспорта (ПИЖТ УрГУПС) и иностранные обучающиеся подготовительного отделения Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ) из Ирака, Сирии и Египта. К проектному обучению были привлечены слушатели подготовительного отделения, проявившие ин-

терес к инженерному образованию и указавшие в предварительном анкетировании «Электроснабжение» как желаемую специальность для дальнейшего обучения на бакалавриате. Именно профессиональная заинтересованность как российских, так и иностранных обучающихся, определила цель проекта – объединить студентов – будущих электриков – совместной профессиональной пробой.

Для реализации проекта была выбрана дисциплина Междисциплинарный курс (МДК 05.01), включающая в себя в качестве одной из центральных тем сбор электрического щита. Выбор темы обоснован тем, что умение собрать электрический щит является одним из базовых для электриков и электромонтеров любого направления. При сборке и навешивании электрического щита начинающий электромонтер нуждается в напарнике. Это дает возможность иностранным обучающимся чувствовать себя полезными, работая в паре.

Проектная работа обучающихся подразумевала несколько этапов: 1) пропедевтический этап; 2) подготовительный этап; 3) профессиональная проба; 4) этап демонстрации итогового продукта; 5) этап контроля сформированности коммуникативной компетенции.

Проект был назван «*Профессиональная проба электромонтера*». Пропедевтический этап проекта выполнял две важные функции – информирование студентов о предстоящем взаимодействии и психологическая подготовка к совместной работе. С обучающимися была проведена беседа о целях и задачах проекта, возможностях, которые дает совместная работа, технике безопасности и охране труда. Для всех участников проекта преподаватель построил беседу в социальной сети, где студенты написали приветственные слова друг другу, выразили желание встречи и сотрудничества. Это помогло создать позитивный настрой и начать иноязычную коммуникацию на русском и английском языках.

Пропедевтический этап проекта был реализован в рамках академических занятий РКИ (русского языка как иностранного) у обучающихся подготовительного отделения ПНИПУ и английского языка для студентов III курса по специальности «Электроснабжение» ПИЖТ. Основными направлениями стали лексическая и культурологическая работа. Студентам нужно было заранее актуализировать словарный запас, необходимый для взаимодействия. Российские студенты реализовали подготовительную работу в двух направлениях: презентация специ-

альности «Электроснабжение» и подготовка вокабуляра, необходимого иностранцам для участия в профессиональной пробе.

Презентацию специальности обучающиеся готовили в форме презентационных материалов и экскурсии на вокзал «Пермь 1». Информация была посвящена обязанностям электромонтера и перспективам дальнейшего трудоустройства. Экскурсия на пермский железнодорожный вокзал проводилась по запросу иностранцев, многие из которых впервые увидели поезд и электропоезд, побывали внутри электропоезда и железнодорожного вокзала, использовали речевые клише для покупки билетов.

Разработка вокабуляра для профессиональной пробы проводилась российскими студентами с учетом следующих правил:

1. Правило применимости: коллокации должны активно использоваться во время профессиональной пробы как российскими, так и иностранными студентами, а не быть заготовленными «на всякий случай».

2. Правило валентности: коллокации должны быть представлены как в профессиональных, так и в бытовых ситуациях.

3. Правило перевода: вся лексика должна быть переведена на английский язык, что позволяло студентам получить язык-посредник.

Вокабуляр, подготовленный для профессиональной пробы, был оформлен российскими студентами в виде карточек (табл. 1).

В табл. 1 представлена именно та лексика, которая нужна при сборке щита во время профессиональной пробы. Лексика, необходимая в момент монтажа щита, была подготовлена в виде карточек-руководств. Карточки-руководства разработаны российскими студентами с целью показать новые технические термины в коллокациях (табл. 2).

Для того чтобы иностранные обучающиеся увидели практическую применимость новых знаний, им было предложено составить схему блока общежития, в котором они живут, отобразить в схеме все необходимые им розетки и выключатели и вместе с российскими студентами наметить план электропроводки в блоке. Для выполнения этой работы студенты распределились на микрогруппы, состоящие из двух российских и двух иностранных обучающихся. При составлении плана разметки проводки иностранным обучающимся потребовалась дополнительная экстралингвистическая информация: монтажные чертежи с указанием места расположения каждого элемента электро-

Таблица 1 / Table 1

Карточка лексики для профессиональной пробы по сборке электрического щита
Vocabulary card for a professional test on the assembly of an electrical panel

Коммуникативная ситуация	Слово или сочетание слов	Употребление в предложении	Возможный императив
Подготовка к монтажу щита	Провод (sg) – Провода (pl)	Нужно обрезать и зачистить провода и подключить их к аппаратам	Обрежьте провода. Зачистите провода. Подключите провода к аппаратам
	Розетка (sg) Розетки (pl)	На стене есть розетка. Нужно включить вилку в розетку	Принесите розетку. Включите вилку в розетку
	Автоматический выключатель (sg)	Автоматический выключатель делает дом безопасным	Подключите автоматический выключатель
	Устройство (sg) защитного отключения (sg)	Устройство защитного отключения срабатывает, когда в сети появляется дифференциальный ток, означающий утечку тока	Подключите устройство защитного отключения
	Выключатель нагрузки (рубильник) (sg)	Выключатель нагрузки отключает ток	Нажмите выключатель нагрузки (рубильник)

Таблица 2 / Table 2

Карточка-руководство по монтажу электрического щита
Card-guide for the installation of the electrical panel

Лексические единицы	Действия в форме императива
Провода Коммутационные аппараты	1. Обрежьте и зачистите провода 2. Подключите провода к защитным и коммутационным аппаратам
Защитные аппараты	1. Выберите защитные коммутационные аппараты. 2. Установите защитные коммутационные аппараты
Защитные аппараты Коммутационные аппараты	1. Проверьте, правильно ли работают аппараты
Потребители	1. Сколько потребителей будут использовать электрический щит?

проводки, схема прокладки слаботочных цепей (телефон, компьютерные сети, домофон, антенны, сигнализация и другие цепи), газопровода, водопровода, систем обогрева, канализации для учета их взаимного влияния. Обучающиеся получили представление о том, насколько объемной может быть подобная работа.

На демонстрационном этапе проекта каждая микрогруппа представила план электропроводки в блоке общежития на русском и английском языках, что позволило значительно обогатить словарный запас студентов.

Этап контроля предполагал оценку уровня сформированности коммуникативной компетенции обучающихся. Было проведено два контрольных мероприятия: круглый стол, на котором обсуждались впечатления студентов, и тестирование на знание новой лексики. Тестирование позволило выявить высокий

уровень освоенности лексических единиц и умение их употреблять в контексте.

Результаты теста показали, что уровень знаний лексики у иностранных и российских студентов превысил 85%, что можно считать высоким, уровень владения коллокациями и способность строить фразу у российских студентов оказались выше в среднем на 20%, чем у иностранных. Мы связываем это с наличием большего академического опыта и психологической готовности к подобным мероприятиям.

Заключение

Проект «Профессиональная проба электромонтера» показал свою эффективность для формирования коммуникативной компетенции у российских и иностранных студентов при обучении иностранному языку. Пропедевти-

ческий и подготовительный этапы позволили в значительной степени расширить словарный запас. При этом у обучающихся прослеживался прогресс в усвоении профессиональной лексики и лексики, необходимой для повседневного общения. Результативность проекта показала себя спустя 2 месяца: из 10 иностранных обучающихся 9 приняли решение поступать на программу бакалавриата по специальности «Электроснабжение», что свидетельствует о влиянии профессиональных проб на рост учебной мотивации.

Социокультурный проект можно считать перспективным методом организации взаимодействия российских и иностранных студентов. Метод позволяет сформировать у обучающихся знаниевый и культурологический компоненты социокультурной компетенции, знаниевый компонент языковой компетенции на уровне развития грамматических навыков.

Список литературы

1. Назаренко Т. Ю. К вопросу об обучении иностранному языку студентов транспортного вуза // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 4. С. 89–95.
2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства РФ от 4 апреля 2020 г. № 448. URL: <http://docs.cntd.ru/document/556183093> (дата обращения: 01.11.2022).
3. Поморцева Н. В. Лингвокультурная адаптация иностранных учащихся в процессе обучения русскому языку в условиях языковой среды: социально-психологический аспект // Полилингвильность и транскультурные практики. 2008. № 5. С. 69–74.
4. Кротова Т. А. Способы реализации этноориентированной методики обучения русскому языку как иностранному с позиций лингвокультурной адаптации (на примере арабского контингента) // Русистика. 2014. № 2. С. 22–28.
5. Бадаева Л. И. Использование метода проектов на среднем этапе обучения иностранным языкам в общеобразовательной школе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. 26 с.
6. Бухаркина М. Ю. Разработка учебного проекта. М.: АРКТИ, 2003. 240 с.
7. Полат Е. С. Метод проектов: история и теория вопроса. М.: Академия, 2010. 250 с.
8. Филиппова В. М. Лингводидактический потенциал метода проектов и его реализация в преподавании РКИ: дис. ... канд. пед. наук. М., 2018. 208 с.
9. Пипченко Е. Л. Метод проектов в обучении иностранным языкам студентов горно-нефтяного факультета // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2012. № 7 (49). С. 120–123.

References

1. Nazarenko T. Yu. On the issue of teaching a foreign language to students of a transport university. *Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2020, no. 4, pp. 89–95 (in Russian).
2. On the Approval of the State Program of the Russian Federation «Development of Education». Resolution of the Government of the Russian Federation of April 4, 2020 no. 448. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/556183093> (accessed 1 November 2022) (in Russian).
3. Pomortseva N. V. Linguistic and cultural adaptation of foreign students in the process of teaching the Russian language in the conditions of the language environment: Socio-psychological aspect. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices], 2008, no. 5, pp. 69–74 (in Russian).
4. Krotova T. A. Ways of implementing an ethno-oriented methodology for teaching Russian as a foreign language from the standpoint of linguo-cultural adaptation (the case of the Arab contingent). *Rusistika* [Russian Studies], 2014, no. 2, pp. 22–28 (in Russian).
5. Badaeva L. I. *The Use of the Project Method at the Middle Stage of Teaching Foreign Languages in a Secondary School*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2005. 26 p. (in Russian).
6. Buharkina M. Yu. *Razrabotka uchebnogo proekta* [Development of a Training Project]. Moscow, ARKTI Publ., 2003. 240 p. (in Russian).
7. Polat E. S. *Metod proektov: istorija i teorija voprosa* [Project Method: History and Theory of the Question]. Moscow, Akademiya Publ., 2010. 250 p. (in Russian).
8. Filippova V. M. *Linguodidactic Potential of the Project Method and Its Implementation in Teaching Russian as a Foreign Language*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2018. 208 p. (in Russian).
9. Pipchenko E. L. Project based English language teaching to the students of the Oil and mining faculty. *Vestnik PNIPU. Problemy jazykoznanija i pedagogiki* [PNIPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], 2012, no. 7 (49), pp. 120–123 (in Russian).

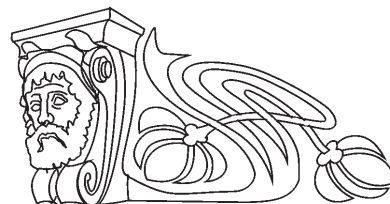
Поступила в редакцию 07.11.2022; одобрена после рецензирования 09.12.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 07.11.2022; approved after reviewing 09.12.2022; accepted for publication 11.01.2023

Научная статья
УДК 37.02

Дискуссионная компетенция в структуре подготовки современного инженера

С. А. Михеев

Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, 630008, г. Новосибирск, ул. Ленинградская, д. 113

Михеев Сергей Александрович, старший преподаватель кафедры физического воспитания, omega1978@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9466-9076>

Аннотация. Введение. В ходе исследования нами было выявлено противоречие, заключающееся, с одной стороны, в повышении требований к уровню коммуникативной подготовки технических специалистов в условиях постиндустриального общества; с другой стороны, в почти полном отсутствии трудов, касающихся проблемы формирования дискуссионной компетенции будущих инженеров. Цель настоящей работы заключается в определении места дискуссионной компетенции в структуре подготовки современного инженера, обусловленного сетевизацией и социотехнической трансформацией технической деятельности. **Теоретический анализ.** Обобщение философских и педагогических подходов к изучению инженерной деятельности позволило провести классификацию функций современного инженера по характеру решаемых задач. Это позволило установить, что под влиянием сетевизации и социотехнической трансформации инженерной деятельности возрастает спрос на инженеров, готовых к реализации профессиональных задач на основе социотехнических функций. Была выявлена взаимосвязь между овладением инженерами дискуссионной компетенцией и результативностью реализации ими социотехнических функций: проектной, исследовательской и организационно-управленческой. **Заключение.** В результате проведенного исследования сформулирован общий вывод о необходимости выделения дискуссионной компетенции в качестве самостоятельного элемента в структуре универсальных компетенций и включения дискуссионной подготовки в учебную программу технических вузов по двум направлениям: традиционному (offline-дискуссии) и сетевому (online-дискуссии).

Ключевые слова: дискуссионная компетенция, дискуссия, сетевизация, социотехническая трансформация, инженерная деятельность, инженерная компетенция

Для цитирования: Михеев С. А. Дискуссионная компетенция в структуре подготовки современного инженера // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 104–110. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-104-110>, EDN: ANRBNO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Discussion competence in the structure of modern engineer training

S. A. Mikheev

Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering, 113 Leningradskaya St., Novosibirsk 630008, Russia

Sergey A. Mikheev, e-mail: omega1978@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9466-9076>

Abstract. Introduction. In the course of the study we have identified a contradiction consisting, on the one hand, in the increased requirements to the level of communicative training of technical specialists in post-industrial society. On the other hand, there is an almost complete lack of research on the problem of forming a discussion competence of future engineers. Based on the abovementioned, the author has formulated the goal of this paper. It consists in defining the place of the discussion competence in the structure of modern engineer training, caused by the networking and socio-technical transformation of technical activity. **Theoretical analysis.** The generalization of philosophical and pedagogical approaches to the study of engineering activity (EA) allowed us to classify the functions of a modern engineer according to the nature of the tasks to be solved. The classification revealed that under the influence of networking and socio-technical transformation of engineering activity there is a growing demand for engineers who are ready to implement professional tasks based on socio-technical functions. The correlation between the engineers' mastery of the discussion competence and the effectiveness of their implementation of sociotechnical functions: design, research, organizational and managerial, was revealed. **Conclusion.** The study made it possible to draw a general conclusion about the need to distinguish the discussion competence as an independent element in the structure of universal competences and to include discussion training in the curriculum of technical universities in two directions: traditional (offline discussions) and network (online discussions).

Keywords: discussion competence, discussion, networking, socio-technical transformation, engineering activity, engineering competence

For citation: Mikheev S. A. Discussion competence in the structure of modern engineer training. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 104–110 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-104-110>, EDN: ANRBN0
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Анализ исследований [1–7] в области инженерной деятельности (ИД) показывает повышение уровня требований к разносторонней, в особенности гуманитарной, подготовке специалистов с высшим техническим образованием. Особое место в ней отводится коммуникативным навыкам, предполагающим в том числе умение вести научную полемику, отстаивать идеи своих изобретений, искать компромиссные решения, разрешать конфликтные ситуации в трудовых коллективах, что предполагает овладение дискуссионной компетенцией (ДК).

Несмотря на актуализацию дискуссионной подготовки инженеров, последняя практически не изучена в отечественной педагогике. Можно отметить лишь незаконченное исследование А. В. Перфиловой и Э. Г. Скибицкого [8, 9] в этой области. Однако указанные авторы не рассматривают социокультурный контекст дискуссионной подготовки современных технических специалистов. Вместе с тем сетевизация и социотехническая трансформация труда привели к существенному изменению инженерных функций, определяющих содержание и методы формирования ДК.

Основываясь на вышеизложенном, формулируем цель настоящей работы: определение места дискуссионной компетенции в структуре подготовки современного инженера, обусловленной сетевизацией и социотехнической трансформацией ИД.

Теоретический анализ

Под дискуссионной компетенцией мы понимаем системное проявление личностных качеств, собственного опыта (рефлексии), знаний, умений, навыков, позволяющих индивиду успешно разрешать спорные вопросы в публичной плоскости на основе рационального компромисса. Проведенный структурный анализ ДК, а также изучение работ И. А. Зимней [10], Э. Г. Скибицкого и А. В. Перфиловой [9], А. В. Хуторского [11] позволили сформулировать вывод, согласно которому дискуссионная компетенция входит в состав более общей коммуникативной компетенции (КК) которая, в свою очередь, является составной частью универсальных компетенций (УК), закрепленных в федеральных государ-

ственных образовательных стандартах (ФГОС). Реализация в образовательном процессе технических вузов УК в совокупности с общепрофессиональными (ОК) и профессиональными (ПК) направлена в конечном итоге на формирование у студентов комплексной инженерной компетенции (ИК).

Рассматривая ДК как органичную часть комплексной компетентностной подготовки будущих инженеров, мы опирались на принципы системного подхода: системность, целостность (интегративность), целеполагание, структурность, иерархичность, в соответствии с которыми, любой педагогический объект или процесс может рассматриваться как самостоятельная подсистема, с собственными законами функционирования, но в то же время входящая в состав более крупной системы, где все элементы находятся в иерархической зависимости и оказывают взаимное влияние. С методологической точки зрения, рассмотрение ДК как подсистемы КК позволяет избежать фрагментарности в исследовании и сформировать комплексное представление о месте ДК в формировании специалистов инженерного профиля.

Понятие и структура комплексной ИК подробно рассмотрены в работе И. Д. Белоновской. Под инженерной компетенцией автор понимает интегративное личное качество, отражающее готовность специалиста к постоянному саморазвитию, решению актуальных инженерных задач, при осознании их социальной значимости и личной ответственности за результаты деятельности. По ее мнению, ИК насчитывает 12 личностно-профессиональных характеристик современного инженера. В их числе контекстуальная (понимание экономических и социокультурных условий производства); индивидуальная, основанная на стремлении к самореализации, владении способами ее достижения, готовности к непрерывному обучению, профессиональному и личностному росту; аксиологическая (приоритет социокультурных ценностей в разработке и проектировании объектов) и др. [3, с. 98].

Таким образом, современный инженер – не узкий специалист, а разносторонняя личность, обладающая широким кругозором в социальной, экономической и культурной областях, уверенно ориентирующаяся в постоянно изменяющихся условиях жизни, готовая к непре-

рывному самообучению. В контексте предмета настоящего исследования отметим важность коммуникативной составляющей ИК. Она предполагает в том числе приобретение уверенных навыков групповой коммуникации в письменной и устной формах. Это невозможно без формирования у инженера ДК, неотъемлемая часть которой основывается на умении аргументировать свою позицию, понимать точку зрения оппонента и разрешать противоречия на основе компромисса.

К похожим выводам приходят и другие авторы. Так, В. Г. Иванов отмечает в качестве важного критерия инженерной деятельности готовность к активному общению и самостоятельному принятию сложных решений [12]. М. С. Голубинский указывает на необходимость ориентации современного инженерного образования на формирование широкого круга коммуникационных компетенций [5]. И. Б. Кондратенко указывает на наибольшую важность КК в списке общекультурных (универсальных) компетенций, закрепленных во ФГОС по подготовке инженеров [13].

Обобщение исследований Е. А. Гавриловой, М. В. Хохловой и О. Ю. Плескачева [4, 7], Р. И. Шарфутдиновой и И. И. Галимзяновой [14] позволило выделить основные функции инженера в современном обществе, которые целесообразно разделить на две большие группы: индустриально-технические и социотехнические.

Первая группа – узкоспециализированные функции, ассоциируемые с инженерной деятельностью со времен индустриального общества и реализуемые на основе ПК. Вторую группу составляют функции, актуальные в постиндустриальном обществе (рис. 1).

В индустриальную эпоху техника была просто механическим инструментом облегчения повседневного быта людей, поэтому ее проектировали инженеры, опираясь только на узкоспециализированные конструкторские знания и навыки. В современном обществе, как отмечают А. Л. Андреев [1, 2] и Г. В. Панина, техника – это не просто вспомогательный инструмент, а органичный элемент социальной среды, образующий техносферу. Наступает новый этап взаимодействия техники и общества, называемый специалистами социальной адаптацией техники, понимаемой как целенаправленное соотношение технических систем с общественными потребностями, их подстройка под конкретные социальные запросы [6, с. 140].

Описанные особенности определяют социотехнический характер современной ИД. Одним из важнейших ее признаков является учет в проектно-конструкторской и исследовательской деятельности, социальных запросов со стороны потребителей разрабатываемых инженером устройств. Отсюда необходимость разбираться в вопросах психологии и социологии, работать в режиме диалога, умение вести полемику, разрешать конфликтные ситуации, т.е. налицо актуальность формирования коммуникативной и дискуссионной компетенции у инженера в условиях информационного общества.

Обобщение взглядов исследователей на компетентностный портрет инженера постиндустриальной эпохи и собственного более чем 15-летнего опыта обучения студентов строительных специальностей позволил нам определить место ДК в структуре подготовки современного технического специалиста (рис. 2).

Образовательную политику определяет государство, которое, опираясь на фундаментальные предпосылки (социокультурные факторы), посредством ФГОС, формулирует заказ на подготовку инженеров. ФГОС содержит перечень общепрофессиональных и универсальных компетенций, руководствуясь которыми вузы выстраивают свой образовательный процесс. Обособленно в указанном списке стоят профессиональные компетенции, разрабатываемые на основании профессиональных стандартов, самими образовательными организациями во взаимодействии с потенциальными работодателями и отраслевыми ассоциациями.

На выходе вузы поставляют обществу специалистов с сформированной ИК, предполагающей готовность выпускников к выполнению шести основных функций, разбитых на две категории: индустриально-технические и социотехнические (см. рис. 2). Для освоения первых инженеру достаточно ПК, последние же требуют овладение широким спектром общепрофессиональных и универсальных компетенций, в числе которых коммуникативная и ее составная часть – ДК.

Дискуссионная компетенция необходима для успешного выполнения современным инженером всех групп социотехнических функций, однако, ее роль в их реализации неодинакова.

Как видно из приведенных данных, наибольшую роль ДК играет в решении профессиональных инженерных задач, связанных с реализацией исследовательской и организационно-управленческой функций. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает органи-

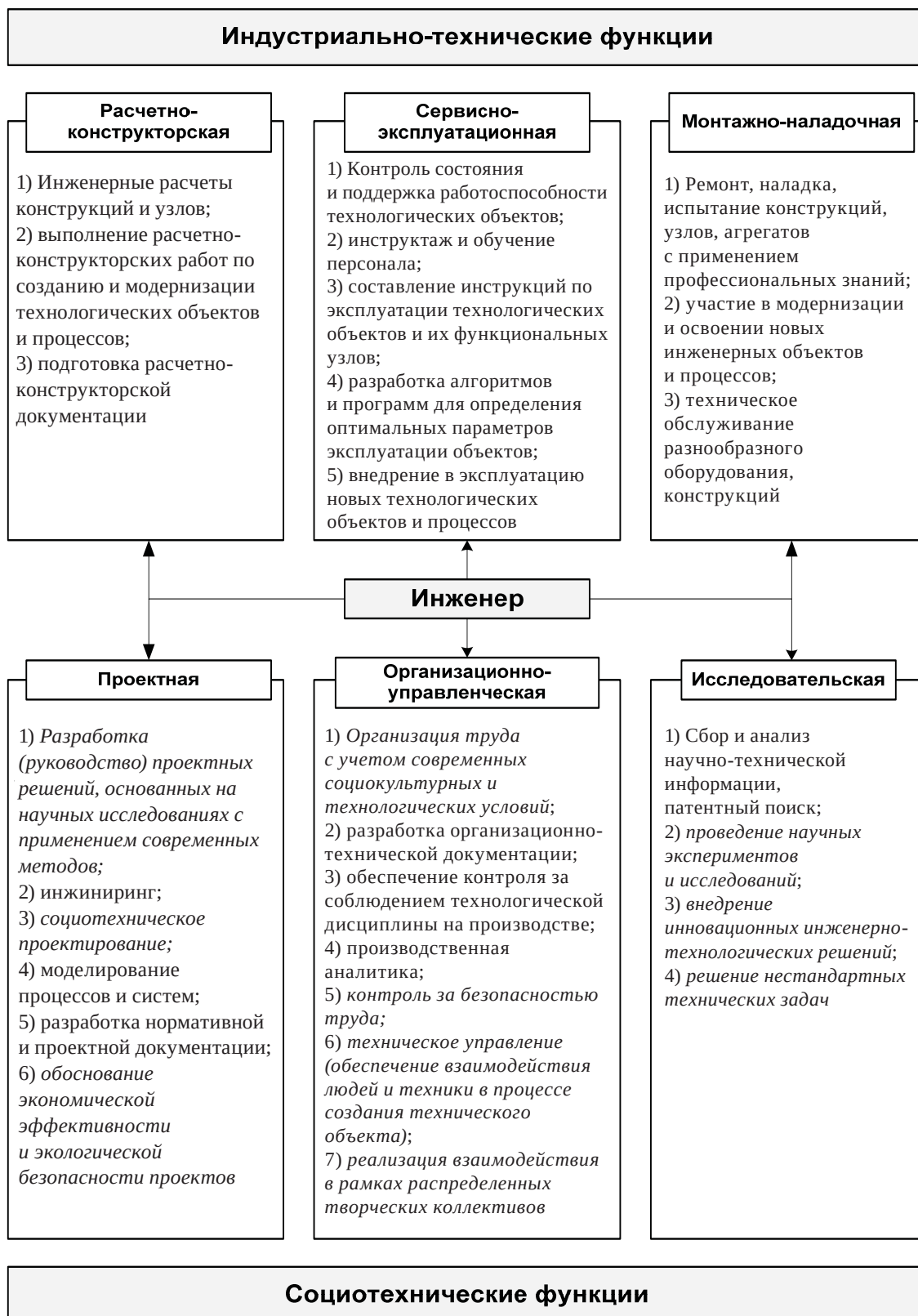

Рис. 1. Функции и задачи современного инженера. Курсивом выделены задачи инженерной деятельности, для эффективного решения которых требуется сформированная дискуссионная компетенция

Fig. 1. Functions and tasks of a modern engineer. Engineering tasks that require a developed discussion competency to be effectively addressed are highlighted in italics

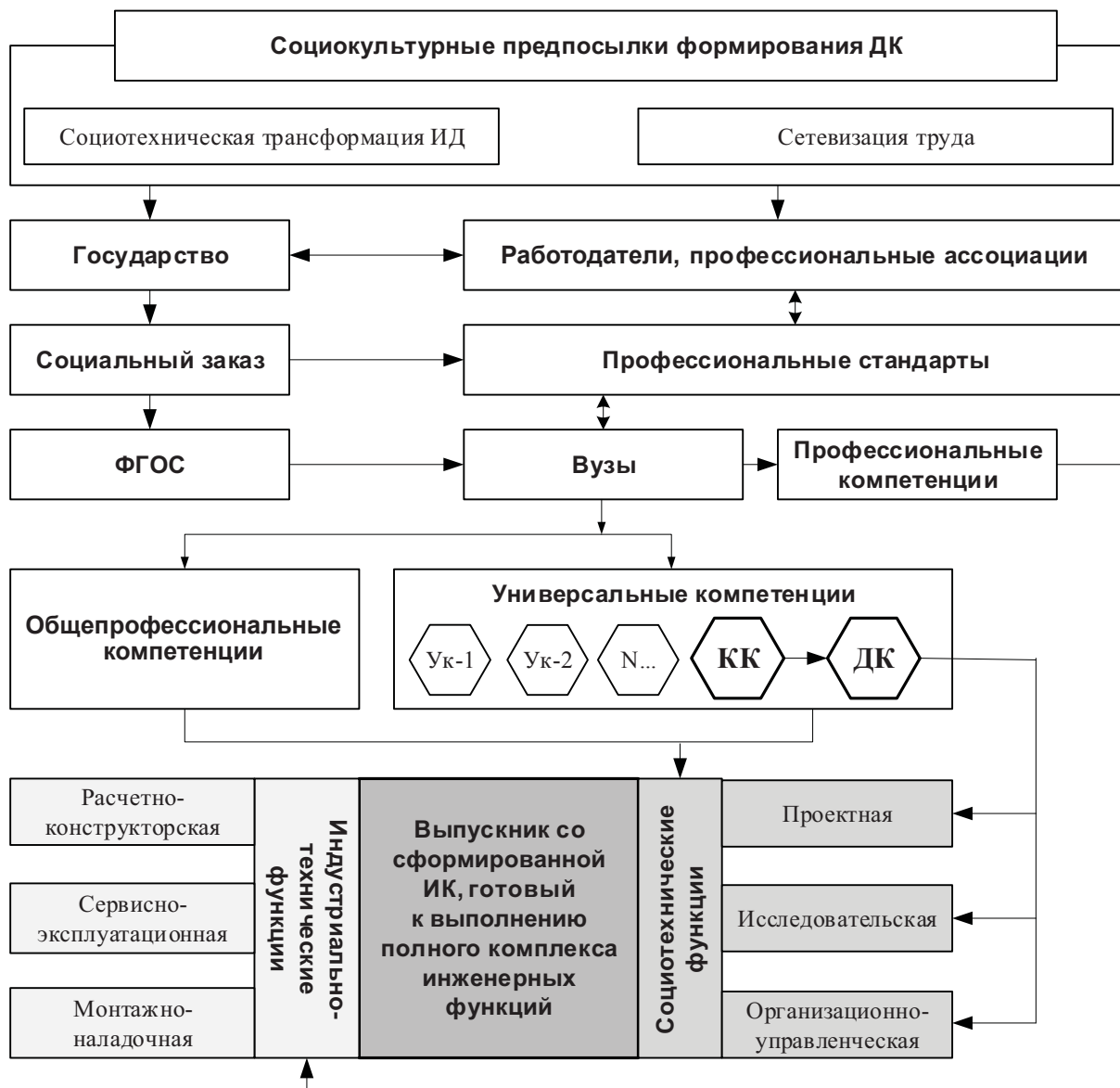

Рис. 2. Дискуссионная компетенция в структуре подготовки современного инженера
Fig. 2. Discussion competence in the structure of modern engineer training

зационно-управленческая задача реализации взаимодействия в рамках распределенных творческих коллективов. Ее важность определяется усиливающейся на протяжении последних 20 лет тенденцией сетевизации инженерного труда, заключающейся в создании «виртуальных лабораторий», где инженерные коллективы реализуют проектную и научно-исследовательскую деятельность, обмениваясь ее результатами через сеть Интернет [4, 15].

Заключение

1. Специфика подготовки инженера в постиндустриальную эпоху обусловлена двумя глав-

ными факторами: социальной трансформацией и сетевизацией технической деятельности.

2. В современном обществе происходит смена приоритетов ИД с выполнения узкоспециализированных индустриально-технических функций на реализацию широкого спектра социотехнических задач, что диктует социальный заказ на инженеров с отличной общеобразовательной (прежде всего гуманитарной) и коммуникативной подготовкой.

3. В структуре универсальной компетентностной подготовки инженера одну из наиболее значимых ролей играет ДК, обуславливающая результативную реализацию последним социотехнических функций. Это диктует необ-

ходимость включения в учебную программу технических вузов целенаправленной дискуссионной подготовки по двум направлениям, включающим развитие способностей к отстаиванию собственной позиции при непосредственном (лицом к лицу) и опосредованном (сетевом, с использованием средств современных информационных технологий) взаимодействии с оппонентами.

В методологическом плане приведенные выводы могут быть использованы для разработки комплексной модели дискуссионной подготовки студентов технических вузов с ориентацией на требования социального заказа и специфику задач, решаемых современным инженером.

Список литературы

1. Андреев А. Л. Гуманитарный цикл в техническом вузе и интеллектуальные среды // Высшее образование в России. 2015. № 1. С. 30–36.
2. Андреев А. Л. Технонаука // Философия науки и техники. 2011. № 1. С. 200–218.
3. Белоновская И. Д. Формирование инженерной компетенции специалиста: предпосылки, тенденции и закономерности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 1. Т. 1: Гуманитарные науки. С. 95–100.
4. Гаврилина Е. А. Инженер в современном мире: Homo Faber Vs Homo Mechanicus // Вестник прикладной этики. 2014. № 44. С. 107–119.
5. Голубинский М. С. Основные направления перемен в высшем инженерно-техническом образовании // Совет ректоров. 2012. № 9. С. 52–56.
6. Панина Г. В. Социотехническое проектирование в инженерном образовании // Вестник прикладной этики. 2015. № 47. С. 139–151.
7. Хохлова М. В., Плескачева О. Ю. Интегративный подход к формированию технологической компетентности будущих инженеров. Брянск : БГИТА, 2011. 104 с.
8. Скибицкий Э. Г., Перфилова А. В. Дидактические условия формирования дискуссионной компетенции студентов технического вуза // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 48–54. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2017-2-48-54>
9. Скибицкий Э. Г., Перфилова А. В. Формирование дискуссионной компетенции у студентов технического вуза // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 3. С. 38–44.
10. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании. Авторская версия. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 42 с.
11. Хуторской А. В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов // Вестник Института образования человека. 2011. № 1. URL: <http://eidos-institute.ru/journal/2011/103/> (дата обращения: 13.06.2020).
12. Иванов В. Г., Кондратьев В. В., Кайбияйнен А. А. Современные проблемы инженерного образования: итоги международных конференций и научной школы // Высшее образование в России. 2013. № 12. С. 66–77.
13. Кондратенко И. Б. Формирование общекультурных компетенций будущих педагогов в процессе интерактивного обучения // Казанский педагогический журнал. 2013. № 6. С. 117–123.
14. Шарафутдинова Р. И., Галимзянова И. И. Профессиональная деятельность современного инженера // Вестник Казанского технологического университета. 2008. Т. 6, № 4. С. 255–257.
15. Кудрявцева Е. И. Компетенция как ключевое понятие актуальной теории и практики менеджмента // Управленческое консультирование. 2011. № 2. С. 140–148.

References

1. Andreev A. L. Humanitarian cycle in technical university and intellectual environments. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2015, no. 1, pp. 30–36 (in Russian).
2. Andreev A. L. Technoscience. *Filosofija nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology], 2011, no. 1, pp. 200–218 (in Russian).
3. Belonovskaya I. D. Engineering competence formation of specialist: Preconditions, tendencies and regularities. *Vestnik OGU* [Vestnik of the Orenburg State University], 2006, no. 1, vol. 1, pp. 95–100 (in Russian).
4. Gavrilina E. A. Engineer in modern world: Homo Faber Vs Homo Mechanicus. *Vedomosti prikladnoj jetiki* [Semestrial Papers of Applied Ethics], 2014, no. 44, pp. 107–119 (in Russian).
5. Golubinskij M. S. Main trends of changes in higher engineering education. *Sovet rektorov* [Council of Rectors], 2012, no. 9, pp. 52–56 (in Russian).
6. Panina G. V. Sociotechnical design in engineering education. *Vedomosti prikladnoj jetiki* [Bulletin of Applied Ethics], 2015, no. 47, pp. 139–151 (in Russian).
7. Khokhlova M. V., Pleskacheva O. Y. *Integrativnyj podkhod k formirovaniju tekhnologicheskoy kompetentnosti budushhikh inzhenerov* [Integrative Approach to Forming Technological Competence of Future Engineers]. Bryansk, BGITA Publ., 2011. 104 p. (in Russian).
8. Skibitsky E. G., Perfilova A. V. Didactic conditions of forming discussion competence of technical univer-

- sity students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2017, no. 2, pp. 48–54. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2017-2-48-54>
9. Skibitsky E. G., Perfilova A. V. Formation of discussion competence in students of a technical university. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2016, no. 3, pp. 38–44 (in Russian).
 10. Zimnjaya I. A. *Kljuchevye kompetentnosti kak rezul'tativno-tselevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii. Avtorskaya versiya* [Key Competencies as a Result-Aiming Basis of the Competence Approach in Education. Author's Version]. Moscow, Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2004. 42 p. (in Russian).
 11. Khutorskoy A. V. Definition of general subject content and key competences as a characteristic of the new approach to the construction of educational standards. *Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka* (Bulletin of the Institute of Human Education), 2011, no. 1. 3. Available at: <http://eidos-institute.ru/journal/2011/103/> (accessed 13 June 2020) (in Russian).
 12. Ivanov V. G., Kondratyev V. V., Kaibijainen A. A. Modern problems of engineering education: Results of international conferences and scientific school. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2013, no. 12, pp. 66–77 (in Russian).
 13. Kondratenko I. B. Formation of general cultural competencies of future teachers in the process of interactive learning. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2013, no. 6, pp. 117–123 (in Russian).
 14. Sharafutdinova R. I., Galimzyanova I. I. Professional activity of a modern engineer. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazan Technological University], 2008, vol. 6, no. 4, pp. 255–257 (in Russian).
 15. Kudryavtseva E. I. Competence as a key concept of current theory and practice of management. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], 2011, no. 2, pp. 140–148 (in Russian).

Поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 02.09.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 02.09.2022; accepted for publication 11.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 111–115
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 111–115
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-111-115>, EDN: EKVSGZ

Научная статья
УДК 378.016+94(470) (075.8)

Гуманизация преемственности социального переустройства современного общества на основе идеи воссоздания СССР в представлениях студенчества

О. А. Озерова

Омский государственный педагогический университет, Россия, 644099, г. Омск, набережная Тухачевского, д. 14

Озерова Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, социологии и политологии, 55oz@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9234-8674>

Аннотация. Введение. Актуальность проблемы гуманизации преемственности социального переустройства современного общества на основе идеи воссоздания СССР в представлениях студенчества обусловлена быстрыми изменениями политического климата и множеством вызовов современности, требующих оперативных и незамедлительных решений. **Теоретический анализ.** Цель статьи – раскрыть процесс обновления мировоззрения студенчества на основе гуманистической идентификации в процессе взаимодействия социального прогресса и регресса. Выявлены деструктивные факторы развития, радикальные и паллиативные механизмы преемственной идентификации. Проанализированы линии социального прогресса на основе методологии идентификации. **Эмпирический анализ** позволил подтвердить теоретические положения, полученные в ходе анкетирования студентов педагогического вуза. **Заключение.** Мультикультурная ориентация профессионального образования требует гуманизации принципов социального переустройства современной России в процессе преемственной идентификации воссоздания принципов, лежавших в основе образа СССР. Данный процесс наиболее эффективен через воссоздание облика СССР в представлениях студентов в современных формах и установление преемственной связи с прошлым. При этом развитие социального прогресса осуществляется в пространстве новой свободы, ограничением которой служит механизм возрождения ответственности в ходе возвращения к подлинной исторической памяти и модернизации общества.

Ключевые слова: преемственная идентификация, гуманизирующие и идентифицирующие принципы, социальное переустройство, воссоздание СССР, социальные последствия, советский гуманизм, деструктивные факторы, линии социального прогресса, профессиональное образование, механизмы преемственной идентификации, зомбирование молодежи, историческая память

Для цитирования: Озерова О. А. Гуманизация преемственности социального переустройства современного общества на основе идеи воссоздания СССР в представлениях студенчества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 111–115. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-111-115>, EDN: EKVSGZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Humanization of the continuity of modern society social reorganization on the basis of the idea of recreating the USSR in the students' mind

O. A. Ozerova

Omsk State Pedagogical University, 14 Quay Tukhachevsky, Omsk 644099, Russia

Olga A. Ozerova, 55oz@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9234-8674>

Abstract. Introduction. The relevance of the problem of humanizing the continuity of the social reorganization of modern society on the basis of the idea of recreating the USSR in students' mind is due to rapid changes in the political climate and many challenges of our time that require prompt and immediate solutions. **Theoretical analysis.** The purpose of the article is to reveal the process of updating the worldview of students on the basis of humanistic identification in the process of interaction of the social progress and regression. Destructive factors of development and radical and palliative mechanisms of successive identification are highlighted. The lines of social progress are analyzed on the basis of the identification methodology. **Empirical analysis** made it possible to confirm the theoretical provisions obtained during the survey. **Conclusion.** Multicultural orientation of vocational education requires humanization of the principles of social reorganization of modern Russia. This process can be used most effectively through the reconstruction of the USSR image in the views of students in modern forms and establishment of a successive connection with the past. At the same time, the development of social progress is carried out in the space of a new freedom, the restriction of which is a mechanism for the revival of accountability in the course of a return to genuine historical memory and modernization of society.

Keywords: succession identification, humanizing and identifying principles, social reorganization, reconstruction of the USSR, social consequences, Soviet humanism, destructive factors, lines of social progress, vocational education, mechanisms of succession identification, zombification of youth, historical memory

For citation: Ozerova O. A. Humanization of the continuity of modern society social reorganization on the basis of the idea of recreating the USSR in the students' mind. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 111–115 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-111-115>, EDN: EKVSGZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблема *преемственности социального переустройства современного общества* на основе идеи воссоздания СССР формируется в представлениях, сознании и коллективной памяти студенчества, рассматривается рядом современных ученых с позиций *осознания гуманного образа Страны Советов*. В своем исследовании мы руководствуемся идеями президента России В. В. Путина, в выступлениях которого отмечается необходимость расширения актуального прошлого «за счет привлечения соответствующих образов и добродетелей», включающих «общее благо» и «справедливость» [1, с. 4]. На этой основе, по мнению В. А. Касамара и А. А. Сорокина, формируются *политические идеалы молодежи*, локализованные в советском прошлом при негативном восприятии современной России. С этим связана и дальнейшая идеализация героизма *homo soveticus*, приводящая к последствиям, при которых «образ государства все более размывается, подменяется так называемыми историческими брендами». В этом ключе авторы связывают политические идеалы молодежи с идеализацией жизни в СССР: «Политический идеал у студентов локализован в советском прошлом, они весьма негативно воспринимают современную Россию и при этом не имеют каких-либо сложившихся представлений о ее будущем даже в краткосрочной перспективе. Современным студентам намного проще идеализировать жизнь в Советском Союзе, чем взять на себя ответственность за решение проблем, стоящих перед современной Россией» [2, с. 110].

При этом другие авторы, в частности В. И. Филоненко и А. С. Магранов, отмечают необходимость восполнения лакун и формирования доверия к исторической памяти: «Формирование гражданского самосознания и чувства патриотизма у молодежи невозможно без уважительного отношения к прошлому своей Родины, в особенности к героическим страницам её истории. Крайне важно транслировать молодому поколению истинные знания о событиях Великой Отечественной войны, не допуская деструктивного восполнения “пробелов” в знаниях

сфальсифицированными данными. И огромная роль в данном процессе принадлежит школе и другим учебным заведениям» [3, с. 220].

Данное направление исследования приводит к необходимости решения проблемы за счет доминирования *гуманизации* в профессиональном образовании. Этот подход объективно обосновывают К. О. Чепеленко [4], В. В. Жучкова, А. А. Воробьева, А. Я. Кузнецова [5] и Р. Р. Сафин [6], которые рассматривают гуманизацию как отражение тенденции реформирования образования на принципах гуманизма на основе *общечеловеческих норм и ценностей*. Суть этой ценностной основы – в следующих постулатах, которые остаются актуальными и в настоящее время: «забота о сохранении и умножении общественного достояния, любовь к Родине» и др. [7, с. 173].

Теоретический анализ

Наряду с основными идеями строительства социалистического общества в Стране Советов одним из важнейших *моральных принципов СССР*, лежащих в основе идей советского гуманизма и социальной справедливости, было нравственное совершенствование личности [8, с. 120; 9]. При этом, как известно, в советском переустройстве общества наряду с прогрессом признавался ряд издержек различных социальных перемен, которые приводили к нежелательным социальным последствиям и воспринимались как запреты и ограничения. Представляется, что механизм *появления негативных последствий* в процессе взаимодействия социального прогресса и регресса неизбежно тормозился пережитками прошлого в сознании граждан. Однако в современных условиях социальных вызовов все чаще встает вопрос о понимании студенчеством *социального переустройства России* на основе воссоздания облика гуманного общества СССР, принципов социальной справедливости и идентификации в соответствии с идеями гуманизма.

Формирование современных аналогов социальных идеалов помогает заполнению лакун в ценностной картине мира современной молодежи. Принципы гуманизации социального

переустройства в СССР в сознании современных студентов трансформируются в образ современной России и становятся основой формирования их мировоззрения. В данном процессе ключевую роль играют радикальные и паллиативные механизмы преемственной идентификации. К радикальным относятся: реновация, воссоздание, и возрождение, к паллиативным: установление преемственной связи, заимствование, адаптация, преобразование, реставрация, реконструкция, модернизация.

Эмпирический анализ

В процессе формирования преемственных связей с образом СССР велика роль будущей интеллигенции новой России, основу которой составляет современное студенчество. Каковы же его представления относительно дихотомии принципов гуманизации образа СССР и их идентификации в социальном переустройстве современного российского общества? На эти вопросы дали ответ студенты Омского государственного педагогического университета. В случайной выборке опроса приняли участие 120 чел., получающих специальность «педагог-дефектолог» и «социальный педагог» (I курс, очное и заочное обучение).

Следует отметить, что мнения по образу СССР крайне противоречивые. Больше половины респондентов (67,3%) считают, что в современной России по отношению к СССР наблюдается процесс ресоветизации. Вместе с тем подавляющее большинство студентов утверждают, что нет необходимости восстановления СССР, так как у России свой особый путь развития (96,2%). Однако другая часть опрошенных 53,8% считает советский период лучшим в истории России. Кроме того, большая часть респондентов (99,8%) видят в образе СССР основу ностальгических настроений в обществе. Немалое число (42,3%) опрошенных признают наличие запроса на социальную справедливость. Они видят правильность идеи воссоздания СССР в необходимости реализации в обществе запроса на справедливость. При этом 26,9% опрошенных признают причину необходимости подобного революционного переустройства (реставрации СССР) в успешности работы социальных лифтов. Вместе с тем 19,2% опрошенных связывает эту идею с отрицанием молодежью западных ценностей.

Следует иметь в виду, что принципы социального переустройства в процессе гуманизации преемственной идентификации современного общества распределяются по линиям социального прогресса.

Линия свободы и необходимости базируется на стремлении к справедливости и появляется в контексте взятых вместе факторов социального благополучия советских людей: индустриализации, гражданских прав и свобод, достойного образования, урбанизации. Это отметили 88,5% опрошенных. Сейчас данная позиция идентична развитию социального прогресса в пространстве свободы. При этом студенты отметили ряд негативных последствий советского прошлого, от которых следует отказаться, заклеить и никогда больше к этому не возвращаться. Необходимо подчеркнуть, что 13,5% опрошенных недооценивают роль пионерской организации и плановой экономики. Видимо, здесь сработала неоднозначность данных факторов. На первом месте в опросе студентов среди позитивных социальных последствий стоят отказ от войны и военных конфликтов (32,7%), репрессии (17,3%), запрет на свободный выезд за границу (17,3%). Значительное место в выделенных ограничениях занимают также: свобода слова (15,4%), отсутствие частной собственности (13,5%), дефицит продуктов и вещей (11,5%), отсутствие свободного доступа к информации (7,7%), железный занавес (7,7%). Думается, что здесь принципом идентификации является развитие социального прогресса в пространстве свободы, ограничением которой служит механизм возрождения ответственности и возвращения к подлинной исторической памяти.

По линии благосостояния студенты признают социальное и материальное благополучие, которое проявляется в бесплатности жилья (50%), досуга, здравоохранения, свободу передвижения (94,2%), социальную защищенность (55,8%), социальные гарантии (57,7%), добропорядочные отношения (51,9%). С данными социальными благами идентифицируется стратегия слияния социального благополучия с материальным, что отражает дефицит социальных благ, вызывающий обострение социальных отношений в современном обществе. В этой связи студенты отметили: бесплатное образование (28,8%), гарантированную работу и профессиональную востребованность (19,2%), что обусловлено естественными запросами молодежи. В числе других студенты ставят: систему здравоохранения, престиж и оплату труда педагогов, хорошее воспитание, человечность, толерантность, сочувствие людей, взаимопомощь, сплоченность населения, готовность к труду, прогресс научного знания. Как представляется, механизмом преемственности социальной идентификации может послужить реновация в процессе преобразования социальных благ в гарантии.

Ценностная линия основывается на привлекательности воссоздания СССР, причину которого студенты видят прежде всего в запросе на справедливость (42,3%). Затем идут запросы на необходимость трудоустройства, наличия и работы социальных лифтов для продвижения молодежи (26,9%). Важное значение при этом приобретает фактор отрицания западных ценностей (19,2%). Можно смело утверждать, что данные принципы идентифицируются с интеграцией «советских ценностей» в особенности развития, что отмечают 96,2 % опрошенных. Преемственная идентификация в данном случае обусловлена механизмом воссоздания гуманизма ценностной картины мира в процессе ее адаптации и реставрации.

Отсюда проистекает наиважнейшая в современных условиях линия *защиты Отечества*, которая как не парадоксально, выявляется в своих внешних признаках: престиже героизма и патриотизма в символике советских брендов, что связывается студентами с воспоминаниями их родителей, т. е. носит в основном ностальгический характер (59,6%). Самая опасная в настоящее время тенденция – недопонимание и непонимание сущности героизма и патриотизма молодежью – обусловлена, на наш взгляд, переверачиванием ценностной картины мира, зомбированием мировоззрения молодежи, сваливанием решения всех проблем на другие плечи («Моя хата с краю»). Эти проявления лжепатриотизма или его полного отрицания являются тревожными симптомами, требующими незамедлительных действий со стороны педагогов, идентифицирующим принципом которых является поддержка патриотических настроений, требующих радикального механизма реновации стратегии патриотизма и сопутствующего заимствования российских символов.

Заключение

Итак, реализация принципов социального переустройства наиболее эффективна в процессе гуманизации преемственной идентификации современного общества, в частности студентов. Этот процесс может происходить в ходе размежевания и возврата к суверенному объединению национальностей через воссоздание облика СССР в представлениях студентов в новых формах и установлении преемственной связи с прошлым.

Развитие социального прогресса осуществляется в пространстве новой свободы, ограничением которой служит механизм возрождения ответственности в ходе возвращения к подлинной исторической памяти и модернизации обще-

ства. Механизмом преемственности социальной идентификации может послужить реновация в рамках преобразования социальных благ в гарантии. Воссоздание гуманизма ценностной картины мира возможно в процессе ее адаптации и реставрации. Мультикультурная ориентация профессионального образования требует гуманизации принципов социального переустройства современной России в процессе идентификации и воссоздания принципов, лежавших в основе образа СССР.

Список литературы

1. Пахалюк К. А. Историческое прошлое как основание российской политики (на примере выступлений Владимира Путина в 2012–2018 гг.) // *Полития*. 2018. № 4 (91). С. 6–31. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-6-31>
2. Касамара В. А., Сорокина А. А. Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи // *Общественные науки и современность*. 2014. № 1. С. 107–118.
3. Филоненко В. И., Магранов А. С. Образ советского Союза в годы Великой Отечественной войны в представлениях студенческой молодежи // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2015. № 3. С. 218–221.
4. Чепеленко К. О. Гуманизация в пространстве непрерывного образования // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 113–116. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-1-113-116>
5. Жучкова В. В., Воробьева А. А., Кузнецова А. Я. Идеи гуманизации образования в России // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2015. № 12-5. С. 16–18.
6. Сафин Р. Р. Развитие гуманистической проблематики в отечественной педагогике второй половины XX века // *Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2008. № 12. С. 44–47.
7. Антоненко С. А., Семенова Н. В. Ценностная основа нравственного воспитания учащихся советской школы (60-е гг. XX в.) // *Педагогическое образование и наука*. 2011. № 5. С. 102–106.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10: 1961–1965. 9-е изд., доп. и испр. М. : Политиздат, 1986. С. 167–173.
9. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М. : Издательство политической литературы, 1976. 144 с.

Reference

1. Pakhalyuk K. A. Historical past as foundation of Russia's polity (Assessing Putin's speeches in 2012–2018).

- Politija* [Politics], 2018, no. 4 (91), pp. 6–31 (in Russian). <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-6-31>
2. Kasamara V. A., Sorokina A. A. The image of the USSR and modern Russia in the youth's mind. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2014, no. 1, pp. 107–118 (in Russian).
 3. Filonenko V. I., Magranov A. S. The image of the Soviet Union during the Great Patriotic War through the eyes of students. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS* [State and Municipal Administration. Scientific Notes SKAGS], 2015, no. 3, pp. 218–221 (in Russian).
 4. Chepelenko K. O. Humanization in the space of continuous education. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 113–116 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-1-113-116>
 5. Zhuchkova V. V., Vorob'jova A. A., Kuznecova A. Ya. Ideas for the humanization of education in Russia. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current Problems of the Humanities and Natural Sciences], 2015, no. 12-5, pp. 16–18 (in Russian).
 6. Safin R. R. Development of humanistic problems in pedagogy in late twentieth century. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tatar State Humanitarian and Pedagogical University], 2008, no. 12, pp. 44–47 (in Russian).
 7. Antonenko S. A., Semenova N. V. The value basis for the moral education of students of the Soviet school (the 60s of the XX century). *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical Education and Science], 2011, no. 5, pp. 102–106 (in Russian).
 8. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsij i plenumov TsK. T. 10: 1961–1965* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Vol. 10: 1961–1965]. Moscow, Politizdat, 1986, pp. 167–173 (in Russian).
 9. *Programma Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Souza* [Program of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1976. 144 p. (in Russian).

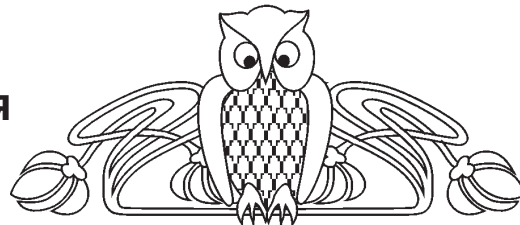
Поступила в редакцию 22.08.2022; одобрена после рецензирования 27.11.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 22.08.2022; approved after reviewing 27.11.2022; accepted for publication 11.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 116–120
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 116–120
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-116-120>, EDN: FYHNVM

Научная статья
УДК 37.026

Концепция педагогики Э. Демолена в контексте реформаторского течения «Новое воспитание»

И. А. Семенов

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Россия, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е

Семенов Иван Александрович, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, iasemenov@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0888-642X>

Аннотация. Введение. Дисперсия дидактических систем, изобилие которых присутствует в современном мире, побуждает нас провести некоторую демаркацию указанных явлений, проанализировать отдельную теорию естественного воспитания на примере школы Рош [фр. L'Ecole des Roches] Эдмона Демолена [фр. Edmond Demolins]. **Теоретический анализ** проведенного исследования базируется на трудах иностранных и отечественных ученых и главным образом на произведении «The Elementary School Teacher» Эдмона Демолена. На основании проведенного анализа была выработана матрица компетенции педагога «нового образования», который отвечает требованиям конкурентоспособности и валидности в своей профессии. Кроме того, исследование оригинальных и переводных текстов позволило автору обозначить позицию современников «школьной реформы» по отношению к традиционному учителю и системе передачи знаний ученикам в целом. **Заключение.** Оценка передового опыта «нового образования» в лице школы Рош, Эдмона Демолена, позволила сделать ряд выводов, которые имеют теоретическую и прикладную значимость в рамках текущего направления реформирования национального образования. Во-первых, констатируется важность внутреннего стержня ученика и целесообразность его свободного развития. Во-вторых, подчеркивается необходимость соответствия образовательных организаций потребностям ученика.

Ключевые слова: школа Рош, новое образование, естественное воспитание, Руссо, Демолен, методика воспитания

Для цитирования: Семенов И. А. Концепция педагогики Э. Демолена в контексте реформаторского течения «Новое воспитание» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 116–120. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-116-120>, EDN: FYHNVM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

E. Demolins' concept of pedagogy in the context of the reform movement "New Education"

I. A. Semenov

Vladimir Juridical Institute of the Federal Penitentiary Service, 67E Bolshaya Nizhegorodskaya St., Vladimir 600020, Russia

Ivan A. Semenov, iasemenov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0888-642X>

Abstract. Introduction. The dispersion of didactic systems, the abundance of which is present in the modern world, prompts us to make some demarcation of these phenomena by analyzing a separate theory – natural education, using the example of the school (de)-Roche [fr. L'Ecole des Roches] of Edmond Demolins [fr. Edmond Demolins]. **Theoretical analysis** of the conducted research is based on the works of foreign and domestic scientists, mainly on the work «The Elementary School Teacher» by Edmond Demolins. Based on the analysis, a competence matrix of a «new education» teacher was developed, which meets the requirements of competitiveness and validity in the profession. In addition, based on the study of original and translated texts, the author outlined the position of contemporaries of the «school reform» in relation to the traditional teacher and the system of knowledge transfer to students in general. **Conclusion.** The assessment of the best practices of the «new education» represented by the Roche School of Edmond Demolins, allowed us to draw a number of conclusions that have theoretical and applied significance within the framework of the current direction of reforming national education. Firstly, the importance of the inner core of the student and the expediency of his free are stated. Secondly, it emphasizes the need for educational organizations to meet the needs of the student.

Keywords: Roche School, new education, natural education, Rousseau, Demolins, methods of education

For citation: Semenov I. A. E. Demolins' concept of pedagogy in the context of the reform movement "New Education". *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 116–120 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-116-120>, EDN: FYHNVM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Полемический вопрос о школьном образовании, поставленный мировым сообществом на рубеже XX в., модернистски провозгласил принцип «свободного» обучения, коррелируя эту идею с лозунгом движения «Новое воспитание» – «образование должно быть свободным». Данный гносеологический принцип определил, что педагогические концепции должны центрироваться вокруг идей естественного воспитания [1, с. 134], экспериментальной педагогики, прагматической педагогики, воспитания посредством искусства, трудового обучения и воспитания, воздвигнув тем самым фундамент для многих авторских акмеологических и дидактических школ «нового образца», по общему правилу базирующихся на концепции естественного воспитания Ж.-Ж. Руссо.

Теоретический анализ

Педагогические взгляды Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) основаны на идее того, что духовная жизнь ребенка начинается и растет из чувств, а его совесть существует отдельно от разума. При этом мировоззренческая парадигма обучающегося зиждется на состоянии счастья. Важно, что внутренняя удовлетворенность ребенка часто возникает при социальном взаимодействии с близкими людьми [2, с. 129]. Чтобы воспитанник достиг счастья, перед воспитателем ставятся две задачи:

1) приумножать и развивать внутренние силы воспитанника;

2) уменьшить желание бездействовать, избавиться от тенденции ребенка «просто хотеть».

Назначение воспитания Руссо видит в полном и гармоничном развитии внутреннего ресурса человека, становлении его как личности. Такая личность добродетельна, самодостаточна, сострадательна и счастлива априори. Воспитание не готовит к какой-либо конкретной профессии, оно развивает в человеке комплексные компетенции ко всем профессиям, а значит способствует естественному развитию личности. Подобные воззрения породили так называемую концепцию естественного воспитания, в основе которой лежит идея о том, что свобода ребенка есть ключ к поступательному совершенствованию уже имеющегося внутреннего ресурса человека – доброты.

Недемократичное воспитание противоестественно и губительно для социальной интеграции ребенка, так как авторитарная власть взрослых калечит природу и пробуждает в ребенке ненависть к старшему социуму. Воспитатель должен учить подопечного истине и добру,

способствовать защите сердца воспитанника от зла, а разум от заблуждений, уважать его свободу и врожденные природные качества. Руссо признавал, что в рамках обучения возможна определенная каритативная подготовка подопечного (любовь, забота, милосердие от лат. *caritas*) [3, с. 142], которая заключается не в нравственных наставлениях и нравовании, а в предоставлении ребенку образца для подражания, т. е. объекта чувственной эпистемологии. Концепция естественного воспитания Руссо базировалась на следующих принципах: использование свободной дисциплины; обучение ремеслам и рукодельным искусствам; развитие чувственной способности ребенка, в фундаменте которых чувства эмпатии – сострадание и любовь к людям.

Рецепция теории естественного воспитания во многом воплотилась в концепции школы (де)-Рош [фр. *L'Ecole des Roches*] Эдмона Демолена [фр. *Edmond Demolins*].

Эдмон Демолен – французский наставник, пионер активной педагогики, основатель школы де Рош, концептуально обосновавший достоинства своей педагогической системы, апробировавший теоретические факты, внедривший их в практику [4]. Одним из первых педагогических нововведений Э. Демолена стало частичное упразднение (сведение к минимуму) теоретического обучения в естественнонаучной области и формирование практической подготовки на базе лабораторий, занятия в которых начинались в младших классах и продолжались до конца всего периода обучения. По мнению ученого, «...только таким образом можно одновременно привить вкус к науке и серьезные знания в ней» [4, с. 227]. Данный замысел представляется весьма прагматичным, поскольку далее Э. Демолен обосновывает свой тезис утверждением выигрышной социально-экономической позиции выпускников своей школы, при которой, во-первых, присутствует янусовидность обучения (с включенным теоретическим и практическим компонентом); во-вторых, постулируется экономическая востребованность обучающихся Рош из-за отсутствия практического обучения в традиционных школах, ведь «...все французские школы выпускают исключительно теоретиков» [4, с. 228].

Эмпирический анализ

В своем манифесте Эдмон Демолен описал портрет «типичного» учителя, который представляется неконкурентоспособным в условиях «новой нормальности» XX века, и учителя «Нового воспитания», образ жизни и стилистика преподавания которого модернизирована под концепцию школы Рош (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Матрица компетенций педагогов традиционного и модернистского типа
Matrix of competencies of teachers of traditional and modernist type

Консервативный учитель	Учитель школы де-Рош (L'Ecole des Roches)
Консервативного преподавателя отличает набор традиционалистских коннотаций: далекое от школы место постоянного жительства; повременная трудовая деятельность, при которой педагог приходит в школу лишь для того, чтобы провести занятия, не задерживаясь там далее; инерционные методами ведения дисциплины: статичное нахождение за кафедрой, отсутствие обратной связи с учениками, преподнесение материала исключительно в виде начитки лекций и др.; отсутствие личного общения с учениками во внеурочное время; отсутствие трехсторонней системы связи: педагог – ученик – родитель	Определенный Э. Демоленом идеал учителя: учителя живут в одном доме с учениками и питаются вместе за одним столом; супруга учителя также трудоустроена в школу, выполняет функции по своему профилю; педагоги принимают участие во всех процессах жизнедеятельности учеников, не только в классах, но и играх; передает детям не только книжные, но и жизненно-практические знания.

Стоит отметить, что включенный процесс воспитания и обучения, реализуемый в методиках школы де-Рош, при котором учителя живут с учениками с утра до вечера, воплощается не для того, чтобы педагоги пристально наблюдали за учениками, а исключительно для их обучения. При этом функции наблюдения за обучающимися возлагаются на отдельных работников.

Э. Демолен утверждал, что такой тесный контакт между учеником и педагогом генерирует между ними отношения диады отец – сын [4, с. 228]. Инноваторы национальной психолого-педагогической теории Г. Г. Семенова-Полях, И. М. Юсупов утверждают, что при доверительных отношениях с отцом у юношей преобладают продуктивные совладающие стратегии поведения (оптимизм, активный отдых, широкие дружеские контакты и стремление к достижениям в деятельности), растет личностный адаптивный потенциал; а при отвергаемых отношениях у юношей снижается адаптивный ресурс, развиваются астенические расстройства, прогрессирует выбор неэффективных копинг-стратегий [5, с. 83]. Применяя подобную учебно-воспитательную модель, школа Рош генерирует у учеников ощущение настоящей семейной жизни.

Что касается распорядка учебно-воспитательного дня, то он подробно описан во второй книге Эдмона Демолена «Новое образование» и пропитан модернистскими идеями практико-интерактивного обучения. Учебный год в школе Рош делится на 3 семестра, в свою очередь

каждый семестр длится на 3 месяца. При этом стоимость одного учебного года составляла 500 долл., что сопоставимо со стоимостью бюджетного малолитражного автомобиля. Это делает школу Рош привилегированным учебным заведением. Инновационным для школ того времени стал процесс зачисления в школу «нового образования», при котором ученики принимаются в начале каждого семестра, а формализованный экзамен отсутствует. Концептуальной основой дидактических идей «нового воспитания» стала обязательность учета в педагогике внутренних интересов ребенка. Это потребовало выявления интересов детей с целью согласования методов преподавания с естественным ходом их психического развития [6, с. 207].

Особенности дидактической программы Демолена, «более адаптированной к характеру ребенка и потребностям образования [7, с. 479]», можно изобразить в виде матрицы (табл. 2).

Т. Р. Кросвелл, комментируя программу учебно-воспитательной деятельности школы Рош, добавляет, что на гармоничный учебный план обучения удачно накладывается практико-досуговая деятельность, в процессе которой большое количество времени уделяется формированию социальных привычек [7, с. 487]. Социальный уклад детей вырабатывается в том числе через контакт со взрослым обществом, в частности с женским. Коммуникацией с противоположным полом выступают субъектно-субъектное и субъектно-объектное взаимодействие, практическое и духовное, предметное и

Таблица 2 / Table 2

Матрица учебно-воспитательной деятельности альтернативной системы обучения Э. Демолена
Matrix of educational activity of E. Demolins' alternative learning system

Обучение	Практическая работа	Досуговая деятельность
<p>Расчетное время занятий с утра до 13 ч дня</p> <p>пропорционально распределенное время между естественнонаучными, гуманитарными и техническими дисциплинами;</p> <p>отмена деления педагогов на наставников и преподавателей;</p> <p>занятия по морали и социологии, самоуправление учащихся;</p> <p>практическое обучение иностранным языкам преимущественно осуществляется носителями в соответствующей стране;</p> <p>грамматические и пунктуационные правила родного языка усваиваются в процессе изучения отдельного текста, а не заучиваются механически</p>	<p>Расчетное время занятий с 2 до 4 ч дня</p> <p>практическая работа состоит из трех элементов:</p> <p>а) садоводство и сельское хозяйство (отработка практических навыков садоводства и земледелия на собственных угодьях);</p> <p>б) ремесленное искусство (металло/деревобработка): вырабатывает способность ребенка к труду и развивает моторику рук, усиливает физическую кондицию обучающегося;</p> <p>в) посещение ферм, мануфактур, собирательство природных ресурсов в окрестностях школы де Рош; местная геодезия и картография (инсталлирует ребенка в непосредственный контакт с окружающей природной и социальной средой)</p>	<p>Исполняется в отведенные расписанием часы</p> <p>организована детская скаутская организация;</p> <p>проводятся различные мастер-классы со специалистами разного профиля;</p> <p>занятие спортом (футбол, крикет, теннис, гребля);</p> <p>отработка практических навыков вождения в собственном автопарке школы;</p> <p>литературные и музыкальные вечера;</p> <p>прослушивание религиозных и этических лекций;</p> <p>прогулки и экскурсии</p>

межличностное. Субъектно-субъектные связи характеризуют взаимные отношения педагогов и старших подростков как развивающихся личностей, субъектов собственной жизнедеятельности, предполагают обмен идеями, мыслями, чувствами, интересами и т.д., т. е. всем тем, что выступает достоянием внутреннего мира взаимодействующих [8, с. 8].

Заключение

Проанализировав философско-педагогические воззрения естественного образования в лице представителя «новой школы» Рош Э. Демолена, уместно заявить о важности внутренних инстинктов и чувств ученика и интеграции социальных институтов внутри учебно-воспитательной организации. В своих трудах Демолена обрисовал портрет идеального учителя, необходимого развивающемуся обществу, а также недвусмысленно определил образец школы, которая должна сгенерировать будущего достойного гражданина. Образцовый гражданин воплощает в себе всесторонне развитую личность, способную «завоевать мир», проявить свою гражданскую инициативу, быть стойким в любых чрезвычайных ситуациях и быстро встать на ноги после всех несчастных случаев, с которыми они могут столкнуться в реальном мире.

Список литературы

1. Бражник Е. И. Значение опыта «новых школ» за рубежом для современной новой школы в России // Региональное образование XXI века: проблемы и перспективы. 2012. № 5. С. 134–138.
2. Кигай А. И. Руссо Жан-Жак. Письмо о добродетели и счастье (перевод, предисловие и комментарии А. И. Кигай) // Этическая мысль. 2015. № 2. С. 3–130.
3. Семенов И. А. Каритативная философия в традиционных боевых искусствах Японии // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 2 (29). С. 142–144.
4. Demolins E. L'école des Roches // The Elementary School Teacher. 1906. № 5. P. 227–240.
5. Семенова-Полях Г. Г., Юсупов И. М., Махмудов Г. М. Защитно-адаптивные ресурсы юношей в отношениях «отец – сын» // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2017. № 1 (28). С. 83–89. <https://doi.org/10.18323/2221-5662-2017-1-83-89>
6. Халиуллина Д. М. Предпосылки развития альтернативных дидактических систем за рубежом // Образование и саморазвитие. 2011. № 6 (28). С. 207–211.
7. Crowell T. R. L'école des Roches, a School of the Twentieth Century // The Pedagogical Seminary. 1900. P. 479–491.

8. Антипова А. П. Взаимодействие педагогов и старших подростков в образовательном процессе с учетом половой дифференциации: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1999. 209 с.

References

1. Brazhnik E. I. The significance of the experience of "new schools" abroad for a modern new school in Russia. *Regional'noe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy* [Regional Education of the XXI Century: Problems and Prospects], 2012, no. 5, pp. 134–138 (in Russian).
2. Kigay A. I. Rousseau Jean-Jacques. A letter about virtue and happiness (translation, preface and comments by A. I. Kigay). *Eticheskaya mysl* [Ethical Thought], 2015, no. 2, pp. 3–130 (in Russian).
3. Semenov I. A. Caritative Philosophy in Traditional Japanese Martial Arts. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Humanities University], 2020, no. 2 (29), pp. 142–144 (in Russian).
4. Demolins E. L'école des Roches. *The Elementary School Teacher*, 1906, no. 5, pp. 227–240.
5. Semenova-Poljah G. G., Jusupov I. M., Makhmudov G. M. Protective and adaptive resources of young men in the father–son relationship. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology], 2017, no. 1 (28), pp. 83–89 (in Russian). <https://doi.org/10.18323/2221-5662-2017-1-83-89>
6. Khaliullina D. M. Prerequisites for the development of alternative didactic systems abroad. *Obrazovanie i samorazvitie* [Education and Self-Development], 2011, no. 6 (28), pp. 207–211 (in Russian).
7. Croswell T. R. L'école des Roches, a School of the Twentieth Century. *The Pedagogical Seminary*, 1900, pp. 479–491.
8. Antipova A. P. *Interaction of Teachers and Older Adolescents in the Educational Process, Taking into Account Sexual Differentiation*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). St. Petersburg, 1999. 209 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 16.12.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 16.12.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 11.01.2023

ISSN 1819-7671

23001

9 771819 767101

ISSN 1819-7671 (Print). ISSN 2542-1948 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023.
Том 23, выпуск 1

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

- Серия: Акмеология образования. Психология развития
- Серия: История. Международные отношения
- Серия: Математика. Механика. Информатика
- Серия: Науки о Земле
- Серия: Социология. Политология
- Серия: Физика
- Серия: Филология. Журналистика
- Серия: Философия. Психология. Педагогика**
- Серия: Химия. Биология. Экология
- Серия: Экономика. Управление. Право

